Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика

Труды Военно-Исторической Комиссии.

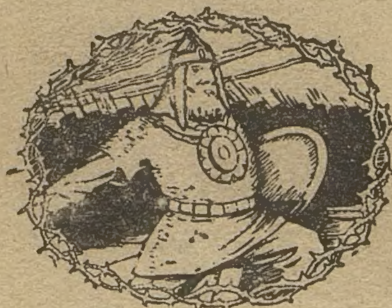
М. Бонч-Бруевич.

Потеря нами Галиции в 1915 г.

Часть I.

ЧЕРЕЗ КАРПАТЫ В ВЕНГРИЮ ЗИМОЮ 1915 года.

Цена 200 руб.

Москва 1921 г.

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

Труды Военно-Исторической Комиссии.

М. Бонч-Бруевич.

ПОТЕРЯ НАМИ ГАЛИЦИИ въ 1915 году.

Часть I.

ЧЕРЕЗ КАРПАТЫ В ВЕНГРИЮ ЗИМОЮ 1915 ГОДА.

МОСКВА—1920.

Отпечатано в количестве 3000 экз.

20-я ГОСУДАРСТВЕННАЯ типография (бывш. Кушнерева). Пименовская.
МОСКВА — 1920.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Разделяя основной взгляд автора на наши зимние действия в Карпатах, Коллегия тем не менее считает спорными некоторые его мысли и выводы оощего характера; однако она решила привести их полностью в видах сохранения цельности и яркости изложения, присущих этому труду.

Редакционная Коллегия.

27 апреля 1920 года.

Поражение русских армий Ю.-З. фронта в 1915 году и, вследствие этого, потеря нами Галиции, занятой, благодаря блестящим успехам тех же армий в 1914 г., явилось логическим последствием, главным образом, разнообразия в понимании основных задач великой войны главнокомандующими С.-З. и Ю.-З. фронтов, вполне определенно выяснившегося уже в октябре 1914 года, а также той роли, которую сыграло при этом верховное главнокомандование, всегда стремившееся примирить противоречивые решения главнокомандующих фронтами.

Великая Галицийская битва 6 (19) августа—30 авг. (14 сент.) 1914 г., закончилась победой армий Ю.-З. фронта над австрийцами, отошедшими за р. Сан. В результате ее мы овладели всею Восточной Галицией и, видимо, утвердились в ней.

Попытка германцев овладеть Варшавой в конце сентября (в начале октября) 1914 года привела к сосредоточению нашей 2. армии в районе Варшавы, к ее развертыванию на левом берегу р. Вислы, затем, к удачной для нас Варшавской операции. Германцы были отбиты. Наши армии левого крыла С.-З. фронта и правого крыла Ю.-З. фронта получили возможность развить дальнейшее наступление на левом берегу р. Вислы.

Лодзинская операция в конце октября и ноябре 1914 года остановила наступление 1., 2. и 5. армий С.-З. фронта. Армии Ю.-З фронта тем временем продвигались вперед, преодолевая сопротивление оправившихся австрийцев, и, наконец, уперлись в Краков-Ченстоховские позиции, обеспечив свой левый фланг со стороны карпатских проходов необходимым количеством войск.

ГЛАВА I.

Ближайшие задачи войны после Лодзинской операции.

(Ноябрь и декабрь 1914 года.) (Схема № 2.)

Предположение верховного главнокомандующего отвести армии к Висле и Сану. Кризис Лодзинской операции наступил между 8-12 (21-25) ноября. Перед этим были такие минуты, когда ставка имела все основания допустить возможность неудачного исхода наших действий. В телеграмме от 7 (20) ноября 1914 года за № 5841 [1]) наштаверх г. Янушкевич сообщил главкоюзу г.-ад. Иванову: „Верховный Гл-щий высказал, что прежде всего крайне необходимо исчерпать все средства, дабы сломить сопротивление противника. Если же победа будет не за нами, то придется отходить к Висле и Сану, остановившись во что бы то ни стало на заранее подготовленных позициях левого берега Вислы и удерживая в своих руках переправы на Сане". — О том же было сообщено главкосевзапу г.-ад. Рузскому, телеграммой 8 (21) ноября № 5842 [2]), за подписью генкварверха г. Данилова.

Отказ верховного главнокомандующего от отвода армий к Висле и Сану. Когда почувствовалось облегчение в районе 2. и 1. армий С.-З. фронта, благодаря подходу Ловичского отряда,—г. Янушкевич, в телеграмме 10 (23) ноября 1914 года № 5887 [3]), между прочим передает г.-ад. Иванову: „........Верховный Гл-щий находит необходимым приостановить выполнение Ваших предположений по отводу армий Ю.-З. фронта за р. р. Пилицу и Нидзицу с тем, чтобы в случае дальнейшего подтверждения об улучшении положения на фронте 2. и 5. армий:—завтра же перейти с удвоенной энергией и настойчивостью к прежней задаче по нанесению поражения германо-австрийским войскам на фронте Краков—Ченстохов".

Итак, достаточно было только самых приблизительных сведений об улучшении дел в армиях С.-З. фронта, благодаря появлению и, кстати сказать, весьма вялым действиям нашего Ловичского отряда (в составе 1. армии), как ставка находит возможным завтра-же

перейти к решению активной задачи — именно к поражению сил противника, сосредоточившихся в районе Краков—Ченстоховских позиций, —наступлением армий Ю.-З. фронта, еще не закончивших к 10 (23) ноября длительных боев и, конечно, не успевших пополнить свои кровавые потери.

Совещание 16 (29) ноября 1914 года в Седлеце. Предложение г. Данилова вторгнуться вглубь Германии, сначала овладев Восточной Пруссией. На 16 (29) ноября главковерх назначил с'езд главкомов с их начальниками штабов и главными начальниками снабжений в Седлеце, пожелав „видеть лично для совместного обсуждения предположений о дальнейших действиях и выслушивания доклада о состоянии армий и степени материального их обеспечения".

Протокола этого совещания в делах не найдено.

В записке, от 15 (28) ноября 1914 г. за № 1504 [1]), о ближайших мероприятиях]для обеспечения успеха дальнейших военных операций, поданной г. Даниловым к этому совещанию, имеются такие указания: „только после полного обновления армий возможно будет приступить к очередной задаче по глубокому вторжению наших армий в пределы неприятельской территории, каковая операция должна считаться и впредь основной и несомненно будет сопряжена с преодолением многих трудностей". Таким образом, вместо установления стратегической задачи для ближайших действий,—г. Данилов намечал лишь „вторжение вглубь неприятельской территории", почему то назвав это движение—„операцией". Вторжение вглубь Германии было неразрывно связано с одержанием успеха над германскими армиями, достижение которого могло явиться лишь следствием удачного исполнения нашими армиями некоторого стратегического задания, которого как раз и не предлагал генкварверх в своей записке. Предложение „вторгнуться" вглубь Германии, не сопровождавшееся стратегическим планом, было ничем иным, как только пышной фразой, не соображенной с данными действительной обстановки.

Однако, в главе 4-ой той же записки, по отношению к С.-З. фронту, г. Данилов пишет: „охватывающее положение пограничной полосы немцев, в связи с широко подготовленной железнодорожной сетью и доказанной маневренностью германских войск, —едва ли дают право рассчитывать на широкое развитие наступательных действий армиями С.-З. фронта на левом берегу Вислы, без опасения получить новый контр-удар впредь до того времени, когда продвинутся наши действия в Восточной Пруссии, а равно, когда правофланговые армии Ю.-З. фронта будут иметь возможность примкнуть к левому флангу С.-З. фронта". Этими словами генкварверх делал робкий намек на невозможность вторгнуться вглубь Германии, пока не обеспечим себя от удара германцев в наш правый фланг и даже тыл—из Восточной Пруссии.

„Вследствие сего", пишет дальше г. Данилов, „если нам удастся вынудить к дальнейшему отходу германских войск из района между Ви-

слой и Вартою, к чему соотношение сил (31 1/4 дивизий против 16 дивизий), видимо, дает основание, нам едва ли возможно будет развить энергичное преследование нашими силами далее линии Плоцк—Красновице—Домбе". Так ограничивал сам свою собственную мысль о „вторжении" г, Данилов, как только обратился к фактическому положению армий С.-З. фронта. Весьма интересно до конца ознакомиться с этой запиской, т. к. в ней все-таки проглядывают зачатки будущих операций великой войны. „На указанной линии", говорится в записке, „наше положение должно быть прочно закреплено не только на фронте, но и на левом фланге, путем обеспечения последнего достаточно сильной группой, которая должна прочно стать на Варте фронтом к Калишу и войти в связь с армиями Ю.-З. фронта. Вместе с сим должна быть произведена перегруппировка армий С.-З. фронта, действующих на левом берегу Вислы, с целью образования достаточно сильных резервов". Таким образом, намечается оборона лево-бережных армий на линии Плоцк—Красновице—Домбе. Посмотрим теперь, каким армиям, с какой целью и в каких направлениях г. Данилов предлагает активные задачи.

В записке читаем: „Х-й армии, действующей в Восточной Пруссии, необходимо продолжать энергично развивать свои действия. Скорейшему овладению Восточной Пруссией, пока наш враг обессилен боями на фронте Лович-Лодзь, придается исключительное важное значение, ибо успех этого наступления раз навсегда обеспечит правый фланг и тыл нашего стратегического фронта от ударов, опасность которых будет даже возрастать по мере движения нашего вглубь неприятельской территории. Став прочно на нижней Висле, мы не только парализуем эту опасность, но будем иметь возможность притянуть к дальнейшим действиям на левом берегу Вислы большую часть Х-й армии, что усилит наше дальнейшее наступление. Вследствие этих причин, медленность развития действий Х-й армии является неблагоприятным фактором; необходимо употребить все усилия, чтобы наше наступление в Восточной Пруссии не останавливалось, а наоборот, велось самым упорным и настойчивым образом. Нельзя не отметить также важность, впредь до соответствующего продвижения Х-й армии, прочного и непосредственного обеспечения Млавского направления. Обеспечение это к сожалению требует выделения в этом направлении на правом берегу Вислы особых войск в виде группы в составе, повидимому, трех корпусов. Это обстоятельство, ослабляя наше расположение на левом берегу Вислы, еще лишний раз доказывает необходимость прочного занятия всей Восточной Пруссии. Упомянутая выше группа на Млавском направлении, действуя наступательно на Сольдау в значительной степени может способствовать продвижению Х-й армии, в целях овладения Восточной Пруссией. Создаваемая на Млавском направлении группа должна прочно обеспечить за нами обладание укрепленным районом Варшава—Новогеоргиевск—Зегрж—и нижним Наревом, примерно до Рожан включительно".

Итак, активная задача возлагается на достаточно ослабленную к этому времени 10. армию, которой ставится задача — овладеть Восточной Пруссией, рассчитывая на косвенное содействие со стороны Млавской группы (три корпуса), наступающей на Сольдау для лучшего обеспечения правого фланга левобережных армий, путем прочного закрепления за нами района Варшава—Новогеоргиевск—Зегрж и нижнего Нарева до Рожан включительно. Мысль овладеть Восточной Пруссией, ясная и целесообразная, с точки зрения обеспечения правого фланга и тыла армий левого берега Вислы в то время, когда они разовьют свое наступление вглубь Германии,— быстро расплывается в туманный план — овладения Восточной Пруссией путем наступления только одной 10. армии, уже наткнувшейся на укрепленные проходы Мазурских озер, беспомощно тыкающейся то в один, то в другой из них и разбивающей себе лоб в частных попытках атаковать ту или иную сильно укрепленную германцами междуозерную позицию. Содействие Млавской группы следует признать весьма проблематичным, т. к. этой группе записка ставит вполне определенную задачу — удержание некоторого района; задачу, которая, конечно, и привлекла бы к себе все внимание и все силы Млавской группы, не взирая на то, что 10. армия все это время истекала бы кровью в бесплодных попытках пробиться между озерами. Совершенно очевидно, что для овладения Восточной Пруссией следовало предложить разработанный оперативный план, в котором действия 10. армии являлись бы лишь одним из звеньев этой довольно сложной операции. Впоследствии это было сделано, но... наступление в Восточную Пруссию в феврале—марте 1915 года явилось уже бесспорно запоздавшим.

И вот, как мгновенный блеск молнии, промелькнула вполне ясная задача — о в л а д е т ь В о с т о ч н о й П р у с с и е й в видах открытия возможности действовать на главного противника, германцев, армиями левого берега Вислы; промелькнула и погасла в кромешной тьме своей незаконченности.

Относительно задач Ю.-З. фронта в записке говорится: „при слагающейся обстановке основной задачей армий Ю.-З фронта является настойчивое развитие достигнутого нами над австрийцами успеха. С этой целью необходимо, обеспечивая возможно меньшими силами обладание за нами Галичины и занимая прочно важнейшие проходы в Карпатах, иметь все остальные силы собранными в соответствующих районах для нанесения окончательных ударов австро-германским войскам, развернутым на фронте Ченстохов—Краков и к югу от него, причем главный удар должно наносить левым флангом, нацеливая его примерно в направлении на Оппельн.

Развитие главного удара в указанном направлении должно иметь целью сближение с армиями С.-З. фронта, отбрасывание австрийцев от их естественных путей отступления на Вену и затруднение им переброски сил в собственную страну. В частности, в зависимости от обстановки, по прохождении армиями меридиана Кракова, придется выделить строго необходимые силы для блокады

этой крепости, из числа второочередных дивизий и, кроме того, в зависимости от той же обстановки, выставить определенной силы заслон к югу от Кракова к стороне главных Карпатских проходов в западной Галичине..."

Таким образом, Ю.-З. фронту ставится задача—атаковать противника, занимающего Краков—Ченстоховские позиции, обеспечив левый фланг прочным удержанием Карпатских проходов и тыл—обладанием Галицией.

Но где же стратегическая задача всей войны; где суммарная оценка всей обстановки; где та ближайшая задача войны с расчетом сил, времени и расстояния, из которого должны были, как следствие, вытекать задачи каждому фронту? Видимо, такую задачу верховное главнокомандование не пыталось отыскивать, мысля о задачах войны, как о подсчете задач С.-З и Ю.-З. фронтов. Точнее выражаясь, в это время в ставке вовсе не было ближайшей задачи великой войны.

Сущность предложения г. Данилова. В виде подсчета задач обоих фронтов, за отсутствием общей задачи войны,—генквар предлагал совещанию 16 (29) ноября 1914 г. следующее: „Обороняться на левом берегу Вислы на линии Плоцк—Красновице—Домбе; Х-й армии овладеть Восточной Пруссией; Ю.-З. фронту атаковать противника, занимающего Краков—Ченстоховские позиции. Обеспечить правый фланг левобережных армий наступлением группы в три корпуса на Сольдау, рассчитывая, что это наступление будет содействовать и Х-й армии в решении поставленной ей задачи. Обеспечить левый фланг Ю.-З. фронта с прочным удержанием Карпатских проходов и Галиции".

Критика этих предположений не входит в нашу задачу. Достаточно отметить, что рассматриваемые, в общей совокупности,—эти предположения все-таки не дают представления об основной задаче войны, которая принята была в основу соображений, выраженных в записке.

Решение верховного главнокомандующего: отвести армии назад. В результате совещания 16 (29) ноября главковерх отдал директиву, от 17 (30) ноября 1914 года за №6045 [5]), которой предписывалось: „сделать все необходимые распоряжения для того, чтобы в ночь с семнадцатого на восемнадцатое ноября возможно было начать отход армий обоих фронтов, находящихся на левом берегу Вислы на фронт Илов-Томашев, р. Нида и далее к р. Висле для занятия на левом ее берегу заранее подготовленных позиций на путях к Варшаве и Ивангороду... На обязанности Ю.-З. фронта остается задача по удержанию в наших руках Восточной Галиции. Пределом отхода на правом берегу Вислы должна явиться р. Сан с удержанием переправ через эту реку в наших руках... Х-й армии энергично продолжать выполнение возложенных на нее задач, стремясь иметь сильные резервы для обеспечения себя от контр-ударов".

Отсюда ясно, что верховное главнокомандование не приняло предложений г. Данилова и предписало всюду оборону, предоставив активные действия лишь ничтожным силам 10. армии. Это решение, не вытекая из какой-либо общей задачи войны, являлось лишь суммарным выражением, так сказать, подсчетом впечатлений, произведенных на главковерха несогласными между собой мнениями главкомов обоих фронтов. Директива главковерха, как видно из телеграммы г. Алексеева, 17 (30) ноября 1914 г. № 3818 [6]), была исполнена С.-З. фронтом в указанный срок; армии Ю.-З. фронта сохранили на левом берегу Вислы свое расположение. Следует иметь в виду, что отход армий Ю.-З. фронта решительно ничем не вызывался, тогда как отход левого крыла армий С.-З. фронта являлся лишь улучшением тактического положения 2. и особенно 5. армий.

Предложение г.-ад. Иванова—атаковать австрийцев на правом берегу Вислы. Донося главковерху о причинах, по которым решено оставить армии Ю.-З. фронта на занятых ими местах, несмотря на возможный отход левого крыла С.-З. фронта к Томашеву на р. Пилице, г.-ад. Иванов заканчивает свою телеграмму от 17 (30) ноября 1914 г. за № 3816 [7]), следующими общими соображениями: „23-го октября я представил Вам свои соображения о необходимости поставить ближайшей целью до наступления в Германию окончательно расшатать австрийскую армию, ограничившись на остальном протяжении фронта удержанием врага. Повидимому цель эта не далека от осуществления, если мы проявим непоколебимое упорство по задержанию немцев примерно там, где ныне ведется борьба, изменив необходимым образом наше расположение. Стремясь к этому, исхожу из глубокого убеждения, что отход наш на Вислу окончательно и навсегда скует нашу свободу действий, ибо скоро мы окажемся перед сплошными укрепленными линиями, подобными тому, перед которыми стоят наши союзники“.

Из этой телеграммы ясно, что г.-ад. Иванов еще в октябре решал задачу всей войны и вопреки соображениям генквара ставки, изложенным на совещании 16 (29) ноября, пришел к выводу, что ближайшею задачею являются активные действия армий Ю.-З. фронта против австрийских армий и оборона армиями С.-З. фронта, имеющими против себя германцев. Упустил при этом из виду главкоюз, что оборона против германцев привела бы нас или к поражению, или в лучшем случае к тому, чего так опасался г.-ад. Иванов, т.-е. к „сплошным укрепленным линиям“.

Предложение г.-ад. Рузского атаковать германцев. Между тем в телеграмме 18 ноября (1 дек.) 1914 года за №7138 [8]), в которой г. Рузский доказывает г. Янушкевичу, что „выправление фронта трех армий С.-З. фронта с одной стороны и отход трех армий Ю.-З. фронта—с другой, казалось бы, не представляются действиями находящимися в такой зависимости друг от друга, что выправление фронта С.-З. армий должно непременно вызвать отход назад трех армий Ю.-З. фронта, связанный с потерею всего приобретенного предыдущими боевыми трудами этих армий. Казалось бы, что третья и девятая

армии могут сохранить свое положение и при сосредоточении первой, второй и пятой армий на указанной выше линии (т.-е. Слубице, Санники, Белявы, Гловно, Брезины, Петроков или Томашев)",—в этой телеграмме г. Рузский добавляет: „Из двух армий, действующих против нас, австрийской и германской,—первая настолько распатана, что естественным образом главные наши усилия, казалось бы, должны быть направлены против германской армии, сохранившей боеспособность". Таким образом, одновременно с мнением главкоюза г.-ад. Иванова,—что в данное время надо обрушиться главным образом на австрийскую армию, — главкосевзап г.-ад. Рузский, считал, что главные усилия теперь, когда австрийская армия уже распатана,—должны быть направлены на германскую армию.

Решение верховного главнокомандующего и предположения его начальника штаба. Верховное главнокомандование сначала предполагало исполнить отчасти и то и другое (атака 10. армией и атака на Краков—Ченстоховские позиции), а затем отдало директиву об отходе армий левого и правого берега Вислы, предписав активные действия лишь 10. армии в Восточной Пруссии.

Такие быстрые переходы от одного решения к другому прямо свидетельствуют, что точно выработанной ближайшей задачи великой войны не существовало, и, мало того, не было в то время оснований предполагать, что такая задача, вообще, может выработаться при наличности непримиримого разногласия между тремя группами начальников, волею судеб, ставших у руля великой войны.

В рассматриваемое время как раз наступил тот момент, когда должны были-бы произойти, для пользы дела, существенные перемены в личном составе верховного главнокомандования и в главнокомандовании обоими фронтами. Но увы! Ничего не произошло в этой области, потому что не было высшего судии, способного понять весь трагизм сложившегося в верхах действующей армии положения. — Главкомы обоих фронтов с их штабами твердо стояли на своих решениях и смотрели на действия друг друга как на препятствие к достижению задач великой войны.

Ставка выслушивала заявления этих враждующих между собой сторон и старалась из противоречий выяснить истину, считая ее где то по средине.

Этими стараниями создавались лишь примиряющие компромиссные решения, строго взвешенные с настроениями враждующих сторон и главковерха, но слабо соображенные со стратегическими условиями на театре военных действий всей великой войны и с интересами России.

Последствия такого положения вещей очевидны; они до известной степени, т.-е. в пределах разбираемого периода войны,— будут выяснены в нижеследующем изложении.

24 ноября (7 дек.) 1914 года за № 6288[3]), г. Янушкевич телеграфировал г.-ад. Рузскому: „В настоящее время полагалось бы своевре-

менным обсудить вопрос о дальнейших действиях армий С.-З. фронта. Основной целью должно попрежнему оставаться стремление к поражению германских войск и глубокому вторжению наших армий в пределы Германии. Однако, стремлению к выполнению этой задачи в настоящее время препятствует необходимость первоначально привести в полную боеспособность наши армии и необеспеченность правого фланга общего фронта, вследствие замедления в операциях десятой армии по овладению Восточной Пруссией... Переходя ко второй причине, препятствующей немедленному началу наступательных действий на левом берегу Вислы, приходится вновь вернуться к мысли о том, что пока мы не добьемся успеха в Восточной Пруссии и не выйдем с 10. армией к западу от Мазурских озер, сблизив таким образом эту армию с прочими армиями фронта, до тех пор всякое движение по левому берегу Вислы не будет обеспечено и будет нести в себе зародыши возможных неудач, тем более опасных, чем более удалимся мы в неприятельскую сторону. Ввиду изложенного является повидимому безусловно необходимым обсудить вопрос о содействии 10. армии наступлением сильной группы по правому берегу реки Вислы. Казалось бы также, что если вследствие крайней силы укрепленных немцами позиций на линии Мазурских озер лобовая атака их не может иметь успеха, то следует обдумать, не будет ли более правильным, укрепившись также на ныне занимаемом фронте и заняв его меньшим числом войск, образовать сильный резерв на одном из флангов для содействия атаке обходным движением. Трудность и сложность решения вопроса об обеспечении успеха в Восточной Пруссии, казалось бы, не могут явиться основанием для отказа от решения этой задачи, т. к. это повидимому было бы равносильно отказу от перенесения войны в пределы Германии."

Из этой телеграммы ясно, что теперь верховное главнокомандование ставит в основу дальнейшей задачи войны действия против германцев путем вторжения вглубь Германии, признавая, однако, возможным такое вторжение только после предварительного овладения Восточной Пруссией. Иными словами, ставка к концу ноября 1914 года определенно намечала ближайшей задачей войны—овладение Восточной Пруссией.

Отвечая на эту телеграмму телеграммой 25 ноября (8 дек.) 1914 года за № 7186 [10]), г.-ад. Рузский, между прочим, сообщает:... „задача X-й армии по овладению районом больших Мазурских озер и по дальнейшему ее наступлению в пределах Пруссии должна быть достигаема с определенной и твердой решимостью, т. к. с продвижением X-й армии к западу от Мазурских озер достигается обеспечение операции на левом берегу Вислы со стороны Восточной Пруссии". И далее в той же телеграмме: „в отношении плана дальнейшего наступления армии С.-З. фронта считаю крайне необходимым выдвижение к западу от Мазурских озер 10. армии; это обеспечит направление Млава—Варшава, а затем дальнейшее наступление правым берегом Вислы.

Что касается наступления на левом берегу Вислы, то считаю безусловно важным организовать его таким образом, чтобы фронт наступающих здесь войск вполне соответствовал их силе и примыкал правым флангом к Висле". — Главкосевзап, как это видно из только что приведенной его телеграммы, считал возможным наступление армиями левого берега Вислы при непременном условии обеспечения этого наступления успешным продвижением 10. армии к западу от Мазурских озер, но, говорится в той же телеграмме, „для образования сильной группы, которая могла бы наступлением на правом берегу Вислы оказать содействие 10. армии, в моем распоряжении сил не имеется, т. к. имеющиеся в моем распоряжении силы нужны для действий на левом берегу Вислы и для образования такой группы па правом ее берегу, которая, не задаваясь широкими наступательными задачами, могла бы задержать неприятеля при его попытках действовать в направлении на Варшаву и нижний Нарев со стороны Восточной Пруссии".

Совещание на станции Брест 30 ноября (13 дек.) 1914 года. Несогласованность точек зрения на ближайшие задачи войны во фронтах и и вытекающая отсюда невозможность согласовать тактические действия между смежными частями фронтов побудила г.-ад. Рузского просить о личном свидании с главковерхом и в разговоре по аппарату Юза с г. Янушкевичем, 28 ноября (11 дек.) 1919 года[11]), выразить следующее: „относительно же свидания,—оно желательно для выяснения вопроса о большей согласованности действий обоих фронтов, так как мы не можем с Ю.-З. фронтом на этот счет достаточно ясно сговориться, да и впоследствии при возможных изменениях обстановки, не установив общности взглядов, мы можем идти по разным дорогам".

На основании этого ходатайства о совещании, совпавшего с таким же ходатайством г.-ад. Иванова, вызванного совершенно иными причинами, чем забота о постановке правильных задач войны и о согласованности действий фронтов — главковерх назначил совещание на станции Брест 30 ноября (13 дек.) 1914 года, в 18 часов.

На это совещание прибыли главкомы с начальниками штабов фронтов и главными начальниками снабжений. — Кроме мер административного характера на совещании было принято следующее решение.

Решение верховного главнокомандующего и предложение ставки фронтам договориться между собою. Его Императорское Высочество В. Кн. Николай Николаевич одобрил решение главкомов, заключающееся в нижеследующем: а) Задача, лежащая на армиях С.-З. фронта, ограничивается: удержанием на левом берегу Вислы достаточного широкого плацдарма в районе между Вислой и Пилицей, обеспечением такого расположения войсками, действующими на Млавском направлении, и развитием, насколько возможно, дальнейших действий 10. армии в Восточной Пруссии. В таком положении армии С.-З.

фронта должны выждать подвоза необходимых укомплектований, артилерийских патронов и других недостающих предметов снабжения.

Ближайшей задачей армий Ю.-З. фронта является сбор армий этого фронта, действующих на левом берегу Вислы, на более сокращенном фронте Жарнов—Радошице—Хенцины — р. Нида, что даст возможность, выйдя из сферы влияния неприятельских укрепленных позиций, получить, путем выделения сильных резервов свободу маневра на левом берегу Вислы и в то же время часть сил перебросить с левого берега на правый для нанесения удара австрийцам, спускающимся с Карпат через Дуклинские проходы".

Итак, мысль об овладении Восточной Пруссией оставлена; действия 10. армии являются лишь средством обеспечить правый фланг левобережных армий. На всем фронте одобрена оборона, носящая активный характер лишь в сторону Дуклинских проходов...

Относительной расценки активности противников и районов действий, с точки зрения общей задачи на всем нашем фронте, не было сделано, потому что, очевидно, не существовало и самой общей задачи. Главковерх ограничился лишь одобрением решений главкомов, не связав их идеей ближайшего периода войны. Этим был оставлен широкий простор главкомам — каждому по своему понимать эту общую идею со всеми опасными последствиями такого свободомыслия.

После совещания ставка предлагала фронтам решить важнейшие вопросы „не с точки зрения того и другого фронта, а с точки зрения обоих фронтов" (см. разговор г. Орановского с г. Даниловым 3 (16) декабря 1914 г. [12]). Г. Данилов далее выразил в том же разговоре с г. Орановским, что „Верховный Гл-щий требует, чтобы вопрос этот (речь шла об обеспечении участка р. Вислы в районе устья р. Пилицы от прорыва германцев на правый берег р. Вислы)—был обсужден и решен взаимным соглашением фронтов, при чем должно быть обеспечено надлежащее взаимодействие". Таким образом, вместо постановки определенных задач фронтам, вытекающих из ближайшей задачи войны и общей обстановки, верховное гл-ние предлагало фронтам договориться между собой,—но, как было указано выше,—г.-ад. Рузский вполне определенно выразил, что с Ю.-З. фронтом нет возможности „достаточно ясно сговориться".

Г.-ад. Иванов настаивает на наступлении в Карпатах. 4 (17) декабря [13]) в разговоре с г. Янушкевичем по аппарату г.-ад. Иванов выразил: „что же касается оперативной части, то я был того мнения и остаюсь при том, что нам надо решительно распорядиться с австрийцами. Настоящий момент особенно в этом отношении важен". Иначе говоря, г.-ад. Иванов считал, что против армий Ю.-З. фронта действуют австрийские армии, которые являются главнейшим предметом наших действий. Между тем, в том же разговоре г.-ад. Иванов продолжает: „продолжающийся несомненно подвоз австрийских войск в Карпатский район с нашей западной границы, подвоз туда же

германских войск обещают дальнейшее развитие противника со стороны Карпат, как от линии Сана—Дукла—Новый Сандец, так и восточнее". Значит, с операциями против австрийцев опоздали, т. к. к ним уже успели присоединиться германцы.

„Успех в Галиции", продолжает рисовать картину г.-ад. Иванов, „отзовется благоприятно в Венгрии, которая готова идти на сепаратный мир, а также и в Румынии, которая теперь должна решить—куда ей склонить голову. Думаю, что она склонит голову туда, где будет удача".

Так, не имея точно выраженной задачи фронту,—гл-щий Ю.-З. фронтом старался решать вопрос верховного главнокомандования, закладывая этим фундамент для будущего карпатского похода и убеждая себя в возможности избрания пути на Берлин через Буда-Пешт и Вену.

Г.-ад. Рузский считает необходимым овладеть Восточной Пруссией. В то же самое время главкосевзап продолжал считать необходимостью овладение Восточной Пруссией, одновременно подготавливая переход в наступление армиями левого берега Вислы для нанесения решительного удара германцам; эти действия он признавал единственно правильными с точки зрения ближайших задач великой войны. В то время, когда помыслы г.-ад. Иванова устремлялись на юг, в Венгерскую долину,—военная мысль г.-ад. Рузского влекла все его военное творчество на север, в „осиное гнездо". нашего главного противника—германцев, в их житницу—Восточную Пруссию.

Верховный Главнокомандующий не поставил определенной задачи. Верховное главнокомандование в это время, видимо, сочувствовало точке зрения г.-ад. Рузского, воздерживаясь от самостоятельного решения, которого как раз и нехватило в эту пору шатания, и даже отсутствия—основной идеи операции на всем нашем фронте.

Казалось бы, в это именно время, когда из-за Карпат развивалось давление на левый фланг нашего общего фронта, и надлежало твердо установить, что это давление является ничем иным, как отвлечением нашего внимания от главного противника—германской армии и что, именно теперь, не взирая на это отвлечение,—следовало твердо стоять на решительных действиях против германцев, хотя бы благоприятный исход их приобретался ценою уступки территории в Галиции, кстати сказать, нам не принадлежащей, а только занятой по праву войны. Если для наступления в Галиции г.-ад. Иванову нехватало сил Ю.-З. фронта, то, наоборот, у него была полная возможность задерживать противника этими силами при выходе его из Карпат в Галицию в то время, когда наши главные силы вступили бы в решительную схватку с германцами, напрягавшими чрезмерные и, видимо, последние усилия в решительных действиях против армий С.-З. фронта на левом берегу р. Вислы.

Верховный главнокомандующий склоняется к предложению г.-ад. Иванова. 1 (14) дек. г. Данилов прибыл в Седлец к г.-ад. Рузскому. Г. Янушкевич, снесясь с ним по телеграфу, между прочим, выразил от имени

главковерха 1 (14) декаб. 1914 г. № 6562 [14]), что „надо покончить с австрийцами, не отходя за Сан и Вислу. Этому Северо-Западный фронт может помочь своей задержкой на Бзуре". Таким образом, основная идея г.-ад. Иванова—покончить с австрийцами—вдруг восторжествовала; С.-З. фронту отведена вспомогательная роль.

На такое решение, как видно, повлияла телеграмма г.-ад. Иванова, от 4 (17) декабря № 6309 [15]), в которой он, ходатайствуя перед главковерхом об оставлении гвардейского к-са в Ю.-З. фронте, между прочим, заявляет: „операция в Галиции развивается настойчиво, здесь опасно перейти временно обороне, а тем более ко вторичному отходу за Сан, т. к. это повлечет за собою такое существенное изменение обстановки не в нашу пользу, что может оказаться поздним последующее накопление сил". Терроризируя ставку этой телеграммой, г.-ад. Иванов так и не выяснил:—почему „опасно перейти к обороне" в Галиции и какое „существенное изменение обстановки" может произойти от такого перехода. И нет никакого сомнения в том, что мрачные предсказания оказали свое воздействие, вынудив ставку признать предложения г.-ад. Иванова главенствующими на всем театре войны.

В другой телеграмме, от того же числа за № 6331 [16]), на имя г. Янушкевича, г.-ад. Иванов развивает свои мысли: „как в рапорте своем от 23 окт. (5 нояб.), так и теперь, считаю, что вести одновременно наступательную операцию против германцев и против австрийцев при условии, что свыше 17-ти дивизий отвлечены стороне Восточной Пруссии, мы не можем. Поэтому нужно решить, где мы хотим добиться какого либо успеха. Если на левом берегу Вислы, то полагал бы со своей точки зрения и вне всякого вопроса, кто будет руководить делом... произвести решительное с определенно поставленной целью наступление... Но нужно заранее примириться с некоторыми жертвами и утратою большей частью Галиции, включая и Львов, но это необходимо ради сосредоточения достаточных сил на направлении, признанном для данного случая главным. Если будет признано свыше соответственным нанести удар первоначально австрийцам на правом берегу Вислы, что я считаю предпочтительным по военным и нравственным причинам, то эту операцию нужно обеспечить и соответствующими действиями войск на левом берегу и сосредоточением достаточных сил."—Итак, г.-ад. Иванов вполне определенно признавал возможным лишь одну из двух ближайших задач: или наступление армиями левого берега Вислы, или действия в Галиции на правом берегу Вислы; первые действия, по его мысли—направлены были бы против германцев, а вторая задача—против австрийцев; все симпатии г. Иванова склонялись к действиям против австрийцев; возможность наступления с целью овладения Восточной Пруссией, хотя бы и с одновременным наступлением на левом берегу Вислы, как полагал возможным г.-ад. Рузский,—г.-ад. Ивановым вовсе не учитывалась. Действия „по линии наименьшего сопротивления"—были больше по душе главкоюзу. Верховное гл-ние, видимо, изменило свои

решения и явно склонялось в это время к наступлению в Галиции, т.-е. против австрийцев.

Отказ г.-ад. Рузского от наступления в Восточной Пруссии. 10 (23) декабря на основании доклада наштабарма 10. и телеграммы к-щего этой армией, г. Сиверса, — г.-ад. Рузский сообщил г. Янушкевичу телеграммой 10 (23) декабря 1914 года № 7305 [17]): „.....приходится прийти к заключению, что соответственнее было бы на Восточно-Прусском театре войны отказаться от дальнейших попыток форсировать озерную систему, а перейти к обороне, оставив для сего минимальное число войск, достаточное для надежного обеспечения сообщений фронта. „Остальные войска притянуть на главный театр войны“.

Под главным театром г.-ад. Рузский подразумевал левый берег Вислы.

Равновесие, установившееся в Восточной Пруссии, видимо, убеждало г.-ад. Рузского в том, что правый фланг левобережных армий достаточно обеспечивается нашими активными действиями на Млавском направлении и равновесием в районе озерной системы.

Окончательное решение г.-ад. Иванова атаковать австрийцев, спускающихся с Дуклинских проходов. В то же время г.-ад. Иванов окончательно склонялся к активным действиям против австрийцев, спускавшихся через Дуклинские проходы, видимо, придавая второстепенное значение действиям на левом берегу Вислы.

Согласие Верховного Главнокомандующего с г.-ад. Рузским. Как только г.-ад. Рузский проектировал отказ от наступательных действий 10. армии в Восточной Пруссии,—верховное гл-ние немедленно согласилось с этим, что и выражено было в телеграмме г.-ад. Рузскому 11 (24) дек. № 6726 [18]) „действительно: единственным выходом из этого положения, дабы не вводить войска в неоправдываемые целью потери, явится переход на Восточно-Прусском фронте к обороне. Однако, решаясь на это, необходимо иметь в виду, что волею верховного главнокомандующего на 10. армию возложена весьма сложная и ответственная задача по обеспечению сообщений армий С.-З. фронта, каковая задача с названной армии снята быть не может“.

Итак, в половине декабря г.-ад. Рузский, как видно из его доклада № 7336 [19]), считал ближайшей задачей войны—сосредоточение сил для решительного удара армиями левого берега Вислы в пределах С.-З. фронта, т.-е. между Вислой и Пилицей, при условии обеспечения правого фланга активными действиями на Млавском направлении и тыла—действиями 10. армии. В то же время г.-ад. Иванов склонялся к мысли, что ближайшая задача войны заключается в атаке австрийцев, наступающих от Дуклинских проходов.

Ставка соглашалась с необходимостью перехода к обороне 10. армии, но не переставала тяготеть к решению развить главные действия в районе Карпат.

Из этого отсутствия руководящей идеи войны, из недостатка твердости в постановке ближайшей ее задачи и из разнородности решений на фронтах—вытекали колебания ставки в сосредоточении

сил и в распределении средств между фронтами; все это в значительной мере покоилось на многократных требованиях и просьбах фронтов осуществить такое сосредоточение сил, которое удовлетворяло бы решению, принятому фронтом: С.-З. фронт требовал подачи сил и средств на левый берег Вислы, а Ю.-З.—в Галицию. Ставка—занималась соглашательством этих противоречивых решений.

С.-З и Ю.-З. фронты считают главным ударом—наступление на левом берегу Вислы. Относительно ближайших задач войны и оперативных предположений для армий Ю.-З. фронта на ближайшее время г. Алексеев представил доклад г.-ад. Иванову 31 дек. (13 янв.) 1914 г., за № 7125, препровожденный в копии в ставку при сношении от 31 дек. (13 янв.) 1914 года за № 7124 [20]), такого содержания: „Доклад мой от 31 дек. (13 янв.), сделанный мною главкому, препровождаю сведения. Соображения, изложенные в настоящем докладе, гл-щим одобрены“.

В этом докладе, по вопросу о ближайших задачах войны, читаем следующее: „Переходя к вопросу о нашем наступлении, когда мы укомплектуем наши войска и когда переход к активным действиям явится для нас обязательным, я должен повторить основные мысли своего октябрьского доклада. Первое—вести одновременно две операции: наносить удар немцам и стремиться к окончательному разрушению австрийской вооруженной силы—мы не можем по недостаточной численности наших войск. Мы должны сосредоточить где-либо на одном направлении главные наши усилия, ставя себе задачею на другом направлении лишь сдержать напор противника и заставить его перетягивать свои силы на главное направление. Второе, что на Восточно-Прусском театре мы держим силы, значительно большие того, чем следует, в ущерб главному направлению, и что мы втянули их в безнадежную борьбу, которой следовало избежать. На короткое, по крайней мере, время нам нужно перебросить оттуда часть сил на левый берег Вислы, где решается участь данного периода кампании, а быть может и более.

Равным образом считаю, что переброска значительных германских сил на Млавское направление при современной обстановке представляет предприятие сложное и длительное. На нашей стороне выгоды более коротких расстояний. На этом направлении следовало бы сосредоточить побольше кавалерии, поддержанной теми пехотными частями, кои там уже имеются.

При оценке относительной важности театров левого берега Вислы и Галицийского, нужно признать, что в данное время и при сложившейся обстановке важнейшим является левобережный. Здесь находится значительная часть союзных сил, здесь действуют германские войска, которым принадлежит верховное командование и управление. Хотя австрийцы и имеют на Галицийском театре значительные силы, но поражение их обстановки на левом берегу в крупных чертах не изменит“.

Совершенно независимо от г. Алексеева,—г.-ад. Рузский

как это было выяснено выше, пришел к тому же самому выводу, считая главным театром—плацдарм на левом берегу Вислы и признавая возможной переброску войск с Восточно-Прусского театра (10. армия) на левый берег Вислы.

В дальнейшем г. Алексеев в своем докладе говорит: „Ближайшею целью наших наступательных действий на левом берегу Вислы нужно поставить поражение германо-австрийских армий; размер этого поражения обусловит дальнейшую постановку задачи.

Рассматривая условия производства нами удара, нужно высказать, что атака правым флангом С.-З. фронта (т.-е. как намечал г.-ад. Рузский) невыгодна. Движение на запад обнажает правый фланг и дает возможность повторить тот же маневр, который выполняли немцы в начале ноября. Независимо от этого, здесь придется атаковать заботливо подготовленные позиции немцев, с предварительной переправой через р. Бзуру.

Нанесение удара в направлении на участках Томашев—Петроков—Ново-Радомск встречает более растянутое расположение противника, при успехе разрывает фронт неприятельского расположения и выводит сразу во фланг германских армий".

Таким образом, ближайшую задачу войны г. Алексеев сводил к атаке противника на левом берегу Вислы, в пределах Ю.-З. фронта; в это время—„армии С.-З. фронта должны атакою с фронта привлечь на себя возможно больше германских сил". Между тем г.-ад. Рузский в своем докладе, от 14 (27) дек. 1914 года за № 7336[21]), т.-е. раньше доклада г. Алексеева, вполне определенно говорит: „Полагаю, что при современной обстановке, главнейшие усилия должны быть направлены против неприятеля, сосредоточенного между Вислой и Пилицей, т. к., казалось бы, Краковский район приобрел теперь второстепенное значение и этот узел развяжется легко, если мы будем иметь решительный успех против неприятеля, действующего между Вислой и Пилицей". Ясно, что г.-ад. Рузский считал ближайшею задачею войны—решительную атаку германцев в пределах С.-З фронта. Что касается армий Ю.-З фронта, то г.-ад. Рузский требовал от них содействия в этой операции. „Девятую армию", говорится в докладе г.-ад. Рузского, „можно бы усилить частью третьей, чтобы иметь возможность с достаточными силами развить удар в направлении на Ченстохов—Велюнь".

Если к этому противоречию во взглядах на ближайшие задачи войны, которое существовало во фронтах, прибавить, что в Ю.-З. фронте, как было выше сказано, г.-ад. Иванов склонялся к развитию главного удара на правом берегу Вислы, в Карпатах, а г. Алексеев определенно считал, что главный удар надо наносить на левом берегу Вислы в пределах Ю.-З. фронта, то станет вполне понятным, что только твердое и определенное решение Главковерха могло бы вывести нашу действующую армию из стратегического недоразумения, которое, обыкновенно, является „началом конца", т.-е. красноречивым предвестником грядущих неудач, а затем и тяжелых поражений, приводящих к проигрышу всей войны.

Тяга в Карпаты, навеянная г.-ад. Ивановым, с этого времени сделалась внешним предзнаменованием, так сказать, залогом разгрома русских армий в ближайшем будущем...

Выслушивая разноречивые заявления фронтов, ставка ограничивалась тем, что присоединялась к одному или другому главкому в той или иной части предлагаемого ими решения.

ГЛАВА II.

Новая задача войны — овладение Восточной Пруссией.

(Январь 1915 года).

(Схема № 2).

Совещание 4 (17) янв. 1915 года в г. Седлеце. 4 (17) янв. 1915 года генкварверх г. Данилов прибыл в штаб армий С.-З. фронта, где того же числа было собрано совещание, в каковом приняли участие: главкосевзап г.-а. Рузский, наштасевзап г. Орановский, генкварсевзап г. Бонч-Бруевич и прибывший из ставки генкварверх г. Данилов.

На этом совещании, как видно из протокола, 4 (17) янв. 1915 года за № 2103 [22]), выяснилось следующее.

1) Г.-ад. Рузский и его ближайшие сотрудники признают безусловно необходимым, как только улучшатся условия пополнения некомплекта в людях и обеспечения артиллерийскими патронами, перейти к развитию активных действий против германцев, на левом берегу р. Вислы, не откладывая их на долгий срок. Длительное сидение в окопах приведет, по их мнению, к упадку духа в войсках, а предоставляемое тем самым противнику время будет использовано последним для столь прочного закрепления его позиций, каковое сделает для нас до чрезвычайности затруднительным переход к активным действиям.

2). Для намечаемого в будущем наступления возможны следующие операционные направления: а) из района Конск-Опочна на Петроков; б) наступление правым флангом левобережных армий с охватом левого фланга противника со стороны правого берега Вислы.

3) В Восточную Пруссию из района Пултуск-Остроленка на Сольдау-Ортельсбург.

Первые два направления были признаны не соответствующими обстановке и имеющимся боевым средствам. Наиболее отвечающим обстановке и средствам, на кои мы можем рассчитывать в ближайшее время, было признано третье направление из района Пултуск-Остроленка на Сольдау-Ортельсбург. Действия в этом направлении

выводят из бездействия 10. армию и приводят к овладению Восточной Пруссией, что дает обеспечение нашему правому флангу.

Для осуществления наступления в Восточную Пруссию предположено сформировать 12. армию в составе четырех армейских корпусов и двух отдельных дивизий и притянуть на правый берег Вислы 7 кавалерийских дивизий.

Эти результаты совещания были очевидным поворотом к главенству идеи об овладении Восточной Пруссией и отодвигали на второй план как наступление на левом берегу Вислы для нанесения решительного удара германцам, которое было признано для нас непосильным, так и активные действия на Галицийском театре (в Карпатах). Эти результаты, кроме того, являлись противоречием по отношению к предположениям г.-ад. Иванова относительно развития главного удара на Галицийском театре и к предположениям г. Алексеева, считавшего, что главный удар надо развивать на левом берегу Вислы, в пределах Ю.-З. фронта.

На основании результатов совещания г. Данилов представил докладную записку о ближайших задачах войны, от 3-5 (16-18) янв. 1915 г. (без №-ра) [23]), в которой, исходя из более широких соображений и приняв во внимание мысли, выраженные на совещании 4 (17) января в Седлеце, приходит к тому же выводу, что **ближайшей задачей войны является овладение Восточной Пруссией.** Приводим эту записку в подлиннике, как ориентировку в положении дел на обоих фронтах.

Записка г. Данилова по вопросу о нашем стратегическом положении и дальнейших задачах на Западном фронте. „К концу декабря на нашем Западном фронте создалось такое положение:

а) В Восточной Пруссии 10. армия (силой в 15 дивизий) ведя наступательную операцию против немцев (8 дивизий), остановилась перед сильно укрепленными позициями противника на фронте Мазурских озер. Не находя в армии достаточных средств для маневра и ограниченный в расходовании артиллерийских припасов, командующий этой армией видит единственный для себя способ действий в медленном продвижении вперед при помощи саперных и минных работ.

б) На левом берегу Вислы на юг до реки Пилицы 1., 2., 5. армии (33 1/2 дивизии), после упорных ноябрьских боев, заняли позиции за р. р. Бзурой и Равкой, которые имели возможность укрепить и совершенствовать в течение почти месяца. Против этих армий действует около 25 немецких дивизий, кои в беспрерывных атаках, повидимому, исчерпали свои силы настолько, что если им не удастся перебросить с запада на восток еще новые силы, то с большею долею вероятности можно полагать, что 1., 2. и 5. армии будут в состоянии в течение ближайшего времени сохранить свое нынешнее положение.

в) К югу от Пилицы до верхней Вислы 4. и 9. армии (17 1/2 дивизий) имеют перед собой противника (17 дивизий), повидимому, неспособного к развитию широких наступательных действий, но

опирающегося на заранее подготовленные в тылу весьма крепкие позиции и успевшего также прикрыть укреплениями свой фронт.

В частности, 4. армия своим положением обеспечивает как левый фланг армий С.-З. фронта, прикрывая кратчайшие пути на Ивангород; вместе с тем, располагаясь уступом вперед в отношении общего фронта армий С.-З. фронта, она занимает весьма выгодное положение для перехода в наступление против немцев, но силы ее для сего не достаточны (8 1/2 дивизий), а противостоящий ей противник весьма прочно укрепился, пользуясь оборонительной линией р. Пилицы.

г) Наконец, в Галиции 3., 8. и 11. армии (29 дивизий), успешно отразив третье наступление австрийцев (31 дивизии), своим положением закрепляют завоеванную часть Галиции и Буковины. Тем не менее едва ли можно рассчитывать, чтобы эти армии своими силами могли в ближайшее время нанести решительное поражение австрийским войскам, кои всегда могут уйти за Карпаты *).

В общем, в перечисленных выше армиях мы имеем 99 дивизий, против 41 немецких и 42 австрийских дивизий.

Независимо оттого в тылу, в распоряжении главковерха, мы имеем два корпуса — Гвардейский и IV. Сибирский (4 1/2), кои в случае нужды в несколько дней могут подкрепить любой участок северной половины нашего общего фронта.

По совокупности всего изложенного, наше стратегическое положение на З. фронте следует признать достаточно прочным и, повидимому, вполне обеспечивающим достигнутые за первые 5 месяцев войны успехи. Однако, положение это не заключает в себе данных, чтобы рассчитывать на возможность достижения в ближайшее время решающего успеха над нашими противниками. Положение наше, в общем, может быть названо выжидательным.

Причины, по которым мы должны придерживаться такого положения, заключаются во внутреннем состоянии наших армий. Армии эти, имея некомплект, доходящий до полумиллиона людей, требуют прежде всего значительных укомплектований для доведения войсковых единиц до полных составов. Не менее существенным является вопрос о пополнении артиллерийских патронов, которых, для доведения подвижных запасов до нормы, нехватает свыше 200 тысяч, и о дальнейшем снабжении таковыми. Параллельно требуется исправление и других недочетов более мелкого значения.

По совокупности имеющихся данных приходится предполагать, что положение наших армий резко изменится к лучшему лишь к апрелю сего года, к каковому сроку будет закончено даже обучение новобранцев 1915 года. К этому же сроку ожидается массовое поступление с заграничных заводов артиллерийских припасов, а также, надо надеяться, закончатся испытываемые ныне затруднения по снаб-

*) Ныне, пользуясь наступившим затишьем, австрийцы видимо приступили к новой перегруппировке своих сил. Едва ли, однако, новый план их нарушит выводы настоящей записки.

жению укомплектований винтовками. Однако, если наши противники в течение ближайшего месяца не вынудят нас к ведению боевых действий в широких размерах, то уже в феврале месяце положение наших армий несколько улучшится. К этому времени, т.-е. к февралю, закончится интенсивная перевозка обученных новобранцев 1914 г. а также формирование XV. корпуса и бригады XIII. корпуса ($2\frac{1}{2}$ дивизии), наконец, и число изготовляемых артиллерийских парков поднимется до 12 в месяц, что, при экономии в расходе, может привести к некоторому накоплению огнестрельных припасов, чем, быть может, удастся довести до нормы все подвижные запасы *).

Трудно, конечно, предусмотреть, предоставит ли нам противник срок, необходимый для полного приведения армии в боевую готовность, но с некоторой долей вероятности можно думать, что крупные операции едва ли разовьются в ближайшее время. Австрийцы для сего слишком расстроены и армия их, несомненно, несет в себе зародыши внутреннего разложения. Что касается немцев, то их действия на нашем фронте, вероятно, будут находиться в прямой зависимости от событий на их западном фронте, где началось наступление наших союзников, заверяющих нас, что это наступление будет вестись с возрастающей энергией и упорством.

Во всяком случае для успеха подготовки, требующей времени, мы уже теперь должны поставить себе вопрос о тех целях, кои нами будут положены в основу будущих наших действий, если противники дадут нам время привести наши армии в порядок.

Развивать решительный удар одновременно на всем фронте против обоих наших противников мы, конечно, не можем,—для этого необходимо иметь огромные силы и средства. Следовательно, нам нужно наметить одного из двух противников для нанесения главного удара, иначе говоря, мы должны избрать одно из двух операционных направлений—на Вену (Буда-Пешт) или на Берлин (схема № 1-й).

Каждое из этих операционных направлений имеет свои особенности, каковые необходимо иметь в виду при разрешении поставленного вопроса.

Операционное направление на Вену (Буда-Пешт) короче по расстоянию (375 верст против 450 верст) и менее подготовлено в оборонительном отношении. Оно ведет к раз'единению обоих наших противников, причем мы будем иметь перед собой противника уже надломленного предыдущими поражениями и, следовательно, не дадим ему оправиться. Развитие действий на этом операционном направлении несомненно должно повлиять на колеблющиеся нейтральные государства: Румынию, Италию и более определенно склонить их на нашу сторону. Как результат выступления этих государств возможен даже полный внутренний распад Австро-Венгерской монархии.

Ныне для сего нехватает в общем 7 парков; так как в январе ожидается изготовление 12 парков, то намеченного положения удастся достигнуть при расходе в январе не свыше 5 парков.

Однако, операционное направление на Вену (Буда-Пешт) имеет несколько весьма крупных отрицательных сторон, а именно:

1) оно бьет по второстепенному противнику,

2) оно невыгодно с точки зрения общих интересов наших союзников, требующих сконцентрированного удара против главнейшего противника—немцев и

3) сосредоточение в этом операционном направлении значительных сил ведет к ослаблению нашего положения на важнейших путях к центру нашего собственного государства. Углубившись в Австро-Венгрию, мы будем бессильны остановить удар немцев на собственную сторону, каковой удар для них возможен ценою переброски достаточных для сего сил с французского фронта на нашу границу.

Операционное направление на Вену было бы особенно заманчивым, если можно бы было рассчитывать нанести австрийцам громовой удар в короткий срок. Однако, вероятность выполнения такого удара едва ли чем-либо может быть доказана; вернее предположить, что операция на Вену потребует также несколько месяцев войны.

Наконец, завершение этой операции еще не знаменует собой окончания войны, если главный противник—немцы—не будут к этому времени сломлены.

Все эти соображения приводили к тому, что нанесение решительного удара Германии всегда считалось конечною целью войны против держав враждебного нам союза.

Повидимому, нет достаточных оснований отказываться от нанесения этого удара и ныне.

Однако, необходимо иметь в виду, что при вторжении вглубь Германии нам придется считаться с рядом весьма крупных затруднений и прежде всего с тем обстоятельством, что пограничная с нами полоса Германии опоясана весьма мощными железнодорожными линиями, кои дают нашему противнику свободу переброски его сил с одного участка общего фронта на другой, связывая этим развитие наших наступательных действий и угрожая ударом во фланг нашим армиям при наступлении их по левому берегу Вислы. Особенно выгодно для немцев положение, занимаемое по отношению к операционным путям на Берлин, Восточной Пруссией, из которой удар может быть нанесен нам не только во фланг, но при некоторых условиях глубоко в тыл.

Это обстоятельство притягивало наше внимание к Восточной Пруссии с начала войны и только некоторые частные неудачи в Восточной Пруссии, а равно необходимость не допустить противника к Варшаве, а также и другие обстоятельства препятствовали нам в овладении Восточной Пруссией, что сразу стеснило бы свободу маневрирования немецких сил и обеспечило нас от многих тяжелых возможностей.

Таким образом, вопрос о Восточной Пруссии остается открытым доныне, а между тем при выборе операционного направления на Берлин он требует категорического решения.

Едва ли можно решиться на вторжение вглубь Германии, оставляя у себя на фланге и даже в тылу незанятый нами Восточно-Прусский район с рядом обеспеченных железнодорожных переправ через нижнюю Вислу, находящихся в руках немцев. Такое решение могло бы поставить всю нашу наступательную операцию вглубь Германии в очень рискованное положение.

К изложенному необходимо еще добавить, что овладение Восточной Пруссией уже само по себе составляет предмет чрезвычайной важности: война переносится в пределы Германии, неизбежное бегство населения отразится паникой в глубине Германской империи и, наконец, овладение Восточной Пруссией явится компенсацией за занятые немцами части нашего Привислинского края.

Итак, в интересах подготовки к будущим наступательным действиям нам необходимо теперь же решить вопрос о том—продолжаем ли мы считать главной нашей задачей развитие решительных действий против Германии, и в утвердительном случае, не следует ли нам ближайшей задачей по пути выполнения поставленной цели считать овладение Восточной Пруссией.

При решении сего последнего вопроса необходимо еще иметь в виду, что в сущности Восточно-Прусский район является единственным на всем С.-З. фронте, где можно ожидать тактического успеха над германцами, так как весь остальной фронт укреплен и непосредственно занят войсками столь сильно, что рассчитывать на успех фронтального удара крайне трудно.

Если на оба поставленные вопроса будет дан утвердительный ответ, то следующим вопросом следует поставить вопрос о силах и наилучших способах выполнения первоначальной задачи по овладению Восточной Пруссией.

Как уже отмечено, германцы на Восточно-Прусском фронте имеют: до восьми пехотных дивизий на фронте Мазурских озер и две дивизии на Млавском направлении. Возможно, что их усиливают еще ландштурменные формирования. Упомянутые войска принадлежат почти целиком к разряду резервных и ландверных войск, которые сдерживают наши, значительно превосходящие немцев силы (15 дивизий 10. армии и 4 дивизии на Млавском направлении), лишь упираясь на сильно укрепленные позиции Восточной Пруссии, а, кроме того, вследствие недостаточно энергичных действий наших войск на Млавском направлении. Промежутки между названными группами немцев и далее к югу от Вислы заняты лишь ландштурмом и кавалерией, сопротивление коих не может быть значительным.

Вполне очевидно, что, решаясь на развитие наступательных действий в направлении Восточной Пруссии, мы должны для обеспечения успеха собрать для удара возможно большие силы, имея в виду возможность переброски немцами на правый берег Вислы дополнительных сил, если не с Западного фронта, где им, судя по общей обстановке, едва ли удастся найти свободные силы, то с фронта рек Бзуры и Равки.

С нашей стороны для развития наступления могут быть назначены корпуса: Гвардейский, IV. Сибирский и XV., считая, что наступление не может начаться ранее 1 (14) февраля. Затем могут быть притянуты: 63. пех. див., бригада 2. пех. дивизии и бригада XIII. арм. корпуса, т.е. всего 8½ дивизий. На переброску немецких войск с р. р. Бзуры и Равки мы естественно должны отвечать такой же переброской наших войск, затрудняя вместе с тем контр-маневр противника демонстративными действиями 1., 2. и 5. армий.

Что касается направления для удара, то наиболее выгодным является удар с фронта Пултуск—Остроленка на фронт Сольдау—Ортельсбург, при обеспечении левого фланга наступления крепостью Новогеоргиевск, сильной кавалерийской массой вдоль Вислы*) и I. Туркестанским корпусом, а правого фланга—частями 10. армии. Само собою разумеется, что атака эта должна вестись с непреклонной энергией и настойчивостью и поддерживаться атакой 1., 2., 5. и 10. армий, причем 10. армия должна развить энергичные активные действия на том или ином из своих флангов, выделив из себя для этой цели достаточные силы, дабы обеспечить успех одновременностью комбинированного удара.

Возможно еще наступление со стороны правого фланга 10. армии в направлении от Ковны. Такая операция потребует даже меньше сил, но успех ее приведет лишь к частичному результату, так как противнику будет дана возможность свободного отхода в западном направлении.

Несомненно, что наступательная операция в Восточной Пруссии требует тщательной и заблаговременной подготовки. Если ее осуществление будет признано целесообразным, то необходимо теперь же предназначить ответственного ее исполнителя, которому поручить всю детальную разработку и наблюдение за ходом подготовительных работ. За Наревом вдоль железной дороги Тлущ—Остроленка должна быть заблаговременно подготовлена промежуточная база, на которой надлежит сосредоточить необходимые запасы продовольствия и фуража, артиллерийские запасы, металлическую проволоку для закрепления позиций, шанцевый инструмент, ручные гранаты. Также заблаговременно должны быть подготовлены транспорты и подвезено имущество полевых железных дорог, так как при предстоящем движении корпуса должны будут отойти от железнодорожной линии. Наконец, желательно подвезти заранее в названный район команды пополнения, дабы части могли в период самой операции восполнять потери. Для всего этого нужно дать время, а самое дело передать в руки железного исполнителя. Надо сделать все, чтобы не могло быть неуспеха.

В заключение следует отметить, что для выполнения операции по овладению Восточной Пруссией, повидимому, нет надобности ожи-

[1]) Желательно начать операцию, когда Висла будет представлять раз'единяющую преграду, что затруднит противнику переброску его сил.

дать полного восстановления боевой готовности всех наших армий, что может быть достигнуто лишь к апрелю. Казалось бы достаточным выждать прибытия всех новобранцев 1914 года (конец января) и некоторого улучшения условий питания наших армий боевыми припасами, помня, что вся августовская Галицкая операция Ю.-З. фронта потребовала расхода, на круг, по 350 снарядов на орудие и при том при безумной интенсивности нашего артиллерийского огня. Таким образом, доведение наших подвижных запасов только до нормы (432 снаряда на орудие), уже дает уверенность в возможности довести намеченную операцию до конца.

Полагаю, что при этих скромных данных мы можем рассчитывать на наступление и захват инициативы в свои руки уже примерно с первой половины февраля.“

В приведенной записке значение Восточной Пруссии оценивалось, конечно, по его достоинству, но вместе с тем упускалось из виду, что левобережные армии уже два слишком месяца вели непрерывные бои, заметно ослабив ими натиск со стороны германцев, и что именно поэтому здесь назревало время решительного удара. Правда, некомплект частей и недостаток боевых припасов заставляли оттягивать нанесение этого удара, но подготовка к нему все-таки являлась первейшей заботой главкосевзапа, и, казалось бы, предполагаемая операция в Восточную Пруссию, как операция только обеспечивающая фланг левобережных армий, не могла заменить собою окончательный решительный период боев на левом берегу Вислы. Но г. Данилов, в своей записке, проектировал именно эту замену, о которой на совещании 4 (17) янв. не было и речи.

Результаты совещания 4 (17) янв. 1915 года в том виде, как их изложил в своей записке г. Данилов, были одобрены главковерхом в телеграмме на имя г.-ад. Рузского 5 (18) янв. 1915 года за № 7373. [24])

Самодеятельность Главнокомандующего Ю.-З. фронта. Неизвестно, под влиянием ли этого одобрения, вырвавшего главную роль в войне из рук г.-ад. Иванова, или по иным каким-либо соображениям, но г.-ад. Иванов отдал по армиям Ю.-З. фронта следующую директиву, переданную в ставку г. Алексеевым 7 (20) янв. 1915 года за № 276. [25])

„Вследствие различных причин,“ говорится в директиве, „рассчитывать на скорый переход решительным наступательным действиям всеми армиями на левом берегу Вислы, повидимому, трудно. Необходимо использовать возможной энергией наши средства правого берега Вислы, нанести австрийцам хотя бы частное поражение, поставить угрожаемое положение Венгрию, занять более выгодное, чем ныне, положение, не растягивая при этом общего стратегического фронта. Цель эта может быть достигнута переходом в наступление третьей, восьмой и части одиннадцатой армий, для овладения первоначально линией Дунайца до Нового Сандеца, далее Эпериеш, Кашау, Уйгель, Чап, Хуст, Сигот, румынская граница. Линия эта имеет почти одинаковое протяжение ныне занимаемой эти-

ми армиями, но она удаляет войска неприятеля от Перемышля на 125 верст, открывает возможность развить действия нашей кавалерии Венгерской равнине, самое наступление должно произвести благоприятное военное и политическое впечатление, упрощает и обеспечивает дальнейшее наступление третьей армии на Краков, т. к. сообщения армий не будут находиться под угрозой флангового удара".

Затем в директиве указываются способы исполнения постановленной задачи силами восьмой, третьей и одиннадцатой армий. В конце директивы говорится: „прошу высказать заключение—когда состояние армии и путей позволило бы приступить к выполнению этой операции".

Итак, одновременно с решением главковерха сосредоточивать силы на севере для удара в Восточную Пруссию, г. Иванов проводит в жизнь самостоятельное решение сосредоточения к Югу—для движения в Карпаты и далее в Венгерскую равнину.

Главковерх явно склонялся в это время к операционному направлению на Берлин, выражаясь языком г. Данилова; главкоюз в то же время самостоятельно тяготел к операционному направлению Буда-Пешт-Вена (смотри записку г. Данилова 3, 5 (16, 18) янв. 1915 года за № 2103).

Как можно догадываться по смыслу телеграмм, в оппозиции этим обоим решениям оставался наштаюз г. Алексеев, которому, кстати сказать, в это время проектировалось новое назначение командарма 5. вместо г. Плеве, перемещенного на должность командарма 12., формируемой для наступления в Восточную Пруссию (тел. г. Янушкевича 5 (18) янв. 1915 года № 7373). [26])

Таким образом, тяготение к Карпатам, а затем в Венгерскую равнину сделалось путеводной звездой для г.-ад. Иванова. Все свои усилия в ставке с этого времени он сосредоточивает на доказательствах необходимости зимнего Карпатского похода,—сначала, как частного наступления, а затем, как главного удара, оставаясь в этом вопросе пока, как-будто в одиночестве, потому что его нашта, г. Алексеев, судя по докладам, признавал наиболее правильным развитие главного удара не в Карпатах, а на левом берегу Вислы, в пределах Ю.-З. фронта.

Результаты несогласия фронтов между собою. Роль ставки. Это видимое несогласие между главкоюзом и его наштармом—имело, главным образом, чисто стратегическое значение; но с точки зрения распределения сил и средств между фронтами оба решения одинаково приводили к требованию Ю.-З. фронта: большую часть сил и боевых средств направлять Ю.-З. фронту, потому что этот именно фронт должен наносить, так или иначе, главный, решительный удар, будто бы обещающий большие выгоды,—в случае удачи, и даже с самого начала своего развития чреватый неисчерпаемыми политическими и военными выгодами.

И, действительно, с этого времени проявились особенно на-

стойчивые попытки Ю.-З. фронта заставить ставку усиливать этот фронт войсками и направлять в его распоряжение большую часть боевых средств. Но в то же самое время в С.-З. фронте велась неустанная подготовка операции в Восточную Пруссию, в свою очередь, требовавшая сосредоточения значительных сил и пополнения материальных средств борьбы, истощившихся в непрерывных и кровопролитных боях октября, ноября и декабря 1914 года. Это обстоятельство вынуждало главкосевзапа пред'являть главковерху требования о присылке войск в распоряжение фронта, вынуждало убедительно просить о снабжении фронта всякого рода боевыми средствами. И на пути всех таких ходатайств С.-З. фронта, обыкновенно, встречались, в виде препятствия, аналогичные ходатайства главкоюжзапа, имевшего в ставке несомненно более глубокие заручки..... Началась скрытая борьба фронтов за возможность получить в свое распоряжение лучших начальников, наиболее боеспособные войска, и, наконец,—возможно большее количество боевых средств всякого рода. Шансы этой борьбы не были равными, потому что личные отношения и всякого рода побочные влияния были не на стороне С.-З. фронта. В этой борьбе забывались интересы России и отходили на задний план рациональные задачи войны, потому что затрачивалась колоссальная энергия на состязание фронтов друг с другом и на трения между тем или иным фронтом—с одной стороны и ставкой—с другой. Страсти разгорались; служба общему делу в верхах действующей армии сменилась защитой собственного служебного престижа старших начальников и сведением личных счетов в наиболее острых случаях. Ставка металась, присоединяясь то к одному, то к другому главкому; сочувствовала предложению то одного, то другого из них,—целиком или частично; отсюда, главным образом, вытекали ее распоряжения о распределении сил и боевых средств между фронтами.

Твердо поставленной задачи данного периода войны в ставке попрежнему не существовало.

Решению действовать наступательно в Восточной Пруссии, как увидим ниже, не было суждено осуществиться во всей полноте. Тяготение в Венгерскую равнину через Карпаты, после некоторой борьбы за эту идею, одержало верх. Таким образом, при попустительстве со стороны верховного гл-ния, по почину сначала главкоюжзапа, а затем и его наштта,—зародился и начал приводиться в исполнение бесславный Карпатский поход 1915 года, послуживший „началом конца"—надежд на благоприятный для русского оружия исход Великой Европейской войны.—

Распоряжения г.-ад. Иванова о переходе в частное наступление на правом берегу Вислы. Твердо оставаясь на своей точке зрения относительно необходимости перехода хотя бы в частное наступление армий правого берега Вислы, г.-ад. Иванов отдал приказ, переданный в ставку телеграммой 11 (24) янв. 1915 г. № 387. [27]) В этом приказе, после изложения известных уже соображений, доказывающих неисчислимые выгоды такого способа действий, говорится:

„Исходя из соображения, что на наш переход решительным действиям на левом берегу Вислы рассчитывать скором времени повидимому нельзя, что на правом берегу Вислы нам нужно поставить наши войска более выгодное чем ныне стратегическое положение, я приказал седьмого января ознакомить командующих 3., 8., 11. армиями для предварительных расчетов и разработки переходе частное наступление для овладения первоначально линией Дунайца до нового Сандеца, далее Эперпеш, Кашау, Уйгель, Чап, Хауст, Сигот, румынская граница". „Но", говорится в телеграмме: „выполнение этой выгодной обещающей успех операции требовало усиления галицийской группы армий не менее как: двумя-тремя пехотными и одной-полутора кавалерийскими дивизиями". Таким образом, для исполнения „частного" наступления нехватало наличных сил галицийской группы и, сверх того, оставлялся открытым вопрос о соответствии самого наступления общим задачам войны в то время, когда главковерх уже утвердил операцию в Восточную Пруссию. Обойтись силами Ю.-З. фронта г.-ад. Иванов не считал возможным и, как видно из той же телеграммы (11 (24) января 1915 года за № 387), [28]) проектировал совершенно иные способы усиления Ю.-З. фронта, идущие вразрез с намерениями главковерха относительно операции в Восточной Пруссии.

Приводим эту часть телеграммы г.-ад Иванова в подлиннике:

„Кавалерию считаю возможным перебросить с левого берега Вислы, но усилить пехоту за счет 4. и 9. армий положительно не нахожу возможным даже тогда, когда они пополняют свои ряды (надо думать вследствие влияния г. Алексеева, считавшего в это время, что главный удар надо наносить на левом берегу Вислы), так как фронт этих армий достигает полутораста верст, что для семи корпусов нужно признать предельным. Изменяющаяся постепенно обстановка, усиление войск противника на направлении Стрый—Самбор и Буковине, делают еще более настоятельным наш переход наступление и обязательным усиление войск галицийской группы, но уже не двумя—тремя, а четырьмя пехотными дивизиями. Такое усиление еще более необходимо, если нам придется отражать удар противника оборонительно, ибо рассчитывать, что три дивизии седьмого корпуса сдержат напор превосходных сил противника на 75-ти верстном участке Карпат нельзя. Итак наступательный, как более отвечающий обстановке, образ действий или оборона, столь трудная в горах, одинаково требует и притом повелительно усиления наших войск на направлениях Самбор—Ужгород и Стрый—Мункач, отчасти Буковине. Отправление последний район двух конных полков (Крымского и Туркестанского), положения там нашего и не усиливает и не упрочивает, нужна пехота, а кавалерии там было и без того достаточно. Позволяю себе высказать убеждение, что значительное количество войск С.-З. фронта, пополненное укомплектованиями и усиленное частями перевозимыми Восточно-Прусского района, позволяет верою и спокойствием смотреть на пред-

стоящие бои и на возможность отправления Галицию четырех просимых мною дивизий. Дела Галиции принимают серьезный оборот. Противник собирается произвести повидимому сильную, энергичную, но смею думать, последнюю попытку освобождению Перемышля и захвата Львова. Успех такой попытки будет иметь несомненно громадное значение. Обстановка слагается так, что усиление войск наших Галиции за счет другого района является необходимым для одержания здесь успеха, который обещает существенные результаты для общего нашего положения на всем театре войны. Приступать решительным действиям против Перемышля теперь до изменения обстановки трудно и, несмотря на это, немыслимо оставить под крепостью менее четырех дивизий, т. к. довольно определенные сведения говорят за то, что гарнизон данную минуту превышает сорок тысяч человек, следовательно от блокадных войск для полевых действий можно взять не свыше дивизии. Подкрепления нужно отправлять на фронт Самбор—Стрый—Долина, а одну бригаду Буковину. Это отвечает и оборонительным и наступательным действиям. Оборонительным потому, что это наиболее опасный для общего стратегического положения данной минуты участок, слабо обеспеченный нашими войсками, усилить который своим распоряжением я совершенно не имею возможности".

Г.-ад. Иванов намечает поход в Венгрию через Карпаты. „Наступательным потому, что нанесение удара на Сигот и Хуст охват правого крыла австрийцев облегчает фронтальную атаку перевалов, обеспечивает проникновение наше Венгрию и привлечение туда вслед за пехотой конницы. Посылаемые подкрепления должны принадлежать полевым войскам, ибо из четырех дивизий, действующих от Ужка до румынской границы, только одна полевая. Дальнейшее увеличение резервных войск не дает уверенности выполнения сложной операции горах, требующей подвижности готовности самостоятельной деятельности отдельных колонн. Необходимо назначить горную артиллерию, так как брать собою достаточное количество полевой артиллерии при настоящем состоянии путей и почвы горах невозможно. Настоящие соображения прошу доложить главковерху и сообщить мне принятых решениях. Переброску войск Галицию нужно выполнить спешно нужно ожидать скорого развития событий. Командарм 8. назначил уже на 12 (25) янв. контр-атаку, а против VII. корпуса количество сил противника и настойчивость их действий увеличиваются".

Совершенно очевидно, что только отсутствие основной идеи операции текущего периода войны, выраженной в разработанном и твердо проводимом плане,—позволяло г.-ад. Иванову утверждать, что Стрый—Самбор „наиболее опасный для общего стратегического положения данной минуты участок" и что нанесение удара на Сигот и Хуст „обеспечивает проникновение наше Венгрию".

Уже по одному тому, что главковерх признал необходимым развить операцию в направлении Восточной Пруссии, — участок Стрый—Самбор, как равно и направление на Сигот—Хуст, не являлись главными с точки зрения общего стратегического плана в данную минуту.

Главным театром в половине января 1915 года был плацдарм на левом берегу Вислы. Но и по существу дела—нет, да и не было никакого сомнения в том, что германские силы, действовавшие в ноябре, декабре и январе на левом берегу Вислы, были весьма ослаблены непрерывными боями, что германские силы в Восточной Пруссии и, в частности, на Млавском направлении,—были весьма не многочислены, что германцы не были в состоянии именно в январе 1915 года перебросить на наш фронт более или менее значительные силы со своего западного фронта и что, наконец, по этим именно причинам единственным целесообразным планом наших действий был бы такой план, который предусматривал быстрое накопление сильного резерва на левом берегу Вислы в пределах С.-З. фронта, для нанесения здесь решительного удара германцам.

Решительно никаких причин не было в это время к тому, чтобы отказаться от ослабления Ю.-З. фронта путем из‘ятия из его состава наиболее боеспособных корпусов для образования могущественного резерва в районе Варшава—Новогеоргиевск—Сохачев, потому что всякие территориальные потери в Галиции в это время безусловно вознаградились бы успехами против германцев на левом берегу Вислы. Роль Ю.-З. фронта и, в частности, галицийской группы, в этот период войны, была второстепенная; но с этим сознанием не могло примириться властолюбивое главнокомандование Ю.-З. фронта.

Решение Верховного Главнокомандующего. При решении нанести главный удар германцам на левом берегу Вислы в пределах С.-З. фронта,—возможно было бы приступить к сосредоточению мощного резерва за счет Ю.-З. фронта еще в декабре месяце 1914 года. Между тем, вместо этого решения, подсказываемого смелой нападательной тактикой, решения, как говорится, „исповедываемого“ в то время главкосевзапом и его ближайшими сотрудниками, — ставка направляла свои взоры в Восточную Пруссию, т.-е. возводила второстепенную операцию по обеспечению тыла С.-З. фронта на степень главного удара. Иначе говоря, ставка в своих робких дерзновениях против германцев, подобно Ю. З. фронту, придержалась стремления действовать „по линиям наименьшего сопротивления“...

Итак, г.-ад. Иванов старался всемерно убедить верховное главие в том, что Галицийский театр в данную минуту является главнейшим и что, поэтому, операции на правом берегу Вислы в Ю.-З. фронте требуют даже ослабления С.-З. фронта и это в то время, когда именно в пределах С.-З. фронта, на левом берегу Вислы, назревали выгодные условия для решительного удара против германцев и когда

как раз наоборот по уверениям г.-ад. Иванова все дело на Галицийском театре сводилось лишь к обеспечению левого фланга всего нашего фронта во время развития нами главного удара на левом берегу Вислы.

Если посмотреть на ноябрьские, декабрьские и январские бои левобережных армий С.-З. фронта, как на подготовку к решительному удару, то ослабление С.-З. фронта, как этого требовал г.-ад. Иванов, к концу января 1915 года—являлось бы ничем иным, как только глумлением над всеми затраченными усилиями и всеми потерями, которые понес С.-З. фронт, буквально истекая кровью с конца октября 1914 года, т.-е. с самого начала Лодзинской операции. К сожалению, г.-ад. Иванов, повидимому, плохо представлял себе общее стратегическое положение, а верховное гл-ние, не уловив значения боев на левом берегу Вислы, как подготовки к решительному удару, не дерзало использовать в этом смысле результаты длительного боевого периода конца 1914 года. Последующие события оправдали приведенную здесь точку зрения—на возможность удара на левом берегу Вислы, так как только ко второй половине апреля 1915 года австро-германцы успели сосредоточиться и начать „решительные“ действия против Галицийской группы, о несомненной близости которых г.-ад. Иванов доносил в ставку телеграммой 11 (24) января 1915 г. за № 387.

Оценка решения г.-ад. Иванова и роли ставки. В общем, следовательно, г.-ад. Иванов приказал готовиться к такой операции на Галицийском театре, для которой, по его же собственному признанию, недоставало сил, для успеха которой необходимо было отправить в Галицию отборные полевые войска, т. к. „увеличение резервных войск не дает уверенности успешного выполнения сложной операции“;—операция намечалась в такое время, когда пути и почва в районе ее развития представляли собой весьма серьезное препятствие для подвижности войск, и, наконец, для подготовки этой операции оставалось так мало времени ,что „переброску войск в Галицию нужно выполнить спешно, ибо нужно ожидать скорого развития событий“.

Если к этому прибавить, что предполагаемая операция с общей точки зрения являлась лишь второстепенной, и если припомнить, что 5 (18) января 1915 главковерх утвердил операцию в Восточную Пруссию, то ценность предложения г.-ад. Иванова и степень понимания им своей роли, как главкомом — становятся очевидными, а вместе с тем не остается и сомнения относительно неисчерпаемого количества вреда, нанесенного полным отсутствием инициативной работы верховного гл-ния в деле твердого установления общей идеи ближайшего периода войны и постановки основных задач фронтам, вытекающих из этой общей идеи.

Как видно из архивных материалов, ставка была атакована предложением г.-ад. Иванова совершенно неожиданно и потому была поставлена в положение, не соответствующее верховному органу управления действующей армии.

В ответ на телеграмму от 12 (25) января 1915 года за № 404, [29]) посланную г. Алексеевым г. Данилову с запросом о последовавшем по телеграмме г.-ад. Иванова, от 11 (24) января 1915 года за № 387, г. Данилов телеграфировал г. Алексееву, 12 (25) января 1915 года за № 7523 [30]) следующее: „Телеграмма 387 поступила лишь вчера вечером. Она по существу требует изучения и продолжительных соображений, поэтому ответить на нее немедленно представляется невозможным. Было бы крайне желательно в будущем ориентировать ставку в столь крупных и ответственных ходатайствах более заблаговременно. Крайне важно также для решения знать, есть ли уверенность в том, что действительно в Карпатах появились в значительных силах немцы, т. к. в последнее время были сведения об усилении их в районе Петрокова и на Ченстоховском направлении (как видно, немцы появлялись неизбежно там, куда предполагали направить свои действия полководцы Ю.-З. фронта,—от автора), поэтому естественно желать более определенной ориентировки. Положение на С.-З. фронте оценивается ставкой несколько иначе, поэтому прежде решения подкрепить Ю.-З. фронт из сил С.-З. нужно, чтобы явилось убеждение в безусловной необходимости сего.

Поэтому желательно более широкое ориентирование ставки в обстановке и тех мерах, кои Ю.-З. фронт считает возможным принять в пределах собственных сил и средств." Далее в той же телеграмме говорится: „словом, нам кажется, что в пределах Ю.-З. фронта еще не исчерпаны все средства, чтобы самим, не прибегая к подкреплениям извне, еще раз разбить австрийцев......Повторяю, что все эти соображения и выводы являются результатом недостаточной осведомленности о действительном положении дел, которое и желательно предварительно принятия ответственного решения получить. Так не признаете ли возможным дать нам более широкую ориентировку дополнительной телеграммой или вызвав меня по аппарату"—[31].)

На другой день 13 (26) января 1915 года г. Данилов вызвал к аппарату г. Алексеева и обратился к нему со следующим предложением: „Верховный Гл-щий, в виду более определенно выяснившейся обстановки в Карпатах на направлениях Санок — Самбор— Стрый, желал бы еще раз выслушать ваше мнение — считаете ли вы для остановки начавшегося наступления австрийцев и германцев к Карпатским проходам и для отражения попыток неприятеля дискредитировать наше положение в Галиции безусловно недостаточными силы Ю.-З. фронта и необходимость подачи подкреплений извне, имея в виду, что перевозка этих подкреплений по железным дорогам займет довольно долгий срок, исчисляемый вероятно неделей на каждую дивизию.

Если это признается необходимым, то помощь возможных размерах будет вам оказана, не смотря на то, что с общей точки зрения признается весьма невыгодным и нежелательным ослаблять войска, действующие на С.-З. фронте

Исполняя это желание Великого Князя не соблаговолите ли вы изложить теперь же ваши в этом отношении соображения“ [32]).

В ответ на этот вопрос г. Алексеев немедленно ответил по аппарату целым рядом доказательств необходимости усиления Ю.-З. фронта для оперативных нужд галицийской группы, а именно: под Перемышлем оставлено слишком мало сил для противодействия энергичным попыткам сильного гарнизона; слабое занятие промежутка между Ужком и Балигродом, где находятся только две кавалерийские дивизии; необходимость усиления участка, на котором действуют части генералов Альфтана и Экка.

Этими доказательствами исчерпывалась необходимость усиления Ю.-З. фронта за счет С.-З. фронта. — Видимо в основу требования усилить Ю.-З. фронт г. Алексеев положил совсем не эти, а иные причины, выраженные им следующими словами из цитируемого разговора 13 (26) января 1915 года.

Г. Алексеев заявляет себя сторонником зимнего похода в Венгрию через Карпаты. „Я не знаю Ваших общих предположений на предстоящий период действий. Исходя из того, что на левом берегу Вислы наши войска повидимому не могут рассчитывать на скорое развитие наступательных действий, мы с 7-го декабря начали постепенную подготовку вторжению в Венгрию. Не сообщал я вам предварительно об этом, так как приходилось проделать очень большую черновую работу по тылу и трудно еще было сказать, будем ли мы в состоянии собрать достаточное число транспортов для обеспечения всех нужд наступающих войск. Такое движение, отвлекая внимание противника от Буковины, угрожая существенным интересам австрийцев, а главным образом венгров, имеет большое военное и политическое значение и не может остаться без влияния на общую обстановку и ход событий на С.-З. фронте. Подготовка к такой операции требует от 14-ти до 18-ти дней. Эти дни нам нужны и для подхода всех укомплектований. Наступательная операция очень нуждается в усилении и главным образом колонны Альфтана и быть может Лаврентьева. Чтобы облегчить фронтальное форсирование перевалов, необходимо усилить войска и для того, чтобы под Перемышлем оставить не менее четырех, а по возможности все пять дивизий. Распределение австрийских сил вам известно. Сколько подвезли германцы войск на Карпаты, можно будет выяснить только боем. По всей вероятности дня через три будем в состоянии установить эту данную и гадать в настоящее время о числе немцев я не буду. Вот все соображения, которые послужили основанием для ходатайства об усилении войск крайнего левого фланга“. Отказавшись „гадать“ о немцах, г. Алексеев, однако, в том же разговоре добавляет: „только что получены телеграммы, что по показаниям пленных против левой колонны Альфтана на направлении Хуст действует 19. Прусская эрзац-бригада в составе 35., 78. и еще одного полка неизвестного номера, всего 16 батальонов и 63. артиллерийский дивизион. Взятая на убитом у

Торонии корреспонденция указывает на присутствие 20. Егерского батальона 48. резервной германской дивизии".

Итак, среди доказательств необходимости усилить Ю.-З. фронт—имеются только два существенных, достойных того, чтобы на них остановиться; первое из них—сосредоточение в Карпатах германцев в количестве, представляющем действительную угрозу левому флангу Ю.-З. фронта и блокаде Перемышля, и второе—самостоятельное решение Ю.-З. фронта вторгнуться в Венгрию, приводящее к форсированию Карпат в зимнее время.

Германцы не представляли действительной угрозы Ю.-З фронту в половине января 1915 года. Представляли ли силы германцев в Карпатах в половине января 1915 года—существенную угрозу Ю.-З. фронту?

На этот вопрос дает исчерпывающий ответ следующая телеграмма г. Янушкевича г-ад. Алексееву, отправленная из ставки 17 (30) января 1915 года за № 7674[33]):

„Верховный Главнокомандующий в общем одобрил директиву, вызванную включением в состав фронта 22-го корпуса, но при этом изволил обратить внимание на следующее: в словесном разговоре (по аппарату) Вашего Высокопревосходительства с генерал-квартирмейстером 13-го января вы сообщили, что по показаниям пленных против левой колонны Альфтана по направлению Хуст действует 19 прусская эрзац-бригада с указанием даже номеров полков. Равным образом вы сообщили, что взятая на убитом у Торонии корреспонденция указывает на присутствие 20-го Егерского батальона 48 резервной германской дивизии. В столь же категорической форме указывалось на присутствие немцев в телеграмме полковника Лебедева № 452 с разделением сведений на предположительные и достоверные. Между тем в дальнейших сообщениях штаба фронта указано, что ни пленных немцев, ни более осязательных доказательств присутствия немцев не обнаружено. Верховный Главнокомандующий считает, что такие разноречия сильно затрудняют ориентировку Его Высочества и принятие решений, соответствующих наиболее острым нуждам обоих фронтов, и поручил мне просить Вас принять меры к установлению более обоснованных сведений о противнике".

Таким образом взвинтив немецкую опасность со стороны Карпат к 13 (26) января, к этому дню откровения г. Алексеева перед ставкой в секретных оперативных замыслах главнокомандования Ю.-З. фронта,—штаб фронта в дальнейших своих донесениях о противнике вынужден был стать на почву живой действительности и признать, что осязательных доказательств присутствия немцев (со стороны Карпат)—не обнаружено".

Следовательно, „немецкая опасность" была нужна только для того, чтобы побудить ставку к усилению Ю.-З. фронта войсками и всякого рода боевыми средствами, необходимыми ему для вторжения через Карпаты в Венгрию, подготовка к которому началась в Ю.-З. фронте секретно от ставки,—еще 7 (20) января 1914 года. Цель была достигнута: с явным ущербом для операции в Восточную

Пруссию из состава С.-З. фронта был направлен ко Львову (в Галицию) XXII. арм. корпус, и 5-6 горных батарей, о чем г. Рузскому было отдано повеление главковерха телеграммой 13 (26) января 1915 г. № 7559 [34]).

Последующие события показали, что сосредоточение германцев в Галицийском театре закончилось только в апреле 1915 года и что передача XXII. арм. корпуса из С.-З. фронта оказалась в высшей степени несвоевременной и даже роковой для 10. армии, находившейся в это время по восточную сторону больших Мазурских озер.

Оценка самостоятельного решения главнокомандования Ю.-З. фронта вторгнуться в Венгрию зимой через Карпаты. 5 (18) января 1915 года главковерх, как уже было сказано, утвердил операцию в Восточную Пруссию.

Из доклада от 31 дек. 1914 г. (13 января 1915 г.) за № 7125, видно, что г. Алексеев определенно настаивал на нанесении главного удара германо-австрийцам на левом берегу Вислы в направлении на Петроков-Томащев. Г.-ад. Иванов, в телеграмме 11 (24) января 1915 года № 387, вполне определенно высказал, что ближайшею целью действий со всех точек зрения—должно быть проникновение в Венгрию через Карпаты; иначе говоря зимний Карпатский поход 1915 года. Однако, не взирая на доклад о важности левобережного направления, г. Алексеев, в разговоре по аппарату с г. Даниловым, совершенно неожиданно выразил, что „мы“, т.-е. гл-ние Ю.-З. фронта, „с 7 (20) дакабря начали постепенную подготовку вторжению Венгрию“.

Таким образом, верховное гл-ние было поставлено перед фактом состоявшегося без его ведома и участия решения вторгнуться в Венгрию, для чего необходимо было форсировать Карпатские горы зимой 1915 года. В дополнение к этому факту гл-ние Ю.-З. фронта требовало скорейшей переброски нескольких дивизий из С.-З. фронта в Галицию, т. к. у него не хватило собственных сил (Ю.-З. фронта) для приведения в исполнение плана зимнего Карпатского похода, подготовка к которому велась уже с 7 (20) декабря 1914 года и требовала еще только каких-нибудь 14-18 дней для своего окончания.

Совершенно очевидно, что зимний Карпатский поход и затем вторжение в Венгрию уже не являлись тою „частною операциею“, в необходимости которой г.-ад. Иванов так усердно уверял ставку; ясно, что это была задача целого периода войны для всех вооруженных сил России, каковое значение было придано верховным гл-нием и операции в Восточную Пруссию. Значит, с одной стороны главковерх ставит ближайшею задачей войны „вторжение в Восточную Пруссию“ 5 (18) января; но вслед за этим 13 (26) января наштаюз сообщает верховному гл-нию в разговоре, что ближайшая задача войны еще 7 (20) декабря 1914 года уже поставлена главкоюзом и что теперь верховному гл-нию остается лишь исполнить требование Ю.-З. фронта, вытекающее из состоявшегося уже решения...

Так г.-ад. Иванов, вместе с наштагл. Алексеевым,—вошел в роль верховного гл-ния вместо того, чтобы требовать от этого последнего постановки ближайшей общей задачи текущего периода войны и вытекающей из нее частной задачи Ю.-З. фронту.

Верховное гл-ние, как выше было выражено, робко протестовало против такого положения, но все-таки поддалось впечатлению доклада о „германской опасности" в Карпатах, потому что направило в Львов XXII. арм. корпус, взяв его с С.-З. фронта.

Признав, таким образом, хотя и косвенно, необходимость зимнего Карпатского похода и в то же время оставшись при решении действовать зимою же в Восточной Пруссии, верховное гл-ние было готово поставить действующей русской армии две совершенно новые задачи, требовавшие одновременной подготовки во всех отношениях и сосредоточения для каждой из них значительных сил в то время, когда на левом берегу Вислы достигнута была действительная подготовка главного удара против главного противника—германцев.

Назначить достаточные силы для обоих операций, в Карпатах и в Восточную Пруссию, можно было только, сняв их с левого берега Вислы, чем совершенно разрушалась бы возможность достижения здесь какого бы то ни было успеха, а в месте с тем и облегчалось бы довольно затруднительное стратегическое положение германских сил, действовавших в плацдарме левого берега Вислы.

Итак, не германцы своими действиями отвлекали наши силы от опасного для них направления на левом берегу Вислы, а неустойчивость в достижении определенной цели и безволие верховного гл-ния, допустившего главкоюза распоряжаться в неподлежащей его ведению области ведения войны.

Карпатский поход, затеянный одновременно с операцией в Восточную Пруссию, сулил неудачу этим обоим операциям и устранял какую бы то ни было возможность добиться успеха на левом берегу Вислы в то время, когда решительный удар был подготовлен здесь предшествующими боями. Он устранял все благоприятные для русского оружия возможности и потому, по всей справедливости, еще в 1915 году был признан многими в действующей армии—„началом конца" в великой войне, т.-е. залогом грядущих неудач для Ю.-З. фронта, а затем и предвестником общего неуспеха русского оружия... События подтвердили это предсказание. Карпатский поход повлек за собой разгром галицийской группы и ее отступление из пределов Восточной Галиции, которое, в свою очередь, оказалось неизлечимой раной, нанесенной русской действующей армии в лице Ю.-З. фронта.

Двойственность ближайшей задачи войны. Итак, в половине января 1915 года—велась подготовка к двум операциям: в С.-З. фронте—в Восточную Пруссию, в Ю.-З. фронте—к зимнему Карпатскому походу. Действия на левом берегу Вислы, в общем, постепенно затихали. Между двумя названными операциями предстояло поде-

лить войска и ничтожные в это время боевые средства. С этого времени борьба фронтов в ставке за преимущество получить в свое распоряжение ту или иную войсковую часть, те или иные средства еще более обострилась. Общей стратегической идеи войны, как и прежде, в ставке не существовало, а обе задуманные операции на флангах, в их общей совокупности, совершенно не соответствовали нашим силам, боевым средствам и наличной обстановке.

Единственно возможным решением для зимы 1915 года—несомненно являлось-нанесение решительного удара германцам на левом берегу Вислы, удара, в значительной степени подготовленного к январю месяцу 1915 года всеми предшествовавшими непрерывными боями. Но для этого удара у главкосевзапа в январе 1915 г. не было достаточного резерва. *)

Из двух операций: в Восточную Пруссию и в Венгрию,—первая являлась ближайшей задачей войны и была утверждена главковерхом, вторая—была задумана гл-нием Ю.-З фронта и в половине января 1915 года не встретила никакого сочувствия в ставке.

Однако, для начала Карпатского похода г.-ад. Иванов отдал армиям Ю.-З. фронта директиву 12 (25) января 1915 года № 407 [35]) еще до разговора г. Алексеева с г. Даниловым, устанавливающую соответственную перегруппировку войск, и другую директиву, 15 (28) января 1915 года № 488, [36]) вводящую поправки в директиву № 407, вызванные назначением XXII. арм. корпуса в состав армий Ю.-З. фронта. Распоряжениями 20 янв. (2 февр.) 1915 года № 712 и 21 янв. (3 февр). 1915 года № 712 и 21 янв. (3 февр.) 1915 года № 733 [37])—г.-ад. Иванов дополнил директивы № 407 и № 488.

Телеграммой 20 янв. (2 февр.) 1915 года № 717 в ставку г.-ад. Иванов просил личного доклада у главковерха. На эту телеграмму последовал ответ 21 янв. (3 февр.), что „главковерх примет г.-ад. Иванова 23 янв. (5 февр.) 11 часов". Письменного доклада г.-ад. Иванова главковерху в делах не найдено.

Между тем для операции в Восточную Пруссию г.-ад. Рузским была отдана директива 12 (25) января 1915 года за № 7462 [38]). Во исполнение этой директивы г. Плеве были разработаны окончательные предположения, план операции, в Восточную Пруссию, полученные в ставке 26 янв. (8 февр.) 1915 года, в виде копии рапорта г. Плеве от 20 янв. (2 февр.) 1915 года № 148 [39]), дополняющего рапорт г. Плеве главкосевзапу от 14 (27) января 1915 г. за № 59 по тому же вопросу.

27 янв. (9 февр.) главковерх передал С.-З. фронту из своего резерва, телеграммой 27 янв. (9 февр.) 1915 года № 7918 [40]), гвардейский корпус „на время предстоящей С.-З. фронту операции". Это обстоятельство явно свидетельствует, что главковерх к концу января смотрел на операцию в Восточную Пруссию, как на главную на всем фронте нашей действующей армии.

---

*) *Примечание редакции:* Архивных материалов, подтверждающих эту мысль, в настоящее время в распоряжении комиссии не было.

Между тем, г.-ад. Иванов, 28 янв. (10 февр.) 1915 года, № 1010 [41]), телеграфировал г. Янушкевичу: „необходимость установить окончательно дальнейшие действия армий фронта и отдать соответствующие распоряжения заставляет меня беспокоить вас просьбой дать ответ могу ли рассчитывать, что посадка XV. корпуса начнется 1 (14) февр.

Необходимо иметь в виду, что снежные заносы растягивают продолжительность перевозки, между тем обстановка требует настоятельно не держать далее войска тяжелых условиях зимнего времени без помещений на Карпатах. Нужно сбросить врага с Карпат, что подсказывается соображениями военными политическими, санитарными; чтобы сбросить нужно прислать дополнительно войска, что докладывал 23 янв.“

Значит, можно предполагать, что во время личного доклада 23 янв. (5 февр.) были выражены какие то обещания, давшие повод г.-ад. Иванову считать, что XV. корпус будет направлен в Ю.-З. фронт и что остается лишь точно установить время его посадки на железную дорогу.

Верховный главнокомандующий повелел упрочить положение в Галиции силами Ю.-З. фронта. В ответ на этот запрос главковерх, за своею подписью телеграфировал г.-ад. Иванову, 28 янв. (10 февр.) № 2252 [42]), нижеследующее: „Обстановка в Восточной Пруссии осложнилась настолько, что пришлось гвардейский корпус перебросить на млавское направление. При таких условиях в настоящее время до полного выяснения обстановки не может быть речи о направлении 15-го корпуса Галицию. Повелеваю вам принять необходимые меры для упрочения своего положения в Галиции в пределах собственных сил, продолжив, если то необходимо, задержанную вами переброску войск на левый фланг восьмой армии за счет других армий вверенного вам фронта. Если по окончательном выяснении всей обстановки на С.-З. фронте можно будет принять решение о направлении 15-го корпуса на Ю.-З. фронт, то этот корпус будет предназначен исключительно для достижения активных целей“.

Таким образом, главковерх только 28 янв. (10 февр.) 1915 года заговорил с г.-ад. Ивановым тем языком верховного вождя действующей русской армии, которым только и следовало во всех случаях разговаривать с гл-нием Ю.-З. фронта, которое с самых первых дней войны (еще в великой Галицийской битве) проявило стремление руководить ведением Великой Европейской войны, вместо сосредоточения всех своих сил на управлении армиями Ю.-З. фронта. Приводимая телеграмма совершенно точно устанавливает, что к концу января 1915 года с точки зрения верховного гл-ния главной ближайшей задачей войны являлась операция в Восточной Пруссии и что действиям в Карпатах, по мысли главковерха, принадлежало значение лишь частной операции, развиваемой Ю.-З. фронтом „в пределах собственных сил“.

Эту последнюю точку зрения главковерха г.-ад. Иванов принял

к исполнению директивой 28 янв. (10 февр.) 1915 г. № 1031 [43]), поставив армиям фронта следующую задачу: „сдержать противника на фронте четвертой, девятой и третьей армий, опираясь на занимаемые позиции; восьмой армии, упорно сдерживая и замедляя наступление противника на ее левое крыло, разбить неприятельские войска и подходящие подкрепления на фронте Бартфельд—Ужок и сбросить их к югу от Карпат". Однако эту задачу г.-ад. Иванов ставил армиям фронта только на „ближайший предстоящий период впредь до выяснения обстановки Восточной Пруссии"

Вслед за директивой № 1031 г.-ад. Иванов телеграфировал главковерху, 29 янв. (10 февр.) 1915 г. № 1050 [44]), подробности исполнения им повеления, изложенного в телеграмме от 28 янв. (10 февр.) 1915 года за № 2252, сопровождая эти подробности докладом, что „произведенное ныне усиление армий третьей и восьмой не обеспечивает должной мере их устойчивости Галиции, а также не дает возможности завершить операцию ударом и вывести восьмую армию из того тягостного состояния, в котором она находится в горах суровое время года, не имея совершенно помещений".

Г.-ад. Иванов настаивает на необходимости Карпатского похода. В дальнейшем г.-ад. Иванов вновь излагает в той же телеграмме свою точку зрения на ближайшие задачи войны, весьма характерные именно для того времени, когда германцы уже перешли в наступление против нашей десятой армии в Восточной Пруссии. Вот эта точка зрения: „Оборона Карпат очень трудна. Даже зимнее время есть возможность производить обходы и охваты позиций. При слагающейся обстановке для меня есть два решения: первое— отвести войска с Карпат северу, но те геройские усилия и большие жертвы, которыми куплено завоеванное пространство, не позволяют принять это решение без риска окончательно подорвать веру войск своих начальников и высокий нравственный под'ем, который они доселе неизменно проявляли; второе—несмотря на недостаток сил и средств поставить задачу сбить противника с Карпат и самим спуститься в Венгерскую равнину—это мною и предписано. Важнейший участок включает направление на Кашау— Ужгород; здесь группируется все, что могу собрать. Почитаю себя обязанным надлежащею откровенностью доложить Вашему Императорскому Высочеству, что находящиеся моем распоряжении силы не отвечают обширности задачи, важному и решающему значению ее не только для восьмой армии, но и для общего положения на всем театре войны, для достижения существенного успеха над врагом. Разрушив Галиции замыслы противника, его обширную, но, смею думать, и последнюю операцию по вытеснению нас из Галиции, мы одержим большую стратегическую победу не местного, а общего значения, достигнем существенных военных и политических результатов. Но для сего нужно сосредоточение сил, позволяющее дать надлежащее развитие нашему удару, и отказаться от той равномерности распределения войск, которая принята ныне. Если австрийцы имеют возможность

усиливать войска Карпатской группы за счет своего сербского фронта, то немцы направляют свои войска на Карпаты и Восточную Пруссию главным образом из состава сил, уже до настоящего времени действовавших против нас, но появление даже двух новых корпусов на С.-З. фронте или Восточной Пруссии при том большом превосходстве числа боевых единиц, которым располагает С.-З. фронт, не должно представлять для нас какой-либо опасности и нарушать предположения о сосредоточении надлежащих сил там, где нанесение решительного удара обещает нам наибольшие результаты, т.-е Карпатах".

Оценка точки зрения г.-ад. Иванова. Какой же внутренний смысл заключался в этой телеграмме? Что представляет из себя точка зрения г.-ад. Иванова на общем фоне стратегической обстановки всего театра военных действий к концу января 1915 года?

К этому времени главковерх установил, что главная операция должна быть направлена в Восточную Пруссию, куда и намечалось сосредоточение сил, хотя, как было выяснено выше,— обстановка повелевала развить главный удар на левом берегу Вислы. Уж по одной этой причине заключительное в телеграмме № 1050 заявление г.-ад. Иванова относительно „нарушения предположения о сосредоточении" явилось возражением, не имеющим под собою никаких реальных оснований. Но и по существу дела—сосредоточение наших сил в Карпаты совершенно не соответствовало бы общей обстановке.

Предложение г.-ад. Иванова „отказаться от равномерности распределения войск"—является бесспорно запоздалым, т. к. факт формирования 12. армии и сосредоточения сил в направлении Восточной Пруссии сам по себе свидетельствует о сосредоточении ударной группы на определенном направлении, т.-е. об „отказе" равномерно распределять войска.

В телеграмме № 1050 г.-ад. Иванов, несмотря на передачу XXII. арм. корпуса в Ю.-З. фронт, вновь признает, что находящиеся в его распоряжении силы „не отвечают обширности задачи", которой, следует отметить, главковерх не задавался и которая явилась следствием самостоятельного замысла г.-ад. Иванова, замысла, не соображенного с общими задачами верховного вождя.

Главкоюз, гоняясь за захватом наибольшей территории в Галиции и Карпатах, действовал своими армиями не соответственно с общей обстановкой на театре войны и таким способом, т.-е. углублением в Карпаты, создал для них уже в январе 1915 г. затруднительное положение, которое требовало: или бесславного отступления, или наступления с недостаточными силами и средствами. Самостоятельное решение задачи войны частным начальником всегда бывает однобоким и приводит к тягостным последствиям. Так и в данном случае: г.-ад. Иванов, начав подготовку зимнего похода в Карпаты 7 (20) декабря 1914 года секретно от ставки и только в конце января 1915 года поставив главковерха

перед совершившимся уже фактом дальнейшего наступления в Карпатах с недостаточными силами и средствами, наступления, будто бы обещающего „большую стратегическую победу не местного, а общего значения", создал тяжелую необходимость усиливать галицийскую группу Ю.-З. фронта для ее спасения—за счет С.-З. фронта, в ущерб сосредоточения сил для главной операции в Восточной Пруссии. Своими распоряжениями, совершенно не соображенными с общим положением на всем театре войны, г.-ад. Иванов срывал Восточно—Прусскую операцию против главного противника—германцев и отнимал все возможности для развития удара на левом берегу Вислы, удара, уже назревшего в силу естественного развития боевых действий с нашей стороны.

Эти выводы тем более подтверждаются, чем яснее представить себе—происходившее в это время в Восточной Пруссии.....

Согласно директивы г.-ад. Рузского от 29 янв. (11 февр.) 1915 г. за № 7562, [45]) в Восточной Пруссии происходило следующее: „Германцы силою около корпуса потеснили правый фланг десятой армии. Со стороны Иоганисбурга на Лык наступает около корпуса германцев, который занял район Бялы. Со стороны Ортельсбурга на Мышинец—Кодзидло обнаружено наступление около дивизии. В районе Хоржеле также обнаружено наступление". Кроме того г.-ад. Рузский указывал, что в десятой армии „две второочередные дивизии под давлением противника отходят в направлении на Ковно".

Таким образом, в Восточной Пруссии десятая армия была атакована в это время с флангов, а частичное наступление германских групп перед фронтом развертывающейся двенадцатой армии угрожало захватом важнейших дефиле Буго-Наревского района со всеми происходящими отсюда затруднениями для предстоящего наступления в Восточную Пруссию...

Вот при каких условиях г.-ад. Иванов требовал усиления Карпатской группы, уверяя, что „появление даже двух новых корпусов на С.-З. фронте или Восточной Пруссии... не должно представить для нас какой-либо опасности". Последовавший вскоре после этих уверений разгром десятой армии германцами является наиболее точной оценкой глубины этих соображений г.-ад. Иванова.

Главковерх на этот раз остался тверд в своей оценке операции в Восточной Пруссии, но слишком слаб в оценке действий главнокомандования Ю.-З. фронта.

Новыя предположения ставки о плане действий противника. 31 янв. (13 февр.) генкварверх г. Данилов представил Янушкевичу проект телеграммы г.-ад. Иванову, в которой излагается предложение, что новый план действий наших противников, к осуществлению которого они будто бы уже приступили,—заключается в „нанесении решительных ударов на крайние фланги нашего стратегического фронта из Восточной Пруссии и из-за Карпат. Силы их на левом берегу Вислы", говорится в телеграмме „с каждым днем ослабляются путем переброски на новые фронты их нас-

тупления. Оценивая обстановку, следует придти к заключению, что если удар их из-за Карпат является для нас угрожающим в смысле владения Галицией, то глубокое развитие удара из Восточной Пруссии грозит еще большими потрясениями. Поэтому все наши усилия должны быть направлены к тому, чтобы разрушить планы наших противников и вырвать у них победу как в районе Восточной Пруссии, так и на Карпатах, что требует сбора необходимых сил хотя бы путем ослабления нашего положения на левом берегу Вислы".

В этой телеграмме устанавливается вполне определенно, что наиболее опасным для нас, с точки зрения ведения войны, является удар из Восточной Пруссии, тогда как удар из-за Карпат следует признать угрожающим только в смысле владения Галицией; иными словами, успех австро-германцев в Карпатах может иметь для нас лишь частное значение. Таким образом, г. Данилов прибегает здесь к излюбленному способу мышления всех кабинетных полководцев угадывать намерения противника, его план действий и только в этих, навязанных противнику, так сказать, гадательных намерениях, искать основания для своих решений, выражающихся в действиях „наоборот намерениям противника". Такой механический способ решения стратегических проблем войны грешит прежде всего тем, что не дает никаких гарантий точности определения плана действий противника и, в случае ошибки в угадывании плана его действий, приводит к еще более ошибочным действиям с нашей стороны.

Этот образ мышлений и действий в живом военном деле, равносильный полному отказу от собственной инициативы в операциях, связан с добровольной уступкой инициативы противнику. Замышлять операцию для разрушения планов противника, как говорится в проекте телеграммы,—это то же самое, что совершенно отказаться от постановки определенной цели своих действий, так как разрушение „плана", навязанного противнику путем угадывания—не представляет из себя ровно никакой реальной цели для ведения операции. Между тем в дальнейшем проекте телеграммы говорится: „эти соображения верховный главнокомандующий считает необходимым положить в основу дальнейших действий обоих фронтов".

Проект телеграммы не был одобрен и телеграмма не была отправлена. Метод решения ближайшей стратегической задачи войны, заключающийся в этой телеграмме,—служит для нас характеристикой приемов выработки оперативных решений, практиковавшихся в оперативном центре русской армии.

Таким образом, новые соображения г. Данилова о плане действий противника ничуть не изменили решения главковерха—считать главной операцией совместное наступление в Восточной Пруссии 10. и 12. армий.

Германцы предупредили наше наступление в Восточной Пруссии. Между тем г.-ад. Рузский телеграмой от 31 янв. (13 февр.) 1915 года за № 7576, отдавая распоряжения командарму 10., дополня-

ющие директиву от 29 янв. (11 февр.) 1915 года за № 7565 [47]), начинает эту телеграмму словами: „в виду выяснившегося обхода германцами обоих флангов десятой армии и невозможности, по вашему мнению, противодействовать этому, о чем по вашему приказанию сообщено начальником штаба генералом Будбергом и подтверждено вами по телеграфу сегодня, тридцать первого января в семь часов тридцать минут.... утра, отвести армию на линию Оссовец - Липск Сопоцкин-Олпта-Ковно целью исполнения возложенной армию основной задачи обеспечить сообщения армий действующих по обеим берегам Вислы. Крайне необходимо при этом сохранить целость и полную боеспособность армии как для исполнения этой основной задачи, так и для перехода армии при благоприятной обстановке в наступление одновременно с наступлением войск, сосредоточивающихся на нижнем Нареве."

Так совершенно неожиданно рушился план совместного наступления 12. и 10. армий в Восточную Пруссию; 12. армия была предоставлена собственным силам в этой операции и могла ожидать перехода в наступление 10. армии только „при благоприятной обстановке", на которую трудно было рассчитывать, как это показали события ближайшего будущего, заключавшиеся в разгроме 10. армии германцами. Теперь, казалось бы, настало время верховному гл-нию решить вопрос: не следовало ли ответить германцам на их удар по 10. армии решительной атакой на левом берегу Вислы,—тем более, что во-первых, вполне было возможно направить в это время некоторые корпуса 12. армии в новый район сосредоточения на левом берегу Вислы для этой атаки и что, во-вторых, главкосевзап давно настаивал на этой атаке, приписывая ей решающее значение по отношению к германцам.

Г.-ад. Иванов настаивает на нанесении удара австрийцам в Карпатах. В то время, когда естественным путем назрела необходимость нанесения решительного удара германцам на левом берегу Вислы при содействии 12. армии на правом берегу и в Буго-Навревском районе, а также Ю.-З. фронта—г.-ад. Иванов, телеграммой 31 янв. (13 февр.) 1915 года № 1915, [48]) продолжал настаивать на усилении Ю.-З. фронта для прорыва через Карпаты в Венгрию.

„Со вновь сформированными и точно установленными высшими соединениями", говорится в телеграмме, „австрийцы развернули против нас 45 пехотных дивизий, т. е. количество, которым они не располагали начале войны; Перемышльский гарнизон это число не входит... По заслуживающим доверия сведениям до 20 янв. (2 февр.) Венгрии было собрано около ста тысяч немцев, из коих около четырех дивизий уже точно обнаружены пленными на Карпатах и повидимому до двух дивизий составляют резерв. Имеются некоторые признаки, что количество немецких войск Венгрии будет увеличено, примерно, до полутораста тысяч, но мера эта пока не получила осуществления". В таких красках г.-ад. Иванов рисовал силы противника, попрежнему выставляя в виде реальной силы даже

те намерения немцев, которые „пока не получили осуществления“, играя этими намерениями так, как будто германское командование поделилось с ним откровенно сведениями о своих планах, намеченных к исполнению.

„Соотношение сил на вверенном мне фронте“, продолжает г.-ад. Иванов, „резко склонилось на сторону противника, выставившего от 54 до 56 дивизий, не считая ландштурменных частей и, благодаря этому, получившего возможность стремиться развитию наступательных действий на всем протяжении Карпат“.

Итак, г.-ад. Иванову кажется, что австрийцы в превосходных силах и всюду получили возможность наступать; что германцы все прибывают в Карпаты и вот-вот достигнут 150 тысяч (должно быть, штыков). Г.-ад. Иванов забывает при таких условиях о том, что в С. З. фронте левобережные армии втянулись в бои и ждут не дождутся той минуты, когда высшее командование, решившись, наконец, пойти навстречу их геройским усилиями, сосредоточит резерв и нанесет совместно с ними решительный удар германцам. Забыл г.-ад. Иванов под влиянием австро-германского ужаса в Карпатах и о том, что в это время происходило сосредоточение корпусов 12. армии для операции в Восточную Пруссию совместно с 10. армией и что, наконец, германцы предупредили нас в Восточной Пруссии, атаковав 10. армию, которая находится в полном отступлении. Гл-ние Ю.-З. фронта утратило в это время чувство принадлежности Ю.-З. фронта ко всей действующей армии, утратило представление о расстояниях и времени; оно высказывалось так, как будто по мановению какой-то волшебной силы войска могут собраться в Галиции, бросив без вреда для общего дела свои задачи; оно не останавливалось при этом и на мысли, что, кроме австро-германской опасности против Ю.-З. фронта, существует могущественный противник и против других частей действующей армии. Г.-ад. Иванов и его наштa, видимо, сознали в это время, что слишком далеко зашли в секретных операциях на свой риск и страх, поставив армии Ю.-З. фронта в положение, близкое к безвыходному. Несомненно — призрак грядущей катастрофы в Карпатах витал в их воображении. Оба они, очевидно, были близки к панике, которая всегда чужда расчета и способна лишь к тому, чтобы, забыв о всем окружающем, возводить страшную ближайшую действительность—в опасность для всех и для вся...

Утратив равновесие полководца и приблизившись духовно к тому состоянию, которое по всем признакам граничит с паникой, г.-ад. Иванов видел спасение от Карпатского разгрома в давлении на ставку мрачными перспективами и в то же время, давя, терял чувство меры в рисовании тяжелых картин настоящего и будущего под влиянием своего духовного состояния.

Вот в каких красках изображал г.-ад. Иванов обстановку на Галицийском театре в той же телеграмме за № 1099: „Значительные силы вступили Буковину и давят своим безусловным превосходством слабые части XXX. корпуса. Вчера я вынужден был дать разре-

шение отвести случае настоятельной надобности эти войска за Прут, очистив Черновицы; хотя эта мера нежелательна политическом отношении, но усилить находящиеся здесь войска за счет сил, действующих на других направлениях, не признано возможным, ибо направления на Делатынь, Стрый, Самбор имеют первенствующее стратегическое значение и ними связана прочность нашего положения Восточной Галиции. Соглашаюсь мнением г. Брусилова, что на этих направлениях мы имеем наименьшее количество войск, необходимое для сдержания напора противника. Все, что допускала обстановка взять с левого берега Вислы, взято и направлено на существенно важное Дуклинское направление“ Из этого отрывка телеграммы ясно, что, забравшись в Карпаты, г.-ад. Иванов наткнулся на такие силы противника, которые остановили его наступление и теперь угрожают опрокинуть войска Галицийского театра, сбросив их с гор, в равнину Восточной Галиции, а может быть и больше...

Таким образом, не справившись с видами ставки относительно будущих операций и не оценив обстановку на всем театре войны, г.-ад. Иванов ввязался в такую операцию, для развития и завершения которой пришлось бы передвинуть в Галицию несколько корпусов, отняв их от С.-З. фронта с левого берега Вислы и из 12. армии, подготавливавшей в это время операцию в Восточную Пруссию. Если бы исполнить в то время требование г.-ад. Иванова об усилении Ю.-З. фронта, поставленное им и его начальником штаба, г. Алексеевым, главным образом по мотивам—видимо, сознаваемого ими грядущего разгрома галицийских армий, разгрома, витавшего уже над этими армиями, вследствие близорукой стратегии полководцев Ю.-З. фронта, то ближайшим следствием такого исполнения явился бы прежде всего полный отказ от нанесения главного удара на левом берегу Вислы и даже от операции 12. армии в Восточной Пруссии, а затем возникло бы и сомнение в возможности удержать германские армии от их наступления в пределах С.-З. фронта, включавшего два важнейших для нас операционных направления на Петроград и Москву.

Во второй половине марта, и в апреле 1915 года, как увидим ниже, войска щедрою рукою передавались из С.-З. фронта в Ю.-З.; однако, это не спасло армии Ю.-З. фронта от разгрома и вместе с тем создало почти катастрофическое положение для С.-З. фронта, которому пришлось пережить тяжкие минуты, благодаря необдуманному разрешению ставки развивать наступление в Карпатах, для чего пришлось снимать войска с С.-З. фронта... Следовало бы ставке и полководцам Ю.-З. фронта твердо помнить в то время основное положение боевого дела, что развивая операции в каком угодно направлении, необходимо иметь уверенность, что противнику не удастся нанести нам в это время смертельного удара в главнейшем для нас направлении. Требуя сосредоточения главных сил в Карпаты,—против австрийцев, г.-ад. Иванов открывал германцам полную возможность нанес-

ти нам смертельный удар на Петроград и Москву. И до тех пор, пока ставка противилась такому сосредоточению,—она хотя и отчасти, но все-таки исполняла свою роль верховного главнокомандования.

С несомненным намерением поколебать сопротивление ставки, г.-ад. Иванов, в телеграмме 31 янв. (13 февр.) 1915 г. № 1099, продолжает: „Обязуюсь доложить Вашему Императорскому Высочеству, что общее количество наших сил значительно, но, распределенное равномерно на обширном протяжении, оно обрекает нас всюду лишь на принятие мер противодействовать замыслам противника без возможности решительным ударом собранными силами нанести ему удар жизненном направлении и таким путем разрушить его планы. Особенно трудно оборонительно разрушать замыслы противника Карпатах при протяжении фронта четыреста верст. Нет времени возможности выполнять переброску войск и усиливать особенно угрожаемые направления. Между тем, только здесь мы имеем возможность развить наступательные действия, для сего выполнена войсками серьезная подготовка, впереди мы имеем важную военную и политическую цель и облегчаем сразу наше стратегическое положение, переходя наступление от непосильной задачи успешно оборонять четырехсотверстное протяжение горной страны. Но для сего необходимо усилить подчиненные мне войска за счет С.-З. фронта, где на варшавском направлении мы можем стеречь немцев хотя бы равным количеством боевых единиц, а Восточной Пруссии противодействовать их замыслам строго необходимым количеством войск, маневрирующих и опирающихся на Ковно, Гродно и Оссовец. По глубокому моему убеждению, которое я позволял себе докладывать Вашему Императорскому Высочеству, Восточная Пруссия ни теперь, ни в будущем не должна быть об'ектом наших наступательных действий, ибо она бесполезно для общего дела поглотит усилия значительного количества наших сил. В свою очередь и немцы при современной обстановке не могут развить из Восточной Пруссии глубоких действий наших пределах. Ввиду этого позволяю себе настоятельно ходатайствовать перед вами об усилении вверенного мне фронта четырьмя дивизиями, которые могут быть без опасения выделены армиями, обороняющими 90 верстный фронт между Вислой и Пилицей (т.-е. из армий С.-З. фронта)...

Докладываемые соображения вернули бы нам возможность развить наступление, имея впереди важную общего значения цель, поэтому я позволяю себе повторить мою настоятельную убедительную просьбу о предоставлении мне четырех дивизий, равно об усилении моих запасов пушечных патронов. При всей экономии расходах напряженность боев Карпатах требует усиленного расхода огнестрельных припасов“.

Итак, уже получив в состав Ю.-З. фронта XXII. арм. корпус, снятый с С.-З. фронта, г.-ад. Иванов настоятельно требует еще че-

тыре дивизии, т.-е. еще два корпуса. Видимо к концу января 1915 года г.-ад. Иванов вполне ясно сознавал то безвыходное положение, в которое он сам же поставил свой фронт, обороняясь там, где надо было наступать, действуя совместно с С.-З. фронтом, т.-е. на левом берегу Вислы, и преждевременно наступая в Галиции, где нужно было только прикрывать главную операцию, не втягиваясь в Карпаты, дабы не лишать свои армии свободы маневрирования. Какие же соображения приводил г.-ад. Иванов в основу своих настаиваний?

Прежде всего он жаловался, что „особено трудно оборонительно разрушать замыслы противника" и, конечно, был прав, что, обороняясь, трудно этого достигнуть; но как известно, г.-ад. Иванов втянулся в Карпаты не для разрушения замыслов противника, а ради достижения своего собственного замысла — вторгнуться в Венгрию, видя в этом цель, имеющую общее высоко-важное военное и политическое значение, в чем бесспорно заблуждался. Значит, эта жалоба была в пустую. Затем, г.-ад. Иванов предлагал на левом берегу Вислы только „стеречь немцев"; и это после нескольких месяцев кровопролитных боев, когда естественным путем назрело время нанести здесь германцам решительный удар; это предложение говорило если не об умышленном стремлении расшаркиваться перед немцами, то во всяком случае знаменовало собою смутное представление г.-ад. Иванова о ближайшей задаче войны и об общей обстановке на всем ее театре. Не лишен странности и другой совет г.-ад. Иванова: „Восточной Пруссии противодействовать их (т.-е. германцев) замыслам" в то время, когда 10. армия была в безнадежном отступлении и когда сосредоточение 12. армии еще далеко не было закончено.

Остается лишь последний, главный довод, — это „по моему убеждению", довод бесспорно искренний, видимо вытекавший из того полупанического состояния, в которое были ввержены в это время г.-ад. Иванов и г. Алексеев, — вместе и каждый порознь познавшие всю несообразность вовлечения войск в Карпаты и уже начавшие обвинять друг друга в авторстве, не в пору будь помянутого, замысла похода через Карпаты в Венгрию зимой 1915 года.

Г.-ад. Иванов заверял ставку, что „немцы при современной обстановке не могут развить из Восточной Пруссии глубоких действий наших пределах, как раз в то самое время, когда 10. армия отступала, а ее командующий не мог даже и представить себе, — где именно ему удастся приостановить наседающего противника.

Решение верховного главнокомандующего. В ответ на телеграмму № 1099 — г.-ад. Иванов получил от главковерха следующий ответ, телеграммой 31 января (13 февр.) 1915 года № 8009[49]): „Наступление германцев из Восточной Пруссии развивается постепенно с охватом наших флангов. III. корпус спешно отступает на Козлово-Рудские позиции. С левого берега Вислы уже взяты гвардейский двадцать седьмой и второй корпуса и предполагается взять еще корпус. Из этого положения Вам должно быть ясно, что я не

могу ослаблять войск С.-З. фронта. По агентурным известиям австрийцы стягиваются к югу, таким образом фронт Краков-Петроков может быть и должен быть и нами ослаблен, благодаря подобной мере вы можете рокируя по фронту, начиная с IV перебросить на свой правый берег Вислы и постепенно рокируя усилить г. Брусилова, что является делом внутреннего распорядка фронта. Ввиду состояния железных дорог в Галиции это скорее. При первой возможности, когда обстановка это позволит, усилю Вас-".

Ясно, что главковерх еще раз признал главными—действия в Восточной Пруссии и, конечно, не имел причин согласиться на сосредоточение сил в Карпатах, пренебрегая событиями в 10. армии. Смелая нападательная тактика обязывала в это время верховного вождя ответить германцам — решительной атакой на левом берегу Вислы, чтобы, при успехе этого удара именно отсюда, с левого берега Вислы, отрезать их корпуса, действующие в Восточной Пруссии в обход крепостей нижней Вислы. Но... в это время под влиянием удара, нанесенного 10. армии германцами и незаконченного еще сосредочения 12. армии, а также недостатка патронов, даже и г.-ад. Рузский, всегда искавший решения в активности, перестал руководствоваться смелой нападательной тактикой, предвидя возможность отхода левобережных армий на позицию Новогеоргиевск-Гура Кальвария, как это видно из телеграммы 2 (15) февр. 1915 г. № 46[50]).

Как бы в дополнение телеграммы № 8009 главковерх телеграфировал г-.ад. Иванову, 1 (14) февраля 1915 года № 8015, [51]) следующее повеление: „Германцы, перебросив Восточную Пруссию несколько корпусов, обходными движениями заставили десятую армию податься назад, поставив ее в тяжелое положение. Десятая армия отходит на наши крепости на Немане. Вследствие этого признавая необходимым во что бы то ни стало выправить наше положение на Немане, повелеваю Вашему Высокопревосходительству отдать немедленно распоряжение о посадке третьего Кавказского корпуса на железную дорогу для безотлагательной переброски его через Ивангород в Ораны. Происходящее от этой переброски ослабление Ю.-З. фронта надлежит считать временным, т. к. третий Кавказский корпус будет возвращен фронту при первой к тому возможности. О времени посадки головных частей корпуса уведомьте, имея в виду, что настоящая перевозка корпуса дело срочное".—

Во исполнение этого повеления г.-ад. Иванов отдал директиву 1 (14) февр. 1915 года № 1226 [52]), предусматривающую перегруппировку сил в пределах Ю.-З. фронта.

Катастрофа в 10. армии. Общее положение наших армий. Между тем наступление германцев на 10. армию достигло ко 2 (15) февр. наибольшего непряжения и крупная неудача для этой армии сделалась уже фактом, привлекшим на себя все внимание главковерха и главкосевзапа.

Таким образом, волею судеб, на левом берегу Вислы в первых числах февраля 1915 года наши армии перешли к беспросветному сидению в окопах; 12. армия сосредоточивалась и временно обо-

ронялась, стремясь придать обороне активный характер. На крайних флангах: 10. армия, отступая, была в состоянии близком к полному разгрому, судя по телеграммам наштарма г. Будберга; галицийская (Карпатская) группа перешла к обороне против слабо давивших на нее австрийцев [53]).

Новый план г.-ад. Рузского. Г.-ад. Рузский, 3 (16) февр. 1915 года за № 13/Б [54]), донеся о тяжелом положении 10. армии, заканчивает свою телеграмму словами: „если даже корпуса 10. армии и пробьются, то едва ли можно рассчитывать на удержании ими линии Штабин—Липск—Сопоцкин и на прикрытие Гродны. Вследствие удаленности и незаконченности сосредоточения трех корпусов армии Плеве, наступление с линии Ломжа—Остроленка является ныне нецелесообразным и представляется необходимым коренным образом изменить план действий армий фронта, стремясь к сосредоточению возможно больших сил в район Гродно—Белосток—Оссовец, для чего по всей вероятности явится необходимость еще более ослабить войска на левом берегу Вислы“. Г.-ад. Рузский стремился к новому сосредоточению сил с таким рассчетом, чтобы занять прочное центральное положение и действовать отсюда по обстановке:— или в направлении на Варшаву, или в направлении на Восточную Пруссию, или во фланг германцам, если бы они переправились на правый берег Вислы в пределах Ю.-З. фронта и начали развивать свои действия в сторону Днепра, или, наконец, во фланг германцам в северном направлении, если бы они развили свое наступление со стороны Ковно в сторону Петрограда.

К осуществлению такого сосредоточения в то время препятствий не встречалось, т. к. часть сил направлялась в район 12. армии, близкий к району, проектированному г.-ад. Рузским, а с другой стороны—некоторые корпуса уже были предназначены к передвижению с левого берега Вислы на правый.

Окончательное решение этого вопроса и других, связанных с ним, зависело от совещания, которое было назначено на 4 (17) февр. 1915 года [55]) в Седлеце, под председательством главковерха при участии главкомов и их нач-ов штабов.

ГЛАВА III.

Раздвоение ближайшей задачи войны.

(Схема № 2).

Новое развертывание сил против Восточной Пруссии. 4 (17) февр. 1915 [56]) года в Седлеце, в присутствии главковерха, состоялось совещание, на котором присутствовали: главкосевзап г.-ад. Рузский, его нашта г. Гулевич и главный н-к снабжений г. Данилов;

главкоюз г.-ад. Иванов и его нашта г. Алексеев; командарм 12. г. Плеве; нактаверх г. Янушкевич; генкварверх г. Данилов и дежурный генерал при главковерхе г. Кондзеровский.

В совещании был рассмотрен вопрос об общем положении на театре военных действий и о тех мерах, которые необходимо принять под влиянием сложившейся обстановки. Было выражено, что германцы, очевидно, направляют свои главные усилия на то, чтобы достигнуть решительных успехов на правом берегу Вислы, для чего они бросили на 10. армию не менее десяти корпусов, вместе с тем германцы, усилившись на млавском направлении, добиваются и здесь решительных результатов. Предположено, что германцы стремятся к охвату обоих флангов нашей группы, действующей на фронте Нарева и Бобра. В соответствии с этим г.-ад. Рузским проектировано новое развертывание 12 корпусов от Гродно до млавского направления включительно; из них 5 корпусов—в резерве, в районе Белостока.

Таким образом, против германцев, действующих в Восточной Пруссии, развертывались 1. 12. и 10. армии нового состава. Кроме того, предполагалось еще 1—2 корпуса, из числа корпусов находящихся на фронте между Вислой и Пилицей, собрать в общем резерве у Острова и Вышкова. На левом берегу Вислы в С.-З. фронте признано нообходимым оставить не свыше 5—6 корпусов. Установлено, что развертывание всех этих сил может быть закончено к 18 февр. (3 марта).

Г.-ад. Рузский высказал, что на левом берегу Вислы „было бы более осторожным одновременно с переброской войск на правом берегу Вислы отойти на более сокращенные позиции Новогеоргиевск—Гура Кальвария, каковые позиции уже подготовлены". Г.-ад. Иванов признал, что с точки зрения Ю.-З. фронта отход „2. и 5. армий (левобережных) на тыловые позиции (Новогеоргиевск—Гура Кальвария) представляется крайне нежелательным".

Главковерх утвердил выше выраженные предположения г.-ад. Рузского в той их части, которая касалась сосредоточения и развертывания сил на правом берегу Вислы. Что касается 2. и 5. (левобережных) армий, то им приказано стремиться к сохранению своих позиций; если же немцы приступили бы к активным действиям на левом берегу Вислы, то 2. и 5. армиям должна быть оказана самая энергичная помощь со стороны соседних с ними армий Ю.-З. фронта.

Положение в Ю.-З. фронте. 5 (18) февр. 1915 года № 1355 [57])— г.-ад. Иванов телеграфировал главковерху, что командарм 8. приказал „отрядам Арутюнова и Лаврентьева от Черновиц и Коломыи отходить на Новоселицы и Залещики. Поддержать их, не ослабляя существенно войск, обеспечивающих главные пути на Перемышль и Львов, я не имею возможности".

Того же 5 (18) февр. 1915 года г.-ад. Иванов отдал директиву армиям Ю.-З. фронта за № 1345, из которой видно, что „перед 4

и 9 армиями противник не проявляет деятельности. Имея значительные силы, — перед 3 армией противник держится пока пассивно, более деятельно на участке восьмой армии между Свидником и Ужком и энергично настойчиво ведет атаки на направлениях Мункач—Стрый и Хуст—Долина. Значительными силами противник теснит наши отряды на Мармарош Сигетском и Черновицком направлениях". Принимая во внимание эту обстановку, г.-ад. Иванов поставил армиям фронта следующую задачу: „удерживая противника на левом берегу Вислы и на участке правого берега от Вислы до направления Мезо Лаборч—Гуменкое—нанести ему удар направлении Гуменное—Мункач—Хуст, обеспечив эту операцию слева достаточными силами".

Положение в 10. армии. К 7-8 (20-21) февраля 1915 года 10. армия была в полном отступлении. Разведкой были добыты сведения о движении не менее двух германских корпусов на Кальварию и Мариамполь, что указывало на возможность форсирования реки Немана на участке к северу от Друскеник, а это, в свою очередь, явилось бы прежде всего угрозою в направлении на Петроград, а затем и создало-бы возможность глубокого обхода правого фланга наших армий, развернутых на фронте Новогеоргиевск—Гродно. Пути, связывавшие армии С.-З. фронта с тылом, отходили от правого фланга, поэтому, с обходом этого фланга, все тыловые пути, в том числе и левобережных армий, попадали под серьезную угрозу со стороны германцев, которые с прорывом к востоку от среднего Немана получили бы преимущества более коротких расстояний, т.-е. могли бы перерезать эти пути раньше, нежели наши армии были бы в состоянии сосредоточиться для обеспечения этих путей.

Расчеты, основанные на данных разведки, показывали, что германцы не обладали в это время в Восточной Пруссии силами, достаточными для осуществления такого замысла, но моральное состояние войск 10. армии, потеря ими устойчивости и боеспособности, а также колебания ставки, могли сделать возможным то, что на первый взгляд казалось маловероятным. Если к этому прибавить, что от Ю.-З. фронта, благодаря сопротивлению его гл-ния и значительным расстояниям,—нельзя было ожидать своевременной помощи, и если припомнить, что к этому времени были израсходованы все резервы войск в стране, то станет совершенно ясным, что с развитием успеха германцев против 10. армии создавалось вполне основательное опасение за обеспеченность путей во внутренние области и, в частности, на Петроград, а также за безопасность тыла всех армий С.-З. фронта.

С.-З. фронт был в это время бессилен для того, чтобы сосредоточить значительные силы на среднем Немане и встретить здесь наступление германцев с фронта. Новая перегруппировка сил всего С.-З. фронта потребовала бы известного времени и могла бы оказаться запоздалой; эта группировка во всяком случае была бы сопряжена с риском подставления войск под удары германцев по частям. Г.-ад. Рузский, оценив такое положение, решил, что против

наступления германцев на восток через Неман,—севернее Гродны, можно назначить только конницу с охраной железных дорог ополчением. Считая, что более энергичное фронтальное противодействие вторжению значительных сил германцев в направлении на Вильно Лиду является для фронта непосильным,—г.-ад. Рузский основывал ближайший план действий на предположении, что главные силы германцев направятся на линию Оссовец—Ломжа—Остроленка с целью прорвать здесь наше расположение, перерезать наши сообщения и захватить Варшаву с востока. Соответственно этому предположению были поставлены задачи всем армиям С.-З. фронта директивой 7 (20) февр. 1915 года № 52/Б. [58]).

Дальнейшие события показали, что г.-ад. Рузский был прав в своих предположениях: у германцев нехватало ни сил, ни энергии для движения в направлении на Петроград; прорыв сквозь фронт Оссовец—Ломжа—Остроленка им не удался; сосредоточение наших сил и их наступление вскоре привели германцев к оттягиванию своих сил обратно из Сувалкской губернии в Восточную Пруссию.

Ставка опасалась за Петроградское направление и за сообщения С.-З. фронта и потому сводила всю боевую задачу С.-З. фронта к обеспечению в этом отношении. Г.-ад. Рузский, хотя и считал свои сообщения под вероятным ударом и угрозой со стороны германцев, но находил, что выход из создавшегося положения заключался в том, чтобы поставить армии С.-З. фронта в нормальное положение относительно тыловых путей, что потребовало бы значительного отнесения на восток линии развертывания армий фронта, очищения Варшавского района и соответственного изменения группировки армий Ю.-З. фронта. Однако, он не видел пока оснований к принятию такого решения немедленно и доносил в ставку, что все усилия должны быть направлены прежде всего к тому, чтобы на важнейшем направлении успеть во время сосредоточить наибольшие силы и с ними вступить в бой. Полную перегруппировку сил С.-З. фронта, по мнению г.-ад. Рузского, пришлось бы произвести только тогда, когда наступление 12. армии от Нарева и Бобра оказалось бы неуспешным.

Переход к обороне на всех фронтах. Наступление в Карпатах. Таким образом операция Галицийской группы Ю.-З. фронта вновь обратилась в частную операцию, исполняемую собственными силами фронта. Самостоятельная операция С.-З. фронта в Восточную Пруссию, благодаря предупреждению наших действий наступлением германцев, превратилась в обеспечение правого фланга и тыла наших армий, выдвинутых на левый берег Вислы, в частности,—Варшавы от захвата ее с востока и в прикрытие путей на Петроград (телеграмма г. Янушкевича 7 (20) февр. 1915 года № 8158 и 8 (21) февраля 1915 года № 8178 [59]); г.-ад. Рузского 7 (20) февр. 1915 года № 51 Б и 8 (21) февраля 1915 года № 62 Б).

Таким переходом к чисто оборонительным задачам войны на всех фронтах верховное гл-ние признало факт полного захвата инициативы действий противником и не пыталось более выйти из

этого состояния пассивности созданием какого-либо нового стратегического замысла в пределах С.-З. фронта. На обороне также остановился и главкосевзап, как это видно из директивы 7 (20) февраля 1915 года № 52Б[60]).

В Ю.-З. фронте, на всех направлениях, армии перешли к обороне и только на направлении Гуменное—Мункач—Хуст главком видел возможность нанесения противнику частного удара. (Директива г.-ад. Иванова 5 (18) февр. 1915 года № 1345.).

План верховного главнокомандования. О нанесении удара германцам на левом берегу Вислы в эти дни неудач 10. армии ни ставка, ни главкосевзап не помышляли и даже телеграммой 8 (21) февр. 1915 года № 8196, [61]) сообщенной в копии г.-ад. Иванову, главковерх предусматривал возможность отхода 2. и 5. армий с позиций на Бзуре и Равке на тыловые позиции Новогеоргиевск—Гура Кальвария; сообщая об этом г.-ад. Рузскому, главковерх выразил, что „к решению держаться непременно на Бзуре и Равке надо относиться условно, т. к. это продиктовано обстановкой к 4 февраля, которая может значительно измениться". О таком предположении, как выше указано, было сообщено г.-ад. Иванову, который следовательно, наступая в Карпатах и обороняясь на левом берегу Вислы,—должен был учитывать возможность обнажения правого фланга Ю.-З. фронта, вследствие отхода левобережных армий С.-З. фронта на тыловую позицию—Новогеоргиевск—Гура Кальвария.

Телеграммой 8 (21) февр. 1915 года 8194 [62]) г. Янушкевич сообщил г.-ад. Иванову, что „германцы решили, повидимому, проводить в жизнь новый план, цель которого давление на фланги нашего растянутого по огромной дуге фронта. Противодействовать этому плану наших противников сильным ударом на левом берегу Вислы мы по состоянию наших армий и средствам не можем, следовательно, остается единственный способ за счет войск левого берега Вислы усилить наше расположение на правом берегу Вислы и в Карпатах, дабы соответственными маневрами разрушить их планы. Войска левого берега Вислы являются единственным источником нашего усиления, а потому приходится решаться на ослабление этих войск до крайнего предела, оставляя на них ограниченную задачу по прикрытию флангов нашего расположения на Бобр—Нареве и в Галиции и от покушения противника с левого берега Вислы"... „Оценивая общую обстановку", говорится в той же телеграмме, „приходится в настоящее время особенно заботиться об усилении войск С.-З. фронта, где противник много настойчивее и упорнее и где успехи его на нашем крайнем правом фланге могут развиться в давление на пути сообщения с внутренними областями Империи." Таким образом, под влиянием неудач 10. армии и уверений г.-ад. Иванова об опасности, надвигающейся из-за Карпат,—верховное гл-ние, видимо, потеряло равновесие и приняло целиком—сначала отвергнутую—им точку зрения генквара г. Данилова—о давлении против-

ника на наши фланги в Восточной Пруссии и в Карпатах. Ближайшим последствием такого решения явилось признание необходимости усиливать наше расположение именно на крайних флангах, т. е. против Восточной Пруссии и в Карпатах; иными словами, теперь ставка признала существование сразу двух ближайших задач войны, но с оговоркою, что „приходится в настоящее время особенно заботиться об усилении войск С.-З. фронта". Значит, действующей армии верховное гл-ние теперь поставило две задачи, из которых одна, против Восточной Пруссии—являлась, так сказать, главнейшею. Инициатива в операциях оказалась не только окончательно потерянной нами, но и поставлен запрет на ее восстановление указанием, что войскам левого берега Вислы ставится ограниченная задача „по прикрытию флангов нашего расположения на Бобр—Нареве и в Галиции". Между тем, только нанесением решительного удара на левом берегу Вислы при условии прочного удержания германцев от продвижения по направлениям на Петроград и в тыл армиям С.-З. фронта возможно было вновь захватить инициативу в свои руки. Для этого недоставало решимости согласиться на весьма вероятную неудачу в Галиции. ....Верховное гл-ние хотело быть всюду прочным и всюду побеждать, забыв, что неудачи на второстепенных театрах и направлениях ровно ничего не значат при успехе на главном театре, на главном направлении. Возможность сосредоточения необходимых сил, взятых из Галицийской группы, для удара на левом берегу Вислы, ясное дело, была та же самая, что возможность переброски войск с левого берега Вислы в Галицию, т. к. это были одни и те же передвижения, но только совершаемые в прямо-противоположные стороны. В состоянии растерянности—ставкой это было позабыто. Все было прикрыто произвольной формулой—действовать на разрушение планов противника, в предположении, что давление германцев на 10. армию в связи с донесением г.-ад. Иванова о нажиме из-за Карпат, как раз и представляли собой те самые планы противника, которые подлежали разрушению усилиями наших войск.

Между тем, строго взвешенный в отношении общей обстановки, рассчитанный в пространстве и времени стратегический план с нашей стороны заключался в это время: в удержании германцев на подступах к Петрограду, и в частности в Прибалтийский край, с нанесением решительного удара на левом берегу Вислы,—хотя бы при этом плане имели место некоторые неудачи в Галиции.

Косвенной иллюстрацией уместности таковогo плана служит прилагаемая схема № 3.

Взамен этого плана главковерх решил сосредоточиваться против германцев, действующих из Восточной Пруссии, только для прикрытия путей во внутренние области Империи и усиливаться в Карпатах для отражения натиска противника. Исполняя это решение в отношени С.-З. фронта, г.-ад. Рузский в то же время стремился

к сосредоточению сильного резерва в районе Белостока для действий им по обстановке. Однако это решение г.-ад. Рузского приводило к совершенно новому плану дальнейшей кампании. Как видно из результатов совещания 4 (17) февраля 1915 года в г. Седлеце, к такому решению г.-ад. Рузского главковерх не склонился, но, одобрив сосредоточение сил в районе Белостока, смотрел на это, только как на способ прикрытия путей во внутренние области.

Этот добровольный отказ от инициативы в действиях в такую решительную минуту—знаменует растерянность верховного гл-ния и его боязнь за близость возможной катастрофы. Этот отказ является вторым актом „начала конца", если считать первым его актом—решимость г.-ад. Иванова и его нашта г. Алексеева наступать во что бы то ни стало через Карпаты в Венгрию зимою 1915 года.

Соображение г.-ад. Иванова. Соображения главковерха относительно возможности отхода левобережных армий С.-З. фронта на тыловые позиции и изложенный г. Янушкевичем план действий противника, вызывающий с нашей стороны необходимость усиления Карпатской группы и, в особенности, армий, действующих в направлениях на Восточную Пруссию, вызвали со стороны г.-ад. Иванова возражения, изложенные в телеграмме 9 (22) февр. 1915 года. В этой телеграмме г.-ад. Иванов вполне определенно выразил, что он считает себя „слишком мало ориентированным основных решениях" ставки.

„Какая задача поставлена вообще С.-З. фронту и что должен сделать, какую должен преследовать цель при вновь слагающейся обстановке вверенный мне фронт?",—спрашивает ставку г.-ад. Иванов и затем добавляет: „полагаю, что совершающиеся события требуют определенных решений по этим вопросам, путем ли получения повеления главковерха, путем ли выработки их на особом совещании". Таким образом, главксоюз через 4 дня после совещания в Седлеце считал себя в полном неведении как относительно общей задачи данного периода войны, так и относительно задачи вверенного ему фронта. Да и немудрено, т. к. ни в совещании 4 (17) февраля в Седлеце, ни после него эти краеугольные вопросы ставкой не решались и все дело ограничивалось лишь подразделением районов на главные и второстепенные, а также соображениями о переброске сил с левого берега Вислы на крайние фланги нашего обширного фронта. Общими целями войны и вытекающими отсюда задачами фронтов верховное гл-ние не задавалось. Это отсутствие определенно и твердо поставленных целей (задач) приводило к отсутствию плана действий и обращало войну (с нашей стороны) в какую то кровавую свалку, без перспективы и без ясного сознания участниками ее внутреннего смысла их действий. Вполне определенно можно утверждать, что в это время, не только каждый воин, но даже и каждый крупный начальник, совершенно не понимали своего маневра.

В противоположность мнениям ставки, по соображениям г.-ад. Иванова, изложенным в той же телеграмме № 1459, все имеющиеся данные „обрисовывают смысл настоящих действий противника так: мощными демонстрациями на крайних флангах нашего обширного фронта растянуть до пределов возможного наши силы, отвлечь их на фланги, затем, пользуясь своею подготовленною сетью железных дорог, направить удар против центра на Варшаву и от Кракова вдоль Вислы. Для облегчения последней задачи районе Одерберга собран германский резерв до 40 батальонов, существовании которого получаются настойчивые сведения". Следовательно, вопреки предположениям ставки, г.-ад. Иванов находил, что в Восточной Пруссии и в Карпатах противник только демонстрирует и что главного удара с его стороны надо ожидать в центре нашего расположения.—„Если последние сведения С.-З. фронта верны, то между Неманом и Оржицем противник развернул девять корпусов, то-есть пока не такие силы, какие необходимы для выполнения операции решительного характера," говорится в телеграмме, и, как вывод отсюда: „меры предосторожности принять необходимо, но совершать полную перемену фронта, широкое перемещение сил не будет ли означать окончательного подчинения нашей воли желаниям и намерениям противника, что и опасно и не желательно". Но в том то и дело, что в это время уже состоялось подчинение воли верховного гл-ния воле противника и отказ от инициативы в действиях был налицо с нашей стороны.

„Оставление на левом берегу Вислы ныне занимаемых позиций", продолжает г.-ад. Иванов, „и занятие прибрежных, хотя и обширных тет де понов повлечет за собой при переносе сюда противником главного удара потерю среднего течения Вислы, что будет знаменовать потерю кампании и постановку наших армий крайне тяжелое стратегическое положение для последующих операций, ибо форсировать такую реку при нашей бедности техническими средствами трудно и без владения среднею Вислою будут на весу все наши операции Галиции".

Затем, в той же телеграмме, г.-ад. Иванов приводит подробный перечень тех осложнений для Ю.-З. фронта, которые произойдут, если левобережные армии С.-З. фронта отойдут на тыловые позиции. „Заканчиваю свой ответ", телеграфирует г.-ад. Иванов, „просьбою ознакомить меня определенно целями г. Рузского, поставить сообразно с сим задачи мне. Только при таком условии наши действия будут согласованы и направлены выполнению идеи Верховного Гл-щего. Не будет ли Его Императорскому Высочеству благоугодно выслушать мой доклад и доклад г. Алексеева, или собрать совещание и поставить свое решение". На этот раз г.-ад. Иванов оказался достаточно настойчивым в требовании ориентировать его в идеях ближайшего периода войны, и в требовании поставить ему вполне определенную задачу. Но, повторяем, у верховного гл-ния не имелось разработанных данных для удовлетворения этого законного и вполне естественного требования со стороны г.-ад. Иванова.

Итак, принятое ставкой решение ослабить левобережную группу для усиления прежде всего правобережных армий С.-З. фронта, а затем и Карпатской группы, встретило возражение в том смысле, что при этом для германцев облегчается главный удар, который, вероятно, последует с их стороны на левом берегу Вислы. Нельзя не согласиться с тем, что и для нас и для германцев в это время главнейшим районом был именно плацдарм на левом берегу Вислы и, следовательно, здесь необходимо было наносить германцам главный удар и отсюда следовало ожидать удар с их стороны. Но— решение задачи за противника и действия по его обращениям, хотя бы предполагаемым, видимо, глубоко запало в умы и сердца оперативных деятелей ставки этого периода войны.

Историческая правда требует все таки отметить, что уже в это время, т.-е. в феврале 1915 года, г.-ад. Иванов обращал внимание ставки на сосредоточение к западу от Кракова германского резерва. Как бы в дополнение г.-ад. Иванов в особой памятной записке на имя главковерха от 9 (22) февраля 1915 года, [64]) убедительно просил не ослаблять Ю.-З. фронт для усиления С.-З.

Положение в С.-З. фронте. Между тем давление германцев со стороны Восточной Пруссии к этому времени настолько развилось, что, с точки зрения С.-З. фронта, становилось насущною необходимостью отказаться от обороны и развить решительный удар против этих германских сил прежде, нежели они могли бы оказаться переброшенными на левый берег Вислы; этому удару не суждено было развиться вследствие тактических ошибок частных начальников 12. и 1. армий.

Окончательное решение верховного главнокомандующего. Директивой, 10 (23) февр. 1915 года за № 8254, [65]) верховное гл-ние еще раз подтвердило, что „германцы, об'единив своих руках управление австрийской армией, приступили к выполнению плана давления на оба фланга нашего общего стратегического фронта, развивая удар со стороны Восточной Пруссии против десятой армии и со стороны восточных Карпатских проходов против левого фланга восьмой армии. Насколько можно судить, идея такого плана заключается в том, чтобы этими действиями вынудить нас очистить левый берег Вислы“.

Таким обрезом верховное гл-ние не разделило соображений г.-ад. Иванова, осталось при своей прежней оценке действий противника и подтвердило, что „независимо сего, германцы и австрийцы в широких размерах производят переброску своих сил на правый берег нижней и верхней Вислы из Завислинского района“.

„Предположение о том“, говарится в директиве, „что давление австро-германцев на фланги нашего стратегического фронта, является демонстрацией, после которой последует их удар из Завислинского района в направлениях на Варшаву и Сандомир, едва ли можно считать доказанным, тем более, что переброска австро-германцами войск для наступления в этих направлениях потребует гораздо больше времени чем дальнейшее развитие их действий на флангах“.

Переходя к нашим действиям, директива выражает; „к сожалению мы в настоящее время ни по средствам, ни по состоянию наших армий, не можем предпринять решительного общего контрманевра, которым мы могли бы вырвать инициативу из рук противника и нанести ему поражение в одном из наиболее выгодных для нас направлений. Единственным способом действий, подсказываемым обстановкой, является ослабление до крайнего предела, допускаемого обстановкой, войск левого берега Вислы с целью соответственными частными контр-маневрами на правом берегу Вислы и в Карпатах, в направлениях, кои должны быть избраны в соответствии с обстановкой Гл-щими армиями фронтов—остановить попытки противника в развитии им наступательных действий и нанести ему хотя бы частичные поражения".

По обстановке того времени наиболее выгодным для нас направлением удара было именно одно из направлений на левом берегу Вислы, т. к. сосредоточение к нему в пределах С.-З. фронта могло быть произведено наименее заметно для противника и в столь короткий срок, в течение которого действия на наших крайних флангах не могли бы быть развиты со стороны противника до степени решительности. Несомненно, что одновременно с ударом на левом берегу Вислы необходимо было сдержать уже ослабевшее наступление противника со стороны Восточной Пруссии между Гродно и Новогиоргиевском и обеспечить безопасность путей на Петроград. Отвлечение войск в Карпаты, при таких условиях, не достигая никакой решительной цели в интересах ведения войны Россией,—в то же время разрушало все надежды на благоприятный выход из создавшегося тяжелого стратегического положения и являлось именно тою безыдейною растяжкою нашего и без того обширного фронта, которой опасался и о которой так часто доносил в ставку главкоюз. Стремление действовать по линиям наименьшего сопротивления—сыграло при всем этом видную роль.

Рассматриваемой директивой,—вместо участия в решительном ударе,—„главнейшей задачей армий обоих фронтов левого берега Вислы ставится прикрытие внутренних флангов нашего расположения на Бобр-Нареве и в Галиции и удержание в наших руках возможно более широких плацдармов на левом берегу Вислы, необходимых для возможного развития в будущем наших наступательных действий". Итак, верховное гл-ние, сосредоточив свое внимание на крайних флангах нашего фронта, только возлагало надежды в будущем развить наступление на левом берегу Вислы. Но слишком туманно сделалось это будущее после того, когда под влиянием захвата инициативы полностью противником наши операции раскололись надвое и мы потеряли выгоды оперировать из центра, разменявшись на две удаленные друг от друга операции: в Восточной Пруссии и в Карпатах.

Верховный главнокомандующий разрешает наступать только до границы Восточной Пруссии. С окончанием развертывания 12. армии ее действия обещали развиться в решительное наступление. Между

тем, г. Янушкевич телеграммой 16 февраля (1 марта) 1915 года № 8407 [66]), сообщил г-ад. Рузскому, что главковерх „находит невозможным ни по современному состоянию наших армий, ни по наличию средств, перехода нами границы и вторжение в пределы Восточной Пруссии... Его Императорское Высочество находит, что задача войск С.-З. фронта должна ограничиваться нанесением сильных и коротких ударов с преследованием лишь до границы удерживая в то же время ныне, находящийся нашей власти плацдарм на левом берегу Вислы". В той же телеграмме указывается г.-ад. Рузскому на соблюдение осторожности в дальнейшем ослаблении войск левого берега Вислы и выражается полное одобрение его намерениям, проявить некоторую активность левобережными армиями.

В Карпаты сосредоточивается 9. армия. Между тем, г.-ад. Иванов директивой 16. февр. (1 мар.) 1915. года № 1699., сформировал 9. армию нового состава (4 корпуса и 4 кавалерийских дивизии) на левом фланге Ю.-З. фронта и поставил ей задачу—решительно атаковать противника действующего на направлении Мармарош Сигет-Надворная на Галич и Делатынь". Третьей и восьмой армиям той же директивой приказано нанести удар в направлениях на Варанно-Гуменно-Такошаны, энергично приковывая себе то же время противника действующего на направлениях от Ужгорода, Мункача и Хуста". Этими действиями 3. и 8. армий предполагалось ограничить для противника возможность переброски сил против нашей 9. армии, т.-е. против крайнего левого фланга. Войска, оставшиеся на левом берегу Вислы, образовали 4. армию, которой приказано удержать занимаемое положение и установить взаимодействие с соседними армиями С.-З. фронта.

Верховный главнокомандующий вновь считает необходимым удержаться на левом берегу Вислы. Выше было выяснено, что главковерх допускал возможность отхода армий на левом берегу Вислы и поставил находящимся здесь силам совсем второстепенную задачу — обеспечивать фланги Ю.-З. и С.-З. фронтов. Но как только появились туманные предположения, что германцы куда то оттягивают свои силы из Восточной Пруссии—г. Янушкевич телеграммой от 17 февр. (2 марта) 1915 года № 8435 [67]) передал г.-ад. Рузскому „повеление о необходимости проявления полного упорства в случае развития немцами нового наступления на левом берегу Вислы".

„Верховный главнокомандующий", говорится в телеграмме, „указывает на необходимость соответственной подготовки железных дорог к совершению, если то потребуется обстановкой, обратной массовой перевозки войск с правого берега Вислы на левый".

Таким образом, вместо выбора направления для решительного удара в то время, когда противник будет перегруппировывать свои силы, верховное гл-ние заранее решает обречь свои силы в это время на бездействие и заняться также массовыми перевозками войск навстречу противнику. Казалось бы, что признав главенствующее значение Восточно-Прусского района, следовало здесь искать решения операции, а не отказываться от такого искания

ради игры, как будто, в поддавки по отношению к противнику. Но в том то и дело, что к этому влекла коренная ошибка, допущенная ставкой, заключающаяся в отрицании первенствующего оперативного значения направлений на левом берегу Вислы. Эта ошибка давала себя чувствовать при малейшем намеке на возможность усиления германцев на левом берегу Вислы. Под влиянием упорства в этой коренной ошибке, ставка теперь металась и не находила пути к обратному захвату инициативы в свои руки.

Решение г.-ад. Рузского. В это время г.-ад. Рузский снова возвратился к основам смелой нападательной тактики. Телеграммой, 17 февр. (2 марта) 1915 года №134Б, [68]) в ставку он сообщал, что все затрудняющие наше наступление в Восточную Пруссию „обстоятельства сами по себе не должны иметь последствием отказ от активных действий в случае если общая обстановка будет для них благоприятной“. Это означало, что только в решительных действиях г.-ад. Рузский искал выход из создавшегося положения.

Весьма поучительно ознакомиться с дальнейшим содержанием этой телеграммы г.-ад. Рузского потому, что в ней проводится тот бодрый взгляд на дальнейшие наши действия, который вполне соответствовал как наличной обстановке, так и основам военного искусства, и которого так недоставало верховному гл-нию в это время, когда наступил кульминационный пункт всей войны и когда от решения именно главковерха зависело—пойдет ли успех русского оружия по восходящей ветви, или, наоборот, по нисходящей. Верховное гл-ние в это время не довело дело до серьезных героических решений, что и было одной из причин начала бесславного конца участия русского оружия в Великой Европейской войне.

Вот продолжение этой телеграммы г.-ад. Рузского от 17 февр. (2 марта) 1915 года за № 143. Б: „означенные (т.-е. затрудняющие наступательные действия) факторы в равной степени существовали и раньше, однако они не препятствовали разработке соображений и подготовке к предполагавшемуся наступлению в начале февраля армии г. Плеве в составе всего четырех корпусов в направлении на Нейденбург-Ортельсбург. Деятельность противника, взявшего инициативу в свои руки, помешала осуществлению этого предположения. Но если тогда вторжение в Пруссию считалось возможным, то теперь, с сосредоточением несравненно больших наших сил и с обнаруженной разбросанностью сил немцев, такое вторжение, преследующее частную задачу—овладение южной частью Мазурских озер—может быть, если обстановка текущих дней сложится благоприятно, произведено в условиях более выгодных и более обещающих успех. В случае, если мое мнение о желательности, при благоприятных условиях, развития успешных действий армии в сторону южной части Мазурских озер не будет принято во внимание и армиям фронта на правом берегу Вислы будет поставлена оборонительная задача, то я не считаю возможным без риска крупных отдель-

ных поражений, а может быть и катастрофы, выполнить эту задачу, располагая армии впереди рек Нарева и особенно Бобра, представляющих в весеннее наступающее половодье трудно преодолимую преграду. Развернуть армии, имея непосредственно впереди их фронта германскую рельсовую сеть, позади болотистые долины рек, а в районе расположения армий бедность путей сообщения и почти полное отсутствие поперечных дорог—это равносильно занятию такого невыгодного стратегического и тактического положения, которые могут пройти не безнаказанно. Таким образом, единственным решением оборонительной задачи на этом участке фронта я считаю активную оборону рек, а не прикрытие подступов к ним. Обращаясь к армиям левого берега Вислы, имеющим задачу обеспечение во что бы то ни стало Варшавы с этой стороны и удержание находящегося в нашей власти плацдарма, то эта задача для своего выполнения требует наличия в каждую минуту на левом берегу Вислы такого количества войск, которое строго соответствовало бы количеству немецких сил против нас, там находящихся. Оставлять при настоящей группировке неприятеля слишком больших сил на левом берегу Вислы не выгодно в том отношении, что это уменьшает количество сил, действующих против главных сил немцев, сосредоточенных на правом берегу Вислы. Оставление слишком незначительных сил грозит возможностью прорыва немцев. Свои решения о переброске войск левого берега Вислы на правый я всегда основывал на имеющихся данных о силах противника, обнаруженных на линии Бзуры и Равки, принимая возможность некоторого их усиления". В конце этой телеграммы г.-ад. Рузский излагает свой рассчет переброски сил с правого берега на левый, если бы того потребовали достаточно серьезные причины. Телеграмма заканчивается словами: „прошу доложить Верховному Главнокомандующему, что в случае получения разрешения на предоставление мне свободы решения о наступлении при благоприятных условиях для овладения южною частью Мазурских озер, я приложу все усилия, чтобы невыгодные стороны этого наступления были парализованы соответственными группировкою и действиями войск и чтобы вместе с тем обеспечение обладанием Варшавою и плацдармом между Вислой и Пилицею оставалось прочным и незыблемым". Итак, главкосевзап стремился выбиться из того оцепенения в оперативном отношении, в которое он был повергнут без'идейными и вполне несоответственными действительной обстановке решениями верховного гл-ния. Он даже гарантировал соблюдение тех требований, на которые ставка постоянно указывала в своих директивах и частных распоряжениях.

В это время г.-ад. Рузский считал, что ставка, колеблясь во всех отношениях, всетаки останется твердой в понимании и выдержке основной задачи войны: нанести решительный удар германцам совместными действиями право и левобережных армий С.-З. фронта, добытые хотя бы ценою некоторых потерь в Карпатском районе. Нижеследующая IV глава насто-

ящего труда подымет завесу исторической неразберихи и покажет истинную цену идейной твердости верховного главнокомандования.

Оценка решения г.-ад. Рузского верховным главнокомандованием. В ответ на телеграмму г.-ад. Рузского за № 143Б., г. Янушкевич от имени главковерха сообщил в телеграмме, 18 февраля (3 марта) за № 8477 [69]), нижеследующее: „Верховный главнокомандующий, указывая телеграмме номер 8407 на невозможность по современному состоянию наших армий и по наличию средств перехода нами границы, не имел в виду стеснение Вас в развитии наступательных действий на фронте между Неманом и Вислой. Его Высочество имел в виду только указать на неподготовленность нашу к широкому вторжению в пределы Восточной Пруссии, проистекающую главным образом из крайне ограниченного притока укомплектований и огнестрельных припасов. Соображения Вашего Высокопревосходительства, изложенные телеграммой 143Б. о желательности и занятия в конечном результате такого положения, при котором была бы облегчена активная оборона р.р. Нарева и Бобра, а также важнейшего участка среднего Немана с непременным удержанием находящегося в нашей власти плацдарма на левом берегу Вислы, вполне отвечают основным мыслям верховного главнокомандующего, касающимся вопроса о ближайщих задачах С.-З. фронта. Поэтому Великий Князь повелел мне уведомить Вас, что он предоставляет Вам свободу в избрании тех способов овладения теми районами, кои наилучшим образом разрешали бы выполнение задачи, возлагаемой на правобережные армии вверенного Вам фронта. Его Императорское Высочество вместе с тем повелел Вас предупредить, что ныне складывающаяся обстановка как политическая так и военная, особенно в связи с событиями, развивающимися на Балканском полустрове, властно требуют развития нами дальнейших наступательных действий против Австро-Венгрии в Галиции и Буковине. Это обстоятельство потребует усиления при первой к тому возможности войск Ю.-З. фронта на счет С.-З. не менее как на один корпус, вернее же на четыре дивизии. Такая переброска, которую нужно предвидеть уже теперь, еще более утверждает в необходимости предусматривать для С.-З. фронта занятие в конечном результате наиболее выгодного оборонительного положения и отказа от широких наступательных предположений против Восточной Пруссии“.

Таким образом, г.-ад. Рузскому разрешалось как будто бы действовать самостоятельно в пределах задачи, поставленной С.-З. фронту, но эта задача сводилась к занятию „наиболее выгодного оборонительного положения и отказу от широких наступательных предположений против Восточной Пруссии“; следовательно, в сущности, все разрешение самостоятельности г.-ад. Рузского являлось ничем иным, как только словесными и притом пустопорожними излияниями.

„Подлая“ оборона во всем С.-З. фронте в это время уже была предрешена верховным гл-нием; оставалось только поборникам

этого способа действий против главного противника—германцев принять меры к тому, чтобы повернуть на свой лад и мировоззрение гл-ния С.-З. фронта. Это ставке не удалось. Решение обороняться против германцев в С.-З. фронте и наступать против австрийцев в Карпатах, к чему вскоре пришла ставка,—имело своим ближайшим последствием выход в отставку г.-ад. Рузского и назначение вместо него гл-щим С.-З. фронта г. Алексеева, этого поборника идеи наступления в Карпатах для завоевания—„издревле славянских зарубежных областей и удержания за Россией издревле русской Руси Червонной, Прикарпатской“. (Слова Алексеева, сказанные им 11 (24) февраля 1915 года в г. Холме генерал-квартирмейстеру С.-З. фронта г. Бонч-Бруевичу, командированному к г.-ад. Иванову для переговоров об отводе левобережных армий С.-З. фронта на тыловую позицию Блоне-Гура-Кальвария).

Германцы в это время, достигнув успеха против 10. армии, вскоре были остановлены в своем стремлении продвинуться за р. Неман и к югу от Гродно; к концу февраля 1915 года явно обозначился их отход под давлением 10. армии нового состава и напора со стороны 12. армии.

На левом берегу р. Вислы наступило затишье, нарушаемое лишь боями в районе р. Пилицы (5. армия—Немгловский лес). К западу от Кракова заметно уже было сосредоточение каких то германских сил. В Карпатах налицо было давление против 9. нашей армии, принятое г.-ад. Ивановым, как видно, за решительное наступление противника. Ставка реагировала только на те ужасы будущего, которые рисовал Ю.-З. фронт в своих докладах и донесениях, но оставалась совершенно нечувствительной к рассчету операции и ко всем стратегическим соображениям С.-З. фронта.

Мысль: „вперед через Карпаты в Венгрию“, без рассчета и без сознания риска от такого предприятия, в это время уже начинала овладевать верховным гл-нием.

ГЛАВА IV.

Решение Верховного Главнокомандующего: „немедленно через Карпаты в Венгрию“.

(Схема № 2).

Докладная записка г.-ад. Иванова 17 февр. (2 мар.) 1915 г. Согласно решения главковерха—из двух операций на правом и на левом флангах нашего растянутого фронта,—первой, против германцев, действующих в Восточной Пруссии, принадлежало главенствующее значение; существовало даже предположение об усилении армий С.-З. фронта одним корпусом за счет Ю.-З. фронта, как это видно из директивы глав-

коверха 10 (23) февраля 1915 года за № 8254 [70]). Но под влиянием натиска со стороны австрийцев в Карпатах, возведенного г.-ад. Ивановым на степень начала решительного удара с их стороны, при отсутствии в ставке устойчивого взгляда на ближайшие задачи войны,—это решение подвергалось многим колебаниям и изменениям: к половине февраля 1915 года главенствующая роль, видимо, склонялась в сторону Карпатской операции.

Решающее влияние на главковерха в смысле признания им наступления через Карпаты в Венгрию зимою 1915. г. основною ближайшею задачею войны—оказала записка г.-ад. Иванова, 17 февраля (2 марта) 1915 года за № 1718 [71]), представленная главковерху.—Этот документ достоин тщательного изучения и потому приводим его здесь полностью.

„Ваше Императорское Высочество, последние сведения о ходе дел на правом берегу Вислы позволяют придти к заключению, что неприятельские силы этого района не только не увеличиваются, но, быть может, численно начали уменьшаться; наступательный их порыв по всем признакам физически и морально исчерпан. Противник не имеет возможности развить шире свой тактический успех и извлечь из него какие-либо существенные стратегические выгоды, могущие обратить в неблагоприятную для нас сторону общую обстановку. Немцы будут, вероятно, удерживать некоторое время занятое ими положение, но в конце концов должны будут признать невозможность при создавшейся обстановке склонить на свою сторону стратегический успех.

В ином положении находится вторая начатая противником наступательная операция в Карпатах, находящаяся еще и ныне в периоде сосредоточения, накопления и перемещения сил. Но уже и в настоящее время в достаточной степени обрисовались основные черты задуманной операции: 1) значительность сил для сего собранных; 2) два района наибольшего сосредоточения для нанесения удара. Один—в направлении на Санок—Лиско для выручки Перемышля, другой—в районе Станиславова—для выполнения глубокого обхода нашего левого крыла.

Первое направление вспомогательное, преследующее частную цель; второе—главное, грозное для нас по своему замыслу, ибо при удаче оно сразу отнимает от нас плоды семимесячной успешной кампании, ведет к необходимости очищения Галиции при тяжелой стратегической обстановке.

Здесь противник готовится искать решительной развязки настоящего периода войны. При неудаче задуманной операции, даже при широком содействии германцев, дух австрийской армии и народа, надо надеяться, будет окончательно надломлен.

Нам жизненно необходимо разрушить замысел врага, нанести ему в Карпатах поражение, развязать себе руки, сохранить обязательную блокаду Перемышля. И военные и моральные соображения требуют такого именно исхода данного периода войны.

Наступать всюду мы не имеем возможности; где-либо, на боль-

шей части фронта, нам нужно лишь сдерживать напор врага, держаться выжидательного способа действий, дабы иметь возможность собрать достаточные силы там, где мы обязаны искать решения, подсказываемого важностью переживаемой минуты.

Я чужд выдвижения на первый план дел порученного мне фронта, но я в докладе своем исхожу только из оценки общего положения дел. По моему разумению обстановка требует: 1) сохранения за нами левого берега Вислы; 2) удержания противника на северном фронте; 3) нанесения решительного удара противнику на юге.

Если Ваше Императорское Высочество соизволите признать правильность моей отправной мысли, то признайте и то, что для выполнения третьего положения силы мои не достаточны. Я убедительно прошу теперь же вернуть мне 3. Кавказский корпус и направить его немедленно в район Галич—Журавно.

Просьба моя скромная. Без этого корпуса С.-З. фронт, имея перевес по числу единиц над противником, может парализовать дальнейшие усилия немцев. Прибытие этого корпуса в упомянутый район создаст здесь силу, достаточную для решительной атаки противника с верою в успех, если мы при этом не упустим времени для переброски и не дадим возможности глубоко развить выполняемый нашим противником обход.

Мое глубокое убеждение в необходимости такого решения повелевает мне откровенно доложить Вашему Императорскому Высочеству и убедительно просить Вашего соизволения на удовлетворение моей просьбы во имя общей пользы нашего дела.

С чувством глубочайшего высокопочитания имею честь быть Вашего Императорского Высочества всеподданнейший слуга Николай Иванов.“

Записка приобщена к делам ставки при пометке генквара г. Данилова следующего содержания: „Верховный Гл-щий командировал со словесным ответом к г.-ад. Иванову полк князя Шаховского, указав, что Его Высочество разделяет взгляд на будущий план действий и усилит г.-ад. Иванова при первой возможности, как только положение на С.-З. фронте выправится“.

Записка начинается с уверения, что в направлениях на Восточную Пруссию—все благополучно, и что германцы здесь дальше не пойдут. К такому „уверению“ у г.-ад. Иванова в это время не было решительно никаких реальных оснований, потому что именно к 17 февр. (2 марта) устойчивость нашего положения в район 10. армии далеко не была еще восстановлена и действия 12. армии не предвещали пока решительного успеха. Это уверение является, поэтому, ни чем иным, как словесной подготовкой с преднамеренной целью доказать якобы необходимость наступления в Карпатах при полном благополучии положения в Восточной Пруссии.

Этой розовой оценке нашего положения на правом фланге противопоставляется в записке грозный призрак, надвигающийся на нас в районе Станиславова; в случае удачи для противника немину-

емо для нас очищение Галиции при тяжелой стратегической обстановке“...... Г.-ад. Иванов мыслит в записке только крайностями: „при неудаче задуманной операции..........дух австрийской армии и народа, надо надеяться, будет окончательно надломлен. „Г.-ад. Иванов считал, судя по выраженному в записке, что именно в районе Станиславова „противник готовится искать решительной развязки настоящего периода войны“.

Итак, в районе Станиславова, по мнению г.-ад. Иванова, противник ищет окончательного решения, которое, будто бы, чревато для нас последствиями, положительными, или отрицательными в зависимости от неудачи или удачи его действий. На чем основалось это—„уверение“ в решительности операции со стороны противника?—Ни в записке, ни в архивных материалах данных к этой разгадке, безусловно, не имеется, и лишь в игре на впечатлении от рисования крайних картин заключался, повидимому, весь внутренний смысл этих голословных заявлений, обращенных к верховному вождю действующей армии.

„Значительность сил“, собранных противником для предстоящей операции, и „два района наибольшего сосредоточения для нанесения удара“—представляли собой лишь такие данные обстановки, которые подлежали строгому учету со стороны гл-ния Ю.-З. фронта при разработке плана частной операции. Эти данные, в связи с состоявшимся решением главковерха относительно главенства операции в Восточной Пруссии, не давали никаких оснований возводить операцию в Карпатах на степень главной ближайшей задачи войны, как это сделано в записке, поданной г.-ад. Ивановым.

Все общие соображения записки о необходимости на большей части фронта только сдерживать напор противника и наносить решительный удар в каком-нибудь одном районе, собрав для сего превосходные силы,—представляют собой общеизвестные основные положения военного искусства, и, конечно, вопрос заключался не в напоминании этих общих формул, а в приложении их при данной обстановке. Исследования обстановки в записке не имеется, и потому заявление г.-ад. Иванова: „я в докладе своем исхожу только из оценки общего положения дел“ является заявлением совершенно не обоснованным. „По моему разумению“, говорится в записке, „обстановка требует....... нанесения решительного удара противнику на юге, т. е, в Карпатах.“ Именно этого решения как раз и не требовала та общая действительная обстановка к половине февраля 1915 года, с которой вовсе не считался г.-ад. Иванов, т. к. он начал готовиться к Карпатскому походу еще 7 (20) декабря 1914 г. при совершенно ином положении дел на всем нашем фронте.

Действительная обстановка требовала одного из двух решений: или наносить удар на правом берегу Вислы, сдерживая противника на левом берегу и в Галиции, или наносить решительный удар на левом берегу Вислы, сдерживая противника на правом берегу и в Галиции.

При всяких комбинациях операция в Карпатах являлась частной операцией, а потому наступление через Карпаты в Венгрию зимою 1915 года и, тем более, возведение этой операции на степень главной ближайшей задачи войны—являлось совершенно необоснованным отвлечением наших сил к второстепенным предприятиям.

Ставка выдвигает на первое место действия в Карпатах. Вероятно в связи с запиской г.-ад. Иванова, от 17 фев. (2 марта) 1915 года —г.-ад. Янушкевич в конце телеграммы от 18 фев. (3 марта) 1915 за № 8477 [72]) сообщил г.-ад. Рузскому: „Его Высочество находит необходимым просить уже теперь Вас доставить Ваши соображения по вопросу о том, какую дивизию среднего состава Вы могли бы предназначить для отправки на Ю.-З. фронт в первую очередь".

Этот запрос вызвал необходимость переговора по аппарату генквара штаба С.-З. фронта г. Бонч-Бруевича с генкваром при главковерхе г. Даниловым в 23 час. 18 февр. (3 марта) 1915 года[73]).

В этом разговоре г. Данилову прежде всего был поставлен вопрос: „г.-ад Рузский желал бы для ориентировки хотя бы несколько знать, в чем именно заключается особенность обстановки на юге?" При этом, для сведения г. Данилова было сообщено, что „во всех районах С.-З. фронта идут энергичные действия и положение дел всюду представляется невыясненным, при этом при внимательном обсуждении вопроса—откуда можно было бы при настоящей обстановке вытащить одну дивизию, и затем еще три,—не удалось прийти к определенному решению. Положение дел нашего фронта всюду теперь такое острое, что уменьшение наших сил граничит с отказом от наших планов действий и может потребовать постановку со стороны гл-щего других менее выгодных задач".

„Верьте, что в Ставке совершенно определенно понимается та обстановка, в которой Вы находитесь, и поэтому относятся с крайней осторожностью к вопросу о Вашем ослаблении оттяжкой на Ю.-З. фронт", ответил г. Данилов и далее сообщил следующие сведения относительно обстановки в Карпатах: „положение на Балканах складывается так, что надо думать проливы будут открыты и нам придется принять участие в дессантных действиях; все к этому уже подготовлено.

Вопрос имеет ту сторону, что может втянуть в орбиту нашу нейтральные колеблющиеся государства, особенно, если будет развит тот полууспех, который мы уже имеем в Восточных Карпатах и даже на Галицийском направлении. Положение там таково, что нужно дать еще толчек, чтобы австрийцы отхлынули назад. Сбор сил на этом направлении затрудняется необходимостью удерживать натиск австрийцев в районе Дуклинских перевалов, который имеет двоякую цель: освобождение Перемышля и недопуск переброски в Восточные Карпаты и Буковину. Австрийцы видимо делают последние усилия. Из Перемышля гарнизон ежедневно тысячами расстреливает бессмысленно снаряды, не причиняя нам потерь и не решаясь больше на вылазки; впечатление таково, как будто противник

стремится поскорее расстрелять свои снаряды. Это предположение согласуется с известиями о наступивших затруднениях по продовольствованию гарнизона. Вот в кратких штрихах обстановка. Ю.-З. фронт принимает все меры, чтобы продержаться на направлениях к Перемышлю и развить наступление своим левым флангом, но это ему плохо удается собственными силами. Вот причина, почему, не взирая на очень бережное отношение к ослаблению Вас, приходится тем не менее отнять одну дивизию.

Генкварсевзап, не удовлетворившись туманным ответом г. Данилова относительно истинных причин переброски дивизии на Ю.-З. фронт, выразил, что „главкосевзап думает, что сосредоточение 9. армии известного состава на левом фланге Ю.-З. фронта сверхдостаточно для того, чтобы энергично продвинуться вперед, а я позволю себе напомнить Вам те мысли которые вы неоднократно высказывали, а именно: решение этой войны заключается в решительном поражении германцев с дальнейшим после этого вторжением в их отечество, чего, как известно, они всегда боятся. Хорошо было бы эту основную мысль провести до конца“. На это напоминание общей идеи Великой войны, каковою она, как будто, установилась во взаимном понимании С.-З. фронта и ставки,—г. Данилов ответил следующими, весьма знаменательными словами, раскрывающими истинные причины решения усиливать Ю.-З. фронт за счет С.-З., тесно связанными с влиянием на ставку упорных домогательств об усилении Ю.-З. фронта со стороны г.-ад. Иванова и его нашта г. Алексеева: „что касается высказываемых мною мыслей, то они остаются неизмененными и теперь, несколько лишь меняются пути к этому. Участие наших союзников и возможность привлечь нейтральные государства—позволяют рассчитывать, если, конечно, предположение осуществится, раздавить Австрию, и тогда пути вглубь Германии будут иные, не требующие овладения Восточной Пруссией. Обстановка изменяется,—почему не удивительно, что могут приниматься и иные пути для осуществления конечной задачи“.

Итак, выражаясь образно, путь в Германию избирался через Австрию. Обстановка, по мнению г. Данилова, конечно, выражавшего мысли верховного гл-ния, будто бы изменилась теперь в таком смысле, что операционное направление через Карпаты в Венгрию приобретало первенствующее значение.

Со стратегической точки зрения германцы попрежнему признавались нашим главным противником, но операционное направление для действий против них намечалось кружное, через Австрию. В этом вновь сказалось стремление действовать по линии наименьшего сопротивления со стороны противника; при этом было упущено из виду то мощное природное сопротивление, которое представляли собою Карпаты в зимнее время. В результате получилось, что сравнительно слабое противодействие австрийцев, в общей слож-

ности с природными свойствами Карпат,—оказались не только непреодолимыми для карпатской группы Ю.-З. фронта, но и достаточными для того, чтобы эта группа разбилась об эти, на первый взгляд, как будто и незначительные препятствия. Расчет зимнего похода через Карпаты, очевидно, страдал слишком крупными неточностями и в то же время самый замысел карпатской операции покоился не на критической оценке общего положения на всем фронте, а был созданием главнокомандования Ю.-З. фронта, лишенным каких бы то ни было связей с общими задачами Великой Войны и ее ближайшего периода. Вернее предположить, что, задаваясь операцией в Карпатах, главкоюз и его наштa считали себя призванными держать в своих руках руль Великой войны.

Ставка сдалась на легковесные доводы г.-ад. Иванова и в погоне за легкими успехами, забыв все доводы стратегии, без всякого расчета операции,—согласилась признать карпатскую авантюру за ближайшую задачу текущего периода войны...

Постепенное втягивание армий Ю.-З. фронта в Карпаты. Между тем в Ю.-З. фронте отдавались распоряжения и производилась перегруппировка сил, направленная к „разрушению плана“ австрийцев деблокировать крепость Перемышль. „Постепенное усиление австрийских войск на путях к Перемышлю“, говорится в директиве г.-ад. Иванова 22 февр. (7 марта) 1915 г. № 1995 [74]), „в связи со сведениями, что гарнизон этой крепости испытывает сильную нужду продовольствии, дает право предполагать, что целью сосредоточения в превосходных сил перед восьмым и отчасти седьмым корпусами в является прорыв нашего расположения, для деблокады Перемышля и выручки гарнизона“. Все распоряжения заключающиеся в этой директиве, отдавались в предположении „малой вероятности удара противника на Дунайце и Бяле;“ хотя, как известно, г.-ад. Иванов доносил в ставку о сосредоточении германского резерва к западу от Кракова. Этим резервом г.-ад. Иванов весьма искусно пользовался, как доказательством необходимости усиления Ю.-З. фронта и совершенной невозможности усиливать С.-З. за счет Ю.-З.; в то же время существование этого резерва нисколько не препятствовало втягиванию войск в Карпаты, при условии обеспечения их правого фланга от ударов со стороны германского резерва, накапливавшегося в районе Кракова,—весьма слабыми силами 3. армии, развернутой по р. р. Дунайцу и Бяле.

Эта опрометчивость вскоре сказалась роковыми последствиями: Карпатская группа к апрелю 1915 г. разбилась о суровые условия зимнего похода в горах и сопротивления австрийских войск; а слабая 3. армия, как и следовало ожидать, оказалась не в состоянии сдержать натиск сосредоточившегося к этому времени „германского резерва“.

Не взирая на туманные перспективы карпатского похода, ставка начала требовать от г.-ад. Иванова скорейшего продвижения в Карпатах; так 23 февр. (8 марта) 1915 г. телеграммой за № 8589

г. Янушкевич запросил г. Алексеева: „верховный Главнокомандующий желал бы быть подробнее ориентирован о предположениях командующего 9. армией на ближайшие дни и возможно ли ожидать в ближайшем занятия Надворной, Делатыня и Коломыи".

Видимо, сознание опасности втягиваться в Карпаты всетаки вынуждало г. Алексеева указать армиям фронта, что „углубление 9. армии в Карпаты нельзя признать отвечающим общей современной обстановке. Главком смотрит настоящее время на 9. армию, как на прочное надежное обеспечение левого фланга всего фронта и как на резерв, которым можно оказать влияние на ход событий на путях Стрыю". (Телеграмма г. Алексеева 24 февр. (9 марта) 1915 г. № 2049) [75]).

В этих указаниях германский резерв у Кракова был предан полному забвению, что видно из следующих слов этой телеграммы г. Алексеева: „тем же путем ослабления менее опасных участков приказано третьей армии собрать резерв за своим левым флангом, дабы общими усилиями упрочить трудное положение 8. корпуса и не допустить неприятеля подать помощь Перемышлю. В этом суть предстоящих ближайших дней". И, действительно, в эти ближайшие дни все усилия галицийских армий Ю.-З. фронта были направлены на противодействие наступлению австрийцев в направлении на Санок—Лиско; при этом было приказано, директивой 22 февр. (7 марта) 1915 г. за № 2095, [76]) „третьей армии, удерживая противника возможно меньшим количеством сил между Вислою и Свидником, опираясь здесь на свои сильные укрепленные позиции, собрать возможно больше войск в районе Мезо-Лаборч-Лупков-Санок и отсюда развить решительный удар на Гуменное, угрожая тылу противника, прорывающегося Перемышлю". Ясно отсюда, что присутствие германского резерва в районе Кракова не смущало г.-ад. Иванова при достижении им давно задуманного сосредоточения сил для действий в Карпатах и, таким образом, против этого резерва могли действовать только части слабого западного фронта 3. армии.

Положение в С.-З. фронте. В то время, когда г.-ад. Иванов сосредоточивал силы для разрушения австрийского плана деблокады Перемышля,—в С.-З. фронте, на правом берегу Вислы, 12. и 1. армии истощали свои силы в атаках и контр-атаках против германцев, не имея возможности, по недостатку сил и боевых средств, нанести где-либо решительный удар германцам.

Перспектива Карпатского похода. Раздвоение главной задачи на две операции: против Восточной Пруссии и в Карпатах, а затем возведение карпатской операции на степень главенствующей,—приводили только к тому, что мы лишили себя возможности нанести противнику удар на главном театре, где были прикованы значительные наши силы, и оказывались настолько слабыми на второстепенном театре, в Карпатах, что стали здесь лицом к лицу с надвигавшейся катастрофой для всего Ю.-З. фронта.

Не видно было определенного конца ни той, ни другой из

этих двух операций, потому что для каждой из них не было установлено прочного начала в виде ясной цели действий,—основанной на правильном понимании общего положения на всем театре Великой войны.

Сверх этого, правый фланг и тыл всех сил, втягивавшихся постепенно в Карпаты, висел в воздухе, ибо нельзя признать достаточно надежным их обеспечение частями 3. армии, растянутыми по р.р. Дунайцу и Бяле. Гл-ние Ю.-З. фронта доносило в ставку о сосредоточении германского резерва в районе Кракова и пользовалось этой данной для достижения своих местных целей, но совершенно не учло существования этого резерва при разработке операций в Карпатах, как действительной угрозы в тыл всех войск, действующих в Карпатах; угрозы, особенно влиятельной с того момента, когда колонны втянутся в проходы и лишатся всякой возможности передвигаться вдоль фронта для сосредоточения в том или ином районе.

Возможность удара противника в тыл Карпатской группы не была предусмотрена полководцем Ю.-З. фронта. Поэтому германскому резерву в районе Кракова ничего другого не оставалось, как только спокойно выжидать того времени, когда на Галицийском театре русские колонны втянутся в Карпатские проходы; затем атаковать их в правый фланг, опрокинув расположение русских на Дунайце и Бяле, и распространить удар глубоко в тыл Карпатских колонн...

Такой исход авантюры „через Карпаты в Венгрию“ вполне отчетливо представлялся г.-ад. Рузскому и его ближайшим сотрудникам, и возможность удара со стороны Кракова в тыл всей Карпатской группы Ю.-З. фронта всегда оценивалась ими, как несомненная причина катастрофы для Ю.-З. фронта, чреватой последствиями также и для С.-З.

Г.-ад. Рузский предвидел печальный исход карпатского похода и неоднократно обсуждал его влияние на операции С.-З. фронта.

Однако, в нем не нашлось достаточно решимости серьезно предостеречь верховное гл-ние в этом направлении. В борьбе за свои идеи в ставке г.-ад. Рузский предпочел выход в отставку вследствие нежелания оказаться в тяжелом положении по причинам от него вовсе не зависящим.

Опасения г.-ад. Рузского постепенно оправдывались; так, в телеграмме от 1 (14) марта 1915 годя № 8739. [77]) г. Янушкевич сообщил: „Его Высочество полагает, что для С.-З. фронта в настоящее время является наиболее необходимой задача по закреплению и усовершенствованию ныне занимаемого положения, а также по самому энергичному укомплектованию и приведению армий в полный порядок после минувших боев“; иначе говоря, армиям С.-З. фронта предписывалось остановиться и засесть в окопы на правом берегу Вислы подобно тому, как это сидение в окопах уже осуществлялось на левом берегу. Операция С.-З. фронта на правом берегу Вислы была приостановлена в такой стадии ее развития, которая не при-

водила ни к какому результату. Таким образом, обе операции в В.-Пруссию: первая после совещания 4 (17) января и вторая—после совещания 4 (17) февраля,—не были доведены до конца; январская—по причине предупреждения в действиях со стороны германцев, февральская—вследствие того, что в период ее развития ставка переменила решение и признала наиболее важной операцию в Карпатах; в результате такого решения операция С.-З. фронта не была поддержана достаточными силами и захлебнулась.

Г.-ад. Рузский совершенно правильно усмотрел в телеграмме № 8739 постановку новой задачи армиям фронта и потому запросил ставку о задачах С.-З. фронта.

В ответ на этот запрос получилась успокоительная телеграмма г. Янушкевича от половины марта 1915 года за № 8748 [78]) в которой было выражено, что задачи остаются прежние, и что телеграмма № 8739 касается лишь способов их выполнения. „Эти задачи заключаются в том“ говорится в телеграмме, № 8748, „чтобы, сохраняя на левом берегу Вислы занимаемый плацдарм, собрать необходимые силы на правом берегу Вислы, дабы остановить ими наступление неприятеля между Неманом и Вислою и нанести ему хотя бы частичное поражение, причем в конечном результате признавал необходимым достигнуть выгодного оборонительного положения, которое облегчало бы активную оборону р.р. Бобра и Нарева“. Однако, сравнив приведенные отрывки телеграмм № 8739 и № 8748,—не трудно убедиться в том, что в телеграмме № 8739, действительно, поставлены, по существу, другие задачи армиям С.-З. фронта, и что телеграмма № 8748 [79])—является ни чем иным, как только канцелярской отпиской на запрос г. Рузского.

Телеграмма г. Янушкевича, от 2 (15) марта за № 8762, представляет собою точное подтверждение только что высказанных соображений. Приводим первую часть этой телеграммы, как доказательство: „Верховный Гл-щий просит доставить Ваши соображения по вопросу о том, какие конечные цели имеются ввиду Вами поставить армиям вверенного Вам фронта на правом берегу Вислы и какие районы Вы считаете необходимым закрепить за собою на фронте между Неманом и Вислою для достижения поставленной Вам задачи по занятию выгодного положения для активной обороны р.р. Бобра и Нарева. Его Императорское Высочество считает, что в настоящее время мы не можем задаваться на правом берегу Вислы более широкими задачами, и что нам необходимо, заняв избранные Вами районы, прочно закрепить таковые за нами, собрать необходимые резервы для возможности соответствующих контр-маневров в случае нового наступления противника и все силы и энергию обратить на укомплектование войск и восстановление тех из них, кои при отступлении десятой армии вышли из боев, сохранив состав едва достаточный в качестве кадров“.

Ставка как бы сетует на неопределенность задачи, поставленной г.-ад. Рузским правобережным армиям и на неясность конечной цели их действий. И это вполне понятно, ибо г.-ад. Рузский ви-

дел конечную цель в нанесении германцам решительного удара и к этому направлял все свои распоряжения; между тем, ставка, как видно из приведенной части телеграммы, теперь вовсе и не думала о нанесении германцам решительного удара, не указав, однако г.-ад. Рузскому, что Галицийской группе приказано нанести удар австрийцам и что, поэтому, армиям С.-З. фронта надлежит ограничиться удержанием противника.

Ставка подтверждает необходимость Карпатского похода. Между тем в то время, когда ставка всячески старалась убедить г.-ад. Рузского в необходимости армиям правого берега остановиться на месте,—г.-ад. Иванову давались указания, поддерживающие наступление в Карпатах, чем и переносился весь центр напряжения с крайнего правого на крайний левый фланг нашего обширного фронта, но г.-ад. Рузский не был в этом ориентирован и ему не было отдано в этом направлении определенного приказа (директивы).

4 (17) марта 1915 года за № 8822 [80]) г. Янушкевич телеграфировал г.-ад. Иванову: „Верховный гл-щий, ознакомившись с содержанием телеграмм номера 2095 и 2407, с чувством полного удовлетворения усмотрел из них, что Ваше Высокопревосходительство признаете возможным перейти уже в ближайшее время к более широким наступательным действиям, обещающим, повидимому, решительный успех, судя по отдельным эпизодам нашего перехода в частные наступления против австрийцев, силы коих несомненно надломлены. Вместе с тем его Высочество поручил мне сообщать Вашему Высокопревосходительству, что политическая обстановка настоящего времени требовала бы развития возможно энергичных действий в В.-Галиции и Буковине“. Душа и мысли ставки в это время были уже в Карпатах и потому всякие напоминания г.-ад. Рузского об активности операций С.-З. фронта теперь являлись для ставки назойливым протестом против Карпатского похода. Ставка была недовольна в это время г.-ад. Рузским, вполне искренне не понимавшим ее новых стремлений, и в то же время почему то не решалась отдать вполне определенную директиву, устанавливающую новые задачи обоим фронтам. При такой недоговоренности работа в С.-З. фронте приняла характер какого-то невольного протеста и вызывала бесконечные трения,—как в сторону ставки, так и в сторону гл-ния Ю.-З. фронта.

Директива г.-ад. Рузского. Все недоразумения г.-ад. Рузский покончил, отдав директиву 4 (17) марта 1915 года за № 215Б [81]), в которой армиям были даны задания, вытекающие из „поставленной ныне верховным гл-щим армиям фронта задачи активной обороны среднего участка Немана, Бобра и Нарева и удержания в нашей власти занимаемого плацдарма на левом берегу Вислы и вследствие указания на необходимость закрепления и усовершенствования выгодного оборонительного положения с образованием в резерве свободных сил“.

Итак, свершилось! Все армии С.-З. фронта остановились и

закрепляли свое положение углублением в окопы. Активная роль перешла к Галицийской группе Ю.-З. фронта, и вместе с тем на юг потекли в изобилии всякого рода боевые средства, как известно, не доставившие благополучного исхода карпатскому походу. С.-З. фронт постепенно хирел и, наконец, окончательно ослаб при новом главкоме г. Алексееве, принявшем С.-З. фронт от г.-ад. Рузского 17 (30) марта 1915 года.

Г.-ад. Иванов просит общих указаний Верховного Главнокомандующего. Раздвоив ближайшую задачу войны между фронтами, главковерх не об'единил, как и прежде в большинстве случаев, действий фронтов и не установил их взаимных отношений, вытекающих из единой общей идеи текущего периода войны.

„Позволю себе высказать Вам свое мнение", телеграфировал г.-ад. Иванов г. Янушкевичу 6 (19) марта 1915 года за № 2579 [83]), „что основною причиною этого (т. е. невозможности придти к решению путем соглашения между фронтами) служит отсутствие особо необходимых для данного именно периода определенных указаний свыше о ближайших основных задачах каждого из фронтов, их взаимных обязанностях, связующих действия одно целое". По мнению г.-ад. Иванова, вполне правильному, главковерх должен был поставить каждому фронту определенную задачу и г.-ад. Иванов, не колеблясь, решается подсказать,—какие же именно задачи свыше ожидаются фронтами. „Центром событий настоящей минуты", продолжает г.-ад. Иванов,—„является Перемышль; ради освобождения его и попутно очищения Галиции противник собрал значительные силы, развивает крайнюю энергию действий, продолжает усиливать свои войска в Карпатах путем переброски сил других участков". Возможно, конечно, допустить, что Перемышль, действительно, являлся в это время центром событий для Ю.-З. фронта, и даже признать правильным, что, „эта деятельность противника", как говорится в телеграмме, „и необходимость довести дело до конца под Перемышлем заставили нас собрать все, что только можно на Карпатах; проявить крайнее упорство отстаивания своих позиций, принять решение самим атаковать противника, чтобы расширить плацдарм, отдалить противника от осажденной крепости, обеспечить надежнее действия под нею и поставить свои войска более выгодное стратегическое положение, спустив их венгерскую равнину"; но едва ли было правильно спускать войска за Карпаты в то время, когда в районе Кракова сосредоточивался германский резерв!

Продиктовав вышеприведенными строками ожидаемую от ставки задачу Ю.-З. фронту, г.-ад. Иванов в дальнейшем не отказывает себе в праве доказательства, что именно эта самая задача вытекает из общего положения дел на всем нашем фронте, т. е. берет на себя работу верховного гл-ния, бездействовавшего в эти решительные дни.

„Само по себе направление на Буда Пешт", заявляет г.-ад. Иванов, „нельзя признать главным путем нашего наступления; оно

является второстепенным, и только совокупность современных условий обстановки, ясно выраженных стремлений нашего противника, отчасти соображения политического характера, заставляют придать временно этому направлению важное значение и перейти здесь в наступление, успех коего окажет существенное влияние на ход событий на всем театре войны“.—„Если эти соображения имеют под собой почву“, скромно добавляет г.-ад. Иванов, „если вытекающее из них решение можно признать соответственным, то казалось бы нужно было принять меры для облегчения достижения намеченной цели для обеспечения успеха путем сокращения наших задач на других участках и перехода временно обороне удержанию противника“.

Г.-ад. Рузский, как выше было сказано, видя всю безнадежность убеждать ставку в несообразности замысла зимнего Карпатского похода в то время, когда в районе Кракова сосредоточивались значительные германские силы,—предупредил г.-ад. Иванова и директивой 4 (17) марта 1915 года за № 215 Б, уже перевел все армии С.-З. фронта к обороне.

Убеждая в необходимости прекратить наступление во всех армиях, кроме Карпатской группы, г.-ад. Иванов продолжает: „Только при решительном успехе на своем З. фронте немцы могли бы сосредоточить в В. Пруссии силы, достаточные для обширной операции, грозящей отсюда Варшаве и нашим сообщениям. Свою очередь, как я докладывал раньше, нет цели сосредоточивать на правом берегу Вислы главные силы для действий на Север, ибо задача предстоит трудная, длительная, не имеющая впереди важной цели, могущей оказать влияние на ход войны, поэтому по моему, конечно, мнению, здесь мы можем и должны перейти к строго оборонительным действиям, которые очень облегчаются временем года, состоянием немногочисленных путей, особенно заболоченностью долины Бобра, наличностью укреплений Гродно и Осовца. Приняв такое решение, мы находим средства как для некоторого временного усиления войск решающих ныне наступательную задачу Карпатах, тем более для надежного упрочения нашего положения западнее Варшавы и долине Пилицы“.

В дальнейшем изложении той же телеграммы г.-ад. Иванов проводит новую мысль, как бы смягчающую его безудержное стремление в Карпаты, следующими словами: „*Западный наш фронт всегда сохранит за собой значение главного, ибо только от Вислы мы можем кратчайшими путями наступать важнейшим и жизненным пунктам нашего противника*“.

Г.-ад. Иванов подсказывал ставке необходимость предписать „*наступление через Карпаты в Венгрию*“ и расположение на месте для удержания противника на всем остальном протяжении нашего фронта.

Эти задачи фронтов являлись, по мысли г.-ад. Иванова, *временными*, с перспективой перехода в наступление из плацдарма на левом берегу Вислы, как нашей главной операции.

Итак, угроза блокаде Перемышля (!) в военном творчестве г.-ад. Иванова затмила собою все и оттеснила на второй план даже главную задачу.

„Ваше заключение об отсутствии определенных указаний о ближайших основных задачах фронтов неверно“, так начинается телеграмма, проектированная штабом главковерха г.-ад. Иванову в ответ на его заявление (проект телеграммы штаба).

В этом проекте ставка указывает на существование определенной задачи С.-З. фронта, как она указана директивой г.-ад. Рузского от 4 (17) марта 1915 года за №215Б[83]), выше уже отмеченной.

Что касается задач Ю.-З. фронта, то, по мнению ставки, они совершенно ясны и отчетливо вытекают из телеграммы г. Янушкевича от 4 (17) марта №8822, в которой было выражено одобрение главковерха замысла г.-ад. Иванова наступать через Карпаты в Венгрию.

Главковерх признает данные им директивы настолько об'емлющими, что не считает необходимым к ним более возвращаться“, говорится в проекте.

Во второй части проекта телеграммы, по пунктам приводятся возражения, отвечающие на выраженное г.-ад. Ивановым в телеграмме от 6 (19) марта 1915 г. за № 2579; среди них читаем: „соображение о том, что временно в настоящее время наиболее важным и по военным, и по политическим соображениям является развитие наступательных действий против австрийцев в Карпатах с целью сбросить их в Венгерскую равнину и нанести окончательное поражение всемерно разделяется Августейшим Главнокомандующим“, и далее: „из директивы г.-ад. Рузского и настоящей телеграммы Ваше Высокопревосходительство должны заключить, что задачи С.-З. фронта в пределах возможности ограничены и обращено должное внимание на необходимость скорейшего образования свободных резервов, которыми можно было распорядиться в соответствии с новой обстановкой до переброски части, их на Карпаты включительно“.

Таким образом, вопреки всем стратегическим соображениям и поперек действительной обстановки на всем театре оперативное руководство штаба главковерха признало Карпатский поход „наиболее важным“ и предначертало даже переброску части сил С.-З. фронта в Карпаты.

Проект телеграммы не был одобрен.

Окончательное решение Верховного Главнокомандующего наступать через Карпаты в Венгрию. Вместо него нашта г. Янушкевич отправил г.-ад. Иванову и г.-ад. Рузскому, совершенно секретно, циркулярное письмо, от 6 (19) марта 1915 года за № № 1717 (3311) и 1718 [84]) (3312) следующего содержания: „Верховный Гл-щий имеет своей основной целью перейти всем С.-З. фронтом к чисто оборонительного характера действиям, а Ю.-З. фронту предназначает главнейшую задачу будущей части кампании. Общая при этом идея та, что-

бы действовать активно, нажимая с левого фланга Ю.-З. фронта, продвигаясь в направлении, примерно, на Буда Пешт и далее в обход всей линии Краков—Познань—Торн.

Почему по мере возможности, в зависимости от обстановки, от успешности пополнения кадров укомплектованиями, соответствующее количество войск будет переброшено на Ю.-З. фронт для его усиления и обеспечения успеха его действий. Это направление и этот характер действий избраны еще и потому, что они дают нам возможность войти в связь с Румынской армией, в случае ее присоединения к нам.

Это все было сообщено присланному г. Жоффром офицеру для связи, для его сведения и руководства.

Характер этих предположений и действий не только одобрен Государем Императором, но Его Величество изволил выразить, что это именно то, что он сделал бы Сам“.

Этим письмом главковерх окончательно утвердил задуманный еще 7 (20) декабря 1914 г. в Ю.-З. фронте поход через Карпаты в Венгрию, как главную операцию для всей действующей армии, со всеми последствиями такого решения.

Если рассуждать в пределах обстановки на пространстве от Черного до Балтийского моря, то придется признать, что именно в это время для нас существовала наибольшая готовность, а потому и возможность главных действий в С.-З. фронте, совместно—на правом и на левом берегах Вислы, для чего необходимо было только решиться на переброску двух-трех корпусов в район Варшавы—Сохачев—Новогеоргиевск, взяв их с Ю.-З. фронта.

Если искать основную идею плана действий русской армии в обще-европейском масштабе, то бесспорно следует признать, что в рассматриваемый период времени русская армия не была пригодна для решающих действий; эта роль выпадала на армию наших союзников. В таком случае план действий русской армии должен был бы иметь в своей основе не широковещательные авантюры, в роде наступления через Карпаты в Венгрию зимой 1915 года, в погоне за выигрышем пространства, неразрывно связанного с черезмерной растяжкой по фронту, а лишь сдерживание наступательных действий противника с преднамеренным затягиванием его армий в такие действия, которые дали бы возможность нам выиграть время для лучшего устройства действующей армии. Решение главковерха ни в какой мере не удовлетворяло ни тому, ни другому масштабу наших действий.

Итак, Галицийская группа Ю.-З. фронта, имея в перспективе свое усиление за счет сил С.-З. фронта, получила подтверждение задачи—наступать через Карпаты в Венгрию.

Для обеспечения правого фланга и ближайшего тыла колонн, втягивающихся в горы, а также всего тыла армий Ю.-З. фронта, предназначалась лишь 3. армия весьма слабого состава; собственно говоря,—только ее западный фронт, развернутый по р.р. Дунаец и Бяла. Между тем в районе Кракова продолжали сосредоточиваться

значительные германские силы, примерно через месяц, сбившие 3. армию с Дунайца и Бялы и ринувшиеся в тыл колоннам, втянувшимся в Карпаты.

На левом берегу Вислы и на правом—в С.-З фронте—войскам поставлена оборонительная задача и они засажены в окопы, где и пребывали, ожидая того времени, когда грядущий разгром Ю.-З. фронта, очевидный для многих уже в это время, заставит их выйти на поверхность земли и поступить так, как подскажет им их внутреннее самочувствие, ибо известно, что после долгого сидения в окопах войска больше слушаются своего внутреннего голоса, чем приказов всякого начальства.

Распоряжения ставки и г.-ад. Иванова после занятия нами Перемышля. В ночь с 8 на 9 (с 21 на 22) марта нашими войсками была занята крепость Перемышль.

Совершенно секретной телеграммой 10 (23) марта 1915 года № 8951 [85]) г. Янушкевич, не взирая на это событие, еще раз подтвердил г.-ад. Иванову только что указанные задачи, которые были поставлены Ю.-З. и С.-З. фронтам в предположении, что австрийцы наступают для выручки Перемышля.

Относительно задачи С.-З. фронта в телеграмме между прочим выражено: „указана также необходимость закрепления и усовершенствования всех занимаемых позиций с целью возможности образования сильных резервов, которыми можно было бы распорядиться в соответствии с обстановкой. К сожалению выполнению сего последнего указания весьма препятствует крайне значительный некомплект в армиях С.-З. фронта“. Этими последними словами уменьшались надежды Ю.-З. фронта на усиление карпатской группы за счет резервов С.-З. фронта.

Таким образом, падение Перемышля не изменило решения главковерха наступать через Карпаты в Венгрию. Это вполне совпадало со взглядом г.-ад. Иванова, который остановился, как известно, на мысли, что главенство операции в Карпатах—„временное“, впредь до разгрома австрийской армии, что после этого „западный наш фронт всегда сохранит за собою значение главного“.

Директивою 12 (25) марта 1915 года № 3839 [86]) г.-ад. Иванов указал армиям Ю.-З. фронта, что „общая идея нашего маневра остается та же, что указана телеграммой 25 февраля (10 марта) 2095.....Восьмая армия должна прорвать центр неприятельского расположения и поставить себе целью развернуть свои силы на фронте Чап—Ужгород—Турка, дабы отсюда развить последующий удар на Сатмар-Неметти—Хуст против левого фланга и тыла неприятельских сил, действующих против 9. армии“. В той же директиве указано, что 3. армия всеми силами содействует восьмой, настойчиво развивает свой успех, усиливает свое левое крыло, продвигает его на Гуменное, дабы занять линиюВаранно—Над Михаль—Чап“; иначе говоря, левое крыло 3. армии уклоняется в своем наступлении к югу, втягивается в горы и лишается

возможности действовать в связи с правым крылом той же армии, растянутым по р.р. Дунаец и Бяла. Наперекор действительной угрозы со стороны германцев, сосредоточивавшихся в районе Кракова,— относительно правого крыла 3. армии в директиве имеется такое указание: „нужно иметь в виду, что Западный фронт третьей армии ныне еще более уменьшил свое значение, ибо противник не имеет важной реальной цели действий“.

Близорукое творчество полководца Ю.-З. фронта, конечно, не достигло своим взором до предвидения возможности удара со стороны германцев в тыл всех войск, втянувшихся в Карпаты, хотя такой удар представлял собою в это время вполне ясную „реальную“ цель действий для германского командования, руководствовавшегося смелой нападательной тактикой.

Напоминаем, что возможность и вероятная близость такого удара вполне сознательно учитывалась в это время главнокомандованием С.-З. фронта.

„Ближайшая задача 9. армии“, говорится в директиве, „удержать пред собой возможно дольше те силы противника, которые перед нею находятся“.

Таким образом, затевался в горной стране сложный маневр удержания противника перед фронтом 9. армии и удар в его фланг и тыл силами 8. и левого крыла 3. армии, которым для исполнения такого маневра предстояло форсировать Карпаты, преодолевая сопротивление противника.

Этот маневр, сложный сам по себе в горной стране, должен быть признан исполнимым только в сфере действия незначительных частей, но отнюдь не целых армий. Если бы к этому добавить, что против фланга и тыла всей группы, втягивающейся в Карпаты, уже сосредоточивались германцы в районе Кракова и что против них оставалось только слабое правое крыло на р.р. Дунайце и Бяле, а также припомнить предупреждение г. Янушкевича, разбивающее иллюзию о переброске в Карпаты резервов С.-З. фронта, то даже историку, не участвовавшему в процессе борьбы против замысла карпатского похода — пришлось бы признать карпатскую операцию, задуманную г.-ад. Ивановым и его наштабом Алексеевым,— легкомысленной авантюрой.

Но тем, кто, волею судеб, участвовал во всех спорах и увещеваниях отказаться от карпатского похода, — по долгу совести и ответственности перед родиной и грядущими поколениями, — приходится установить, что вся эта операция является ошибкой, быть может, даже невольной со стороны стратегически мало грамотного г.-ад. Иванова и не имеющим оправдания сознательным поступком со стороны г. Алексеева, зарвавшегося в честолюбивом замысле руководить всеми операциями Великой войны, не взирая на штаб главковерха, к руководящей деятельности которого г. Алексеев относился с недоверием и полным презрением.

Ничтожное в оперативном руководстве верховное гл-ние, упря-

мое в пустяках, не обладало, однако, ни ясным представлением о ближайших задачах войны, ни умением понять сущность предложения г.-ад. Иванова наступать через Карпаты в Венгрию, ни, наконец, твердостью удержать Ю.-З. фронт в курсе развития им действий, установленных совещаниями в присутствии самого главковерха.

Так завершилась борьба идей г.-ад. Рузского с идеей г.-ад. Иванова и г. Алексеева. К половине марта 1915 г. [87]) г.-ад. Рузский, предвидевший печальный исход Карпатского похода для всей действующей армии, оказался перед фактом „начала конца" и потому, не пожелав оказаться в числе битых генералов, ссылаясь на нездоровье, подал в отставку, которая была безмолвно принята верхами.

Назначение г. Алексеева Главнокомандующим С.-З. фронта вместо г.-ад. Рузского. 17 (30) марта 1915 года [88]), г. Алексеев телеграфировал в ставку из г. Седлеца: „Вашему Императорскому Высочеству доношу, что 17 сего марта я вступил в командование армиями С.-З. фронта".

„Да поможет Вам Бог во всем—и да благословит Он все Ваши начинания победою,—во что твердо верю", последовал ответ на эту телеграмму от главковерха, телеграммой того же 17 (30) марта 1915 года.

Того же 17 (30) марта г.-ад. Рузский отбыл из Седлеца.

Директива ставки г. Алексееву. Ввиду назначения нового главкома армиями С.-З. фронта, г. Алексеева, и нового наштаюза г. Драгомирова,—ставка отдала директиву г. Алексееву, 17 (30) марта за № 9184, [89]) за подписью г. Янушкевича, передав ее в копии и г. Драгомирову. Эта директива является чуть ли не первым изложением общей идеи текущего периода войны, сопровождаемым постановкою определенных задач обоим фронтам. Приводим эту телеграмму полностью: „Ближайшие задачи, ныне возложенные верховным гл-щим на армии С.-З фронта, заключаются в том, чтобы, прочно сохраняя на левом берегу Вислы ныне занимаемый армиями фронта плацдарм, не допустить развития дальнейшего наступления немцев между Неманом и Вислою и занять на этом последнем фронте возможно выгодное положение для активной обороны среднего Немана, Бобра и Нарева с вынесением левого фланга правобережных армий фронта, примерно, на ныне занимаемые позиции к северу от Прасныша, Цеханова и Плонска для прочного обеспечения правого фланга левобережных армий фронта. При этом Его Императорское Высочество признает необходимым надежно закрепить и усовершенствовать все занимаемые армиями фронта позиции и употребить все усилия к скорейшему образованию сильных резервов, как для возможности контр-маневров в соответствии с обстановкой, так и для выполнения основной мысли верховного главнокомандующего, изложенной в письме на имя г.-ад. Рузского № 1718 (относительно действий активно, начиная с левого фланга Ю.-З. фронта,—в направлении на Буда Пешт). В дополнение к изложенному необходимо иметь в виду, что общей задачей армий обоих фронтов,

расположенных на левом берегу Вислы, является прикрытие внутренних флангов нашего расположения на Бобр-Нареве и в Галиции и удержание в наших руках широких плацдармов на левом берегу Вислы, необходимых для возможности развития в будущем также и с этого фронта наших наступательных действий, если это по обстановке явится соответственным.

Эта задача наилучшим образом разрешается удержанием армиями левого берега Вислы ныне занимаемых позиций, оставление коих может быть допущено лишь с разрешения верховного главнокомандующего и соответственным представлением г-щих армиями фронтов. Верховный главнокомандующий обращает особое внимание на необходимость тесного согласования действий армий обоих фронтов, особенно в предвидении необходимости возбуждения кем либо из гл-щих армиями фронтов вопроса об отходе на последующие позиции, ибо этот отход несомненно будет сопряжен с принятием соответствующих мер на соседнем фронте, подготовка к каковым мерам требует известного времени. Более широкими задачами в С.-З. фронте верховный главнокомандующий не считает возможным задаваться. Его Императорское Высочество признает необходимым и чрезвычайно важным направить все силы к тому, чтобы в кратчайшее время пополнить существующий в армиях С.-З. фронта некомплект, определяющийся по последним данным в 320 тысяч человек. Доведение армий С.-З. фронта до полного состава сразу даст нам огромное превосходство в силах над противником, имеющим ныне в В. Пруссии и на левом берегу Вислы до Пилицы всего 41 пехотную дивизию в то время, как армии С.-З. фронта насчитывают в себе 57 пехотных дивизий, а с восстановлением дивизий 20. корпуса—59 с половиной дивизий при огромном превосходстве в кавалерии. С укомплектованием армий С.-З. фронта до штатного состава явится полная возможность образовать столь необходимые сильные свободные резервы, кои дадут возможность с одной стороны в полной мере упрочить положение самих армий С.-З. фронта, а с другой стороны—использовать часть свободных сил в целях выполнения намеченных в письме № 1718 предначертаний верховного главнокомандующего (т. е. перебросить их в Карпаты). Изложенное сообщено в видах общей ориентировки Вашего Высокопревосходительства в задачах, лежащих ныне на армиях вверенного Вам фронта, и вместе с тем передаю Вам повеление Его Императорского Высочества, в силу которого Вам надлежит по детальном ознакомлении с обстановкой на вверенном Вам фронте сообщить мне, для доклада Великому Князю, Ваши соображения о наилучших способах к достижению целей, поставленных армиям С.-З. фронта верховным главнокомандующим."

Из приведенной телеграммы ясно, что ставка осталась при том же окончательном решении, которое было в свое время сообщено г.-ад. Рузскому и г.-ад. Иванову письмом г. Янушкевича; иначе говоря, ставка подтвердила теперь свое окончательное решение, что ближайшею задачею является наступление в Карпатах и оборона на

всем остальном протяжении нашего фронта, причем карпатская группа может рассчитывать на усиление за счет резервов С.-З. фронта, когда таковые будут образованы.

Предположения г. Алексеева о действиях С.-З. фронта. 24 марта (6 апреля) 1915 года при № 139 б. б. [90]). г. Алексеев отправил наштаверху записку за 138 б. б. „О ближайших задачах армий С.-З. фронта", в ответ на директиву, изложенную в телеграмме 17 (30) марта 1915 года за №9184, сообщив при этом, что „к выполнению подготовительных работ приступлено".

Итак, в то время, когда в Ю.-З. фронте началось наступление через Карпаты в Венгрию и когда для развития одновременного давления на австрийцев с левого фланга, т.-е. для действий в Заднестровье,—г. Иванову опять таки не хватило двух дивизий, как это видно из телеграммы г. Драгомирова от 23 марта (5 апреля) 1915 г. за № 4327 [91]) г. Алексеев разработал без участия штаба С.-З. фронта, вполне самостоятельно, следующие предположения, изложенные в вышеупомянутой записке, из которой ниже будут приведены наиболее характерные выдержки.

Но... не успела эта записка дойти по назначению, как ставка, чуткая к требованиям г.-ад. Иванова об усилении Ю.-З. фронта, потребовала от г. Алексеева, телеграммой г. Янушкевича от 24 марта (6 апреля) 1915 г. за № 9361 [92]), „теперь же наметить один из корпусов, входящих в состав армий С.-З. фронта, для отправления этого корпуса по первому требованию в состав армий Ю.-З. фронта".

Пред'являя требование г. Алексееву о передаче одного корпуса из С.-З. фронта в Ю.-З., ставка ловко использовала ту же самую аргументацию, к которой, обыкновенно, прибегал г. Алексеев, состоя в роли наштаюза, когда требовал усиления, но при этом ставка проявила такую близорукую поспешность, что нарушила даже свою директиву от 17 (30) марта, в которой было сказано, что усиление Ю.-З. фронта за счет С.-З. фронта последует по укомплектовании частей последнего людьми и после выделения сильных резервов....

В ответ на это требование г. Алексеев телеграфировал, 24 марта (6 апреля) 1915 г. № 302Б [93]), г. Янушкевичу: „Назначаю третий Кавказский корпус, имеющий некомплект около пяти тысяч". Пополнить этот некомплект г. Алексеев находил теперь возможным укомплектованиями, направленными в Ю.-З. фронт.

Г. Алексеев считает Карпатский поход второстепенною задачею. Однако, свое быстрое согласие передать III. Кавказский корпус в Ю.-З. фронт г. Алексеев сопроводил секретным письмом г. Янушкевичу, от 24 марта (6 апреля) за № 143б б. [94]), следующего содержания: „Сегодня я отправил Вам свою записку, как результат первоначального изучения обстановки и состояния вверенного мне фронта. Перед от'ездом фельд-егеря получил Вашу телеграмму от 24 марта № 9361 о назначении одного корпуса из состава вверенных мне армий на Ю.-З. фронте.

Позволяю себе по этому поводу высказать общие соображения, касающиеся задач всей вооруженной силы, собранной нами на западной границе.

Основною задачею русской армии был и остается разгром германской армии. Поражение австрийской армии являлось задачею промежуточной, облегчающею достижение основной. Переход в наступление 3. и 8. армий был предпринят, как следствие заминки дел на С.-З. фронте, как контр-маневр против сбора значительных сил противника на путях к Перемышлю с попутным нанесением австрийцам поражения.

Основною операционною линиею на Берлин, по моему глубокому убеждению, должна остаться сеть путей от Варшавы. Только здесь мы имеем обеспеченную основную базу на Висле, кратчайшие пути. Пути через Австрию по своей длине, сложности, необеспеченности не могут почитаться желательными. Операция представит большие опасности, потребует много времени.

На основании непродолжительного разговора с генералом ад'ютантом Ивановым я пришел к заключению, что в этом вопросе наши взгляды сходятся.

Наступление на Карпаты нужно по военным и политическим соображениям, но Ю.-З. фронт никогда не рассматривал это наступление, как головной этап иной более обширной операции. От Вислы до Берлина 500 — 550 верст. От Перемышля-Львова-Тарнополя, если принять эту линию за базу,—1300—1400 верст. Одно сравнение длины операционной линии говорит за несомненные преимущества первой. Начертание путей, преграды на путях, свойства местности еще более убеждают в том, что наступать серьезно к Берлину мы можем только с Вислы. Я не вдаюсь в обсуждение вопроса, когда настанет минута для этого наступления, но во всяком случае с Вислы мы достигнем Берлина скорее, с меньшею загратою времени, с меньшими жертвами, с большею безопасностью.

Если Вы признаете справедливость этих соображений, то к операции от Вислы нужно готовиться теперь же и, если бы германцы ослабили себя существенно переброскою войск в Венгрию (чего лично я не допускаю), ответить им контр-маневром на левом берегу Вислы, а не медленною переброскою наших войск за Карпаты. Наступление через Моравию грозит Германии через столь продолжительное время, что немцы будут иметь возможность не один раз ответить контр-маневром на Висле и создать нам здесь тяжелое положение.

Ничего не возражая против направления III. Кавказского корпуса на усиление 8. армии и только потому, что крайнему левому флангу и событиям там придано преувеличенное значение и туда отвлечены войска, освободившиеся из под Перемышля, я полагал бы, что дальнейшая переброска войск на галицийский театр с точки зрения общих интересов нежелательна. Во всяком случае я просил бы дать время упрочить положение вверенного мне фронта и устранить тот некомплект, который ныне существует, и при кото-

ром считать войска оперативно способными нельзя (есть полки, имеющие менее 1.000 штыков).

Необходимо принять меры к приливу укомплектований не теми малыми пакетами, как исполняется это теперь, а массою. Полагаю, что было бы желательно направить выздоравливающих Ю.-З. фронта в армии С.-З.-ные. Войска Ю.-З. фронта, сильные духом, потерпят от этого малый ущерб, между тем для вновь формируемых полков XX. корпуса полезно и необходимо получить элемент более прочный, чем мало обученные новобранцы и ратники. Своевременно изменить базирование и передать С.-З. фронту Минский военный округ. Тогда устранится столь сильная опасность за пути подвоза для армий, изменится невыгодное направление путей отхода.

Заканчиваю свое письмо изложением и повторением своего убеждения, что появление главной массы обоих фронтов под общим руководством верховного главнокомандующего на главном операционном направлении на Берлин ознаменует собою новый период войны. Успех здесь достижим и притом скорее и безопаснее, чем через Буда-Пешт-Вену. Каждая верста, отвоеванная нами на этом направлении, тревожно для противника приближает нас к жизненному для него центру. Он будет отстаивать дорогие для него земли частными ударами, но наносимыми на том же театре, где будет главная масса наших войск. Парирование этих ударов будет для нас проще и возможнее, не говоря уже о том, что появление мощной силы на прямом Берлинском направлении неминуемо заставит перенести и противника борьбу на этот именно театр.

Для частной операции за Карпаты не далее Буда-Пешта наличных войск Ю.-З. фронта, особенно с присоединением III. Кавказского корпуса, 18 батальонов заамурских, 116 батальонов своей пограничной стражи, 40 батальонов, освободившихся из-под Перемышля, достаточно".

Так думал и писал в ставку г. Алексеев, как только вступил в ответственную должность главкосевзапа.

Теперь, по его мнению, главный наш противник—германская армия, для нанесения удара которой (разгрома)—главным направлением служит направление от Вислы на Берлин, т.-е. в пределах плацдарма левого берега Вислы, и только оно одно; оно—и удобнее, и короче, и безопаснее всяких других направлений; к операциям от Вислы надо готовиться теперь же; дальнейшая переброска войск на галицийский театр нежелательна.... Иначе говоря, теперь г. Алексеев стал открыто выражать и считать необходимым то, на чем с самой Лодзинской операции настаивал г.-ад. Рузский и что не осуществлялось, благодаря настояниям и проискам в ставке именно г. Алексеева, вместе с г.-ад. Ивановым, в то время, когда оба они, видимо, мечтали о перемещении центра тяжести всей войны на юг, мечтали о захвате руля, направляющего всю Великую войну, в свои руки.

„Передайте г. Рузскому, что он сидит там на Севере и только портит русское дело", вполне определенно выра-

зил г. Алексеев 11 (24) февраля 1915 года генкварсевзапу г. Бонч-Бруевичу, после доклада его г.-ад. Иванову, в г. Холме, о положении дел в С.-З. фронте, когда как раз захлебывались все наши наступательные попытки между Новогеоргиевском и Ломжею и когда генквар по указанию г.-ад. Рузского, сделал попытку убедить г.-ад. Иванова, в присутствии г. Алексеева, в необходимости усилить С.-З. фронт за счет Ю.-З. с тою целью, чтобы дать возможность С.-З. фронту или нанести решительный удар германцам в Восточной Пруссии, удерживая их на левом берегу Вислы, или внезапно сосредоточиться для удара на левом берегу Вислы в пределах С.-З. фронта, сдерживая их натиск между Новогеоргиевском и Ломжею. Тогда г. Алексеев назвал это предположение—„порчей русского дела“, а теперь самолично указывал на исключительную необходимость проведения в жизнь этой именно „порчи“, считая, что переход в наступление в Карпатах является лишь частной второстепенной операцией, предпринятой только как „следствие заминки дел на С.-З. фронте“....

Так г. Алексеев менял свои основные стратегические убеждения в зависимости от той позиции, которую он занимал в области высшего командования. Г. Алексеев дошел даже до того, что сообщил в ставку—будто взгляд г.-ад. Иванова на главенство левобережной операции вполне сходится с таковым же взглядом его самого...

Однако, не взирая на приведенное письмо, главковерх все таки повелел передать в Ю.-З. фронт III. Кавказский корпус, что и было исполнено г. Алексеевым с величайшей поспешностью.

„Верховный Гл-щий повелел выразить Вам свое особое удовольствие по поводу Вашей быстрой отзывчивости на мою телеграмму 9361 для выполнения особо Вам известной директивы Великого Князя“, телеграфировал г. Янушкевич г. Алексееву 24 марта (6 апреля) 1915 года за № 9372 [95]), по поводу быстрых распоряжений, сделанных г. Алексеевым для переброски III. Кавказского корпуса в Ю.-З. фронт.

Таким образом, теперь само верховное гл-ние приняло на себя обязанности отстаивать неприкосновенность замысла наступления через Карпаты в Венгрию, имея своим оппонентом в этом вопросе г. Алексеева,—того самого г. Алексеева, который еще так недавно старался, и не без успеха, привить ставке совершенно противоположные взгляды на высокое значение карпатского похода и на безусловный вред каких бы то ни было активных замыслов в пределах С.-З. фронта...

Записка г. Алексеева относительно дальнейших действий С.-З. фронта. Обратимся теперь к записке № 138 б. б., отправленной г. Алексеевым в ставку, как уже было сказано, 24 марта (6 апреля) 1915 года при № 139 б. б. [96]). В этой записке выражены предположения о дальнейших действиях армий С.-З. фронта.

Г. Алексеев находил, что С.-З. фронт, даже и после укомплектования его частей людьми, не будет способен ни к нанесению сильного удара, ни к быстрому и спокойному производству контр-маневра, если бы это понадобилось.

Первою задачею записка ставит—укомплектование войсковых частей людьми.

Затем отмечается необходимость перегруппировки сил, т. е. изменение сосредоточения в зависимости от выбора направления главного удара.

При решении вопроса о выборе этого направления г. Алексеев прежде всего приходит к выводу, что „армии С.-З. фронта не должны втягиваться в длительную, дорого-стоящую борьбу за обладание Восточной Пруссией".

„Главный удар должен быть нанесен на путях к западу от Вислы", говорится в записке. „Направление к западу от Вислы", по мысли г. Алексеева,—„представляется важнейшим и для неприятеля наиболее опасным."

На правом берегу Вислы должен быть оставлен заслон; сосредоточения сил для главного удара на левом берегу Вислы противник не ожидает, т. к. главная масса его войск находится на правом берегу.

Из этих соображений г. Алексеев выводит очередь последовательного укомплектования армий С.-З. фронта, начиная с 10. армии; затем, предположено укомплектовать перволинейные корпуса 12. и 1. армии; корпусам всех этих армий (собственно их перволинейным корпусам) проектированы оборонительные задачи. Управление 12 армии перемещается на левый берег Вислы и, таким образом, сосредоточиваемые на левом берегу Вислы 13-15 корпусов должны быть распределены между тремя армиями:—2. 5. и 12. „первоначально на линии Гродиск—Гройцы—Радом".

Впредь до укомплектования людьми и исполнения перегруппировки—все армии С.-З. фронта временно переходят к обороне на занимаемых ныне позициях.

Затем, в записке проектируется фортификационное укрепление всех более или менее значительных рек и прочих рубежей в пределах С.-З. фронта, не задаваясь вопросом, какие войска будут занимать эти укрепления и для какой именнно цели войска будут или должны будут занять заранее подготовленные укрепления.

Вся остальная часть записки посвящается проектированию сплошных укрепленных линий по всем вероятным и невероятным направлениям, без разсуждения,—ради каких именно целей проектируется та или иная линия.

Здесь проявилась склонность г. Алексеева к заблаговременно укрепленным линиям, которых накопали в истекшую войну, по почину г. Алексеева, а затем и по его требованию,—видимо невидимо, закопав в землю многие миллионы народных денег и засадив в окопы многие сотни тысяч русских солдат... И в довершение всего, как это всем известно, почти ни в одной из линий, вырытых в тылу, никто и не пытался удерживаться, когда в силу приказа г. Алексеева—войскам С.-З. фронта пришлось отходить, чувствуя и испытывая на себе полную беспомощность и растерянность их потерявшегося вождя.

В общем, записка представляет собою лишь приблизительное изложение тех рельефных целей и того ясного плана действий, которые проводились г.-ад. Рузским в свое время и крушение которых, последовавшее при энергичном участии г. Алексеева,—заставило г.-ад. Рузского покинуть свой пост главкома армиями С.-З. фронта.

Телеграммой г. Янушкевича, 25 марта (7 апреля) 1915 г. за № 9385 [97]) III. Кавказский корпус был направлен на Львов.

„От лица вверенных мне армий и от себя лично приношу всепреданнейшую глубочайшую признательность Вашему Императорскому Высочеству за назначение в состав юго-западных армий третьего Кавказского корпуса",—телеграфировал г.-ад. Иванов, 25 марта (7 апреля) 1915 года за № 4413, главковерху, разжигая усердие к переброске войск С.-З. фронта в Ю.-З., т. к. в это время штаб Ю.-З. фронта уже сообщил в ставку о необходимости Ю.-З. фронту еще одного корпуса для смены правофлангового корпуса 9. армии.

(Телеграмма г. Драгомирова 24 марта (6 апреля) 1915 г. № 4387)—[98]).

Отношение Верховного Главнокомандующего к предположениям г. Алексеева, выраженным в его записке. В ответ на записку № 139 б. б. и письмо № 143 б. б., а также на какой то № 142 б. б., в делах ставки не найденный, г. Янушкевич отправил г. Алексееву письмо от 26 марта (8 апреля) 1915 г. за № 1899—2851,—[99]) секретно в собственные руки, следующего содержания: „Ваше письмо и отзыв были доложены мною Верховному Гл-щему, лично ознакомившемуся с ними.

Мне повелено передать Вам, что, не возражая в общем на Ваши предположения стратегического и фортификационного характера по № 138 б. б., Верховный Гл-щий выражает желание, чтобы осуществление стратегических Ваших предначертаний произошло не иначе, как с ведома и предварительного одобрения Великого Князя, который даст указания о направлении вообще или своевременности направления оттянутых Вами корпусов в намеченном Вами направлении, в частности, в зависимости от общей обстановки.

Прошу верить совершенному уважению и сердечной преданности. Н. Янушкевич".

Из этого письма ясно, что в накапливании резервов г. Алексеев получал полную свободу, но для направления резервов, согласно предположения, для развития главного удара на левом берегу Вислы, ставка устанавливала два условия: первое—зависимость от общей обстановки и второе—предварительное одобрение главковерха; этими условиями гарантировалась возможность направления накопленных резервов не на левый берег Вислы—по замыслу г. Алексеева, а в Карпаты—по требованию г.-ад. Иванова.

Таким образом, задача С.-З. фронта, а вместе с нею и ближайшие задачи войны, вытекающие из действительной обстановки,—так и остались точно не установленными.

Г. Алексеев, с одной стороны, стал на тот же путь борьбы со ставкою за идею нанесения главного удара германцам на левом берегу Вислы, на котором с некоторыми вариантами все время стоял г.-ад. Рузский, погибший в этой борьбе, а с другой—на путь частичного соглашательства, совершенно недопустимого в кровавом боевом деле.

Как г.-ад. Рузскому перед подачей в отставку следовало поставить в ставке ребром вопрос о Карпатском походе и об усилении Ю.-З. фронта за счет С.-З. для осуществления этого похода, так и г. Алексееву надлежало тотчас после вступления в командование армиями С.-З. фронта разрубить в ставке, вполне открыто и бесповоротно, этот гордиев узел, существование которого обозначало собою неизменное „начало конца".

Г.-ад. Рузский не сделал этого из-за усталости в борьбе, растратив весь запас своих сил; у г. Алексеева нехватало гражданского мужества, столкнувшись с действительностью С.-З. фронта, открыто сознаться в своих карпатских заблуждениях: хождение по кривым путям и хитросплетения—были больше по душе этому человеку.

Положение дел в Ю.-З. фронте. Между тем начавшееся наступление в Карпатах развилось, по мнению г.-ад. Иванова, с таким успехом, что директиву армиям Ю.-З. фронта от 28 марта (10 апреля) 1915 года за № 4568 [100]), г.-ад. Иванов начал пышными словами: „войска наши, с такою доблестью продвигавшиеся через Карпаты и уже оттеснившие противника во многих местах за главный хребет ..", а затем продолжение совсем в ином тоне: „встретились со свежими частями неприятеля, с которым вступили в упорную борьбу". И далее:

„Противник с своей стороны перешел в контр-атаку и местами потеснил наши войска особенно 22. корпус. При таких обстоятельствах представляется необходимым временно задержать наше продвижение вперед, дабы привести войска в порядок, организовать их снабжение и дождаться прибытия подкреплений". Во исполнение этого 3. и 8. армиям (наступавшим) приказано перейти к обороне; 9. армии приказано восстановить первоначальное положение; всем приказано организовать подвоз.

Из этой директивы ясно, что встреча „со свежими силами" противника в действительности выразилась в потере войсками значительной доли боеспособности, что потребовало „привести войска в порядок", и в потере правильности снабжения (подвоза) до такой степени, что приходилось „организовать их снабжение". Кроме того, очевидно,—войска, втянувшиеся в Карпаты, оказались не в силах преодолеть сопротивление неприятеля, не выдержали его контр-наступления; вследствие этого представилось „необходимым временно задержать наше продвижение вперед..... и дождаться прибытия подкреплений".

Войскам предлагалось, следовательно, остановиться „в горах" и подвергнуться всем возможным случайностям такого сидения в

горных проходах, в частности оказаться обойденными противником, как в общей массе, так и по частям.

Обстановка, изображенная в директиве, ясно свидетельствовала о практической несообразности дальнейшего развития наступления в Карпатах и красноречиво убеждала, что ни одна из военных выгод, о которых так много распространялся г.-ад. Иванов,—не осуществилась и что, наоборот, наша карпатская группа оказалась в весьма затруднительном положении, не взирая на падение Перемышля; тем более затруднительном, что накапливание германских сил в районе Кракова продолжалось, что, конечно, не могло быть неизвестным штабу Ю.-З. фронта.

Казалось бы, все подсказывало о необходимости переоценить решение наступать через Карпаты в Венгрию.

29 марта (11 апреля) 1915 года за № 9495 [101]),—г. Янушкевич телеграфировал г.-ад. Иванову: „Верховный Гл-щий поручил мне просить Вас в дополнение к директиве, сообщенной телеграммой номер 4568 (28 марта 1915 г.) доставить еще подробное донесение о состоянии армий вверенного Вам фронта, их нуждах и причинах вынужденной задержки в развитии наступления за Карпаты. Желательно также знать, когда Вы предполагаете возможным начать продолжение еще незакончившейся операции Вашей, имея в виду, что остановка ее крайне невыгодна ни в политическом, ни в военном отношении, давая возможность нашим противникам также подтянуть подкрепления и усилить свои новые позиции, сделав их трудно доступными“.

Ясно, что ставка недоумевала—относительно причин приостановки наступления и, не взвесив внутреннего смысла этого события,—не приняла его, как первое предупреждение о возможности в ближайшем будущем более полного разгрома наших войск, втянувшихся в Карпаты.

Чуждая расчету иллюзия быстрой переброски войск в Венгерскую равнину, со всеми благоприятными для нас последствиями такого продвижения,—вполне овладела умственно-ленивой оперативной частью штаба главковерха и не позволила ей остановить свое внимание на том, что происходило в Карпатах в действительности. Ставка не хотела замечать происходящего и капризно спрашивала у г.-ад. Иванова: „когда Вы предполагаете возможным начать продолжение еще незаконченной Вашей операции? Будто действия г.-ад. Иванова проистекали из какого-нибудь определенного плана и сопровождались строгим расчетом. Ставка не понимала, что г.-ад. Иванов в деле Карпатского похода давно уже руководствовался соображениями, весьма близкими к решимостям проигравшегося картежника, ставившего „на мелок“ все новые и новые куши и просящего взаймы у соседа—в надежде расплатиться за все, как только ему удастся отыграться.

В ответ на запрос г. Янушкевича—г.-ад. Иванов сообщил, телеграммой 30 марта (12 апреля) 1915 г. №4615 [102]), следующее: „Задержка наступления произошла вследствие усиления противника в

Карпатах, что отчасти обусловливается затишьем на остальных фронтах и возможностью перебрасывать войска, как это было сделано например с 35. германской дивизией. Затем наша группа на направлении Стрый—Мункач вообще была слабее противника, а неудача, испытанная ею 27 марта, заставила прежде всего подумать об упрочении ее положения и пополнении потерь. Принятые заблаговременные меры к усилению ее состава путем развития финляндских полков в трехбатальонный состав, вследствие недостаточной пропускной способности железных дорог нельзя было осуществить желаемой быстротой. Наконец большие потери и утомление войск, распустившиеся дороги, а местами полное бездорожье и снега не позволяют развить быстрого наступления, которое вообще идет в горах очень медленно. Подвоз всего необходимого делается весьма часто с огромным трудом. В виду этих обстоятельств приходится ограничиться завершением ближайших целей, поставленных при наступлении вперед до подхода подкреплений, что в настоящее время и делается и что требует местами продолжения упорных боев. Более глубокое продвижение, а равно развитие наступления в Заднестровье возможно только после прибытия 3. Кавказского корпуса, усиления войск направлении Стрый—Мункач и сосредоточения 33. корпуса. Что касается возможности усиления противника, то таковое уже состоялось и не вследствие задержки наступления, а по причине сосредоточения против Ю.-З. фронта всей австро венгерской армии в том числе и войск, действовавших против Сербии, усиления их германскими войсками, пользования лучшими путями сообщения и затишья на остальных фронтах; позиции также подготовлены противником заблаговременно. Политической стороны не касаюсь, ибо успех операции зависит от факторов, создающих совокупность военной обстановки. Нужды галицийских армий, которые можно удовлетворить в настоящее время, состоят в присылке огнестрельных припасов и высылке вооруженных укомплектований, ибо в винтовках чувствуется все более и более острый недостаток. Также крайне необходимо образовать резерв в районе Дукла, по крайней мере в составе одной дивизии, на что средств не имею, ибо после сделанных расчетов дальнейшее обессиление четвертой армии невозможно".

Таким образом, в неудачах Карпатской группы оказались виноватыми, по донесению г.-ад. Иванова: затишье на других фронтах, слабость нашей группы на направлении Стрый-Мункач, недостаточная пропускная способность железных дорог, потери и утомление войск, распустившиеся дороги, местами бездорожье, снега, медленность наступления в горах, затруднительность подвоза.

Однако, эти обстоятельства были в точности известны г.-ад. Иванову в то время, когда он замышлял наступление через Карпаты, и потому они подлежали строгому учету в плане этого наступления; сверх того, они бесспорно должны были повлиять на самое решение о возможности и даже целесообразности предположенной операции в Карпатах. Но, видимо, только теперь, под влиянием неудач,—г.-ад.

Иванов обратился к их помощи, как к оправданиям, недостойным его высокого поста. Г.-ад. Иванов, после ряда этих оправданий, вновь заявил о необходимости подкреплений Ю.-З. фронта войсками, признав, следовательно, еще раз, что задуманная им операция оказалась непосильной, т.-е. плохо рассчитанной при ее разработке. „Необходимо образовать резерв...на что средств не имею“, заканчивает свою телеграмму г.-ад. Иванов, как бы закрепляя еще раз факт, что он втянул свои войска в непосильную для них операцию.

Как же реагировала ставка на происходящее в Карпатах?

Опасение ставки атаки германцев на центр 3. армии. В деле штаба главковерха имеется памятная записка г. Данилова 30 марта (12 апреля) 1915г. [103]) следующего содержания: „Не будет-ли признано Вами необходимым отправить г. Алексееву телеграмму, проект которой прилагаю. У нас совсем нет свободных резервов ни на С.-З. фронте, ни на Ю.-З. Казалось бы, время их образовать, в виду несомненной подготовки германцев к новой операции и необходимости иметь средства довести начатую операцию в Карпатах до конца. Образование резервов, конечно, не должно еще предрешить то или иное их направление“.

Таким образом, записка предупреждает о возможности перехода германцев в наступление.

Проект телеграммы, упомянутой в записке, был одобрен и, 30 марта (12 апреля) 1915 г. за № 9517, была отправлена г. Алексееву следующая телеграмма: „телеграмме 25 марта номер 9385 мною было сообщенно Вашему Высокопревосходительству о выраженном Верховным Гл-щим желании иметь в распоряжении Его Высочества один корпус.

В настоящее время выделение этого корпуса представляется существенно важным, дабы иметь возможность в любое время употребить его в соответствии с вновь нарождающейся обстановкой точка Германцы несомненно производят перегруппировку своих войск, внутренний смысл которой еще не выяснен. Есть данные, довольно достоверные указывающие на возможность переброски их с Западного фронта на наш трех кавалерийских и нескольких пехотных дивизий точка Равным образом штаб вверенного Вам фронта доносит о вероятном уводе с фронта 50. резервной дивизии. Возможно и даже вероятно, что германцы имеют в виду собрать значительные силы на австро-венгерской территории, дабы не дать развиться нашему наступлению за Карпаты, несомненно их обеспокоившему как по военным, так и по политическим причинам. Имеются указания о вероятности удара германцев на центр 3 армии с целью выйти на правый фланг наших войск переваливших главный Карпатский хребет, каковой удар может обещать успех, в силу происшедшей растяжки фронта названной армии.

Не придавая всем этим агентурным данным преувеличенного значения, верховный главнокомандующий все же находит крайне

необходимым скорейшее образование свободных резервов и в первую очередь желает иметь наготове один корпус в своем распоряжении, которым Его Высочество мог бы распорядиться в случае надобности по своему усмотрению.

Считаю долгом к этому добавить, что по имеющимся данным 23 марта (5 апреля) некомплект в армиях вверенного Вам фронта уменьшился на 65 тысяч и что для С.-З. фронта уже предназначено 800 маршевых рот, о скорейшей высылке коих сделано подтверждение. По изложенному верховный главнокомандующий ожидает от Вас донесения".

Эта телеграмма заключает в себе весьма существенное предупреждение о возможности удара германцев на центр 3. армии, обеспечивающей своим расположением по р. р. Дунаец и Бяла правый фланг и тыл карпатской группы, втянувшейся в горы. Эту возможность г.-ад. Иванов и, в свое время, г. Алексеев не только не учитывали, но и считали ее в достаточной степени проблематичной, маловероятной. Правое крыло 3. армии они считали достаточно сильным для того, чтобы быть покойным за благополучие правого фланга и тыла карпатской группы, в то время, когда фактически группирующийся в районе Кракова германский резерв представлял собою действительную угрозу.

Медленно реагирующая на изменение общей обстановки ставка в течение долгого времени оставалась безгласной в вопросе о германском резерве в районе Кракова и только теперь, в цитируемой телеграмме, выразила свое предупреждение о надвигающейся опасности. Но как и в других случаях, так и теперь,—ставка остановилась на полумере и считала выходом из положения—„иметь на готове один корпус" в резерве главковерха, меру несомненно ничтожную и, конечно, неспособную повлиять на исход событий, если бы они развернулись в сторону наступления германцев из района Кракова во фланг и тыл карпатской группы.

Возможность атаки со стороны Кракова была налицо; силы резерва, собранного германцами в районе Кракова, по имеющимся сведениям, были к концу марта настолько значительны, что с нашей стороны свободный резерв силою в один корпус, конечно, не мог бы явиться решающим средством, тем более, что и корпуса то этого не только не было налицо, но даже не было намечено в проекте, т. к. III. Кавказский корпус был уже передан в состав Ю.-З. фронта и, таким образом вырвался из рук верховного вождя.

Между тем г. Иванов, как видно из его телеграммы за № 4615, выше разобранной, находил необходимым иметь резерв „в районе Дукла по крайней мере в составе дивизии".

Таким образом, в то время, когда ставка уже начала предвидеть близко надвигавшуюся возможность удара германцев со стороны Кракова во фланг и тыл Карпатской группы, втянувшейся в горы, и проявила при этом ничтожную заботу о скорейшем образовании слабого резерва (в один корпус) главком г.-ад. Иванов, вовсе не понимая очевидной угрозы со стороны Кракова,—опасал-

ся усиления напора противника на фронте карпатской группы, и, в частности, в районе Дукла, почему и заявил о присылке ему по крайней мере одной пех. дивизии, очевидно, как средства против возможности катастрофы на одном из участков его фронта.

Г.-ад. Иванов ясно сознавал, что наступление в Карпатах захлебнулось, но он не нашел в себе решимости принять более героические меры, чтобы вывести свои армии из состояния пребывания под Дамокловым мечем при условии полного неведения их в этом отношении, состояния, которое, очевидно, имело только один естественный исход—именно катастрофу.

Если ясно представить себе, что втянувшиеся в горы колонны карпатской группы встретили с фронта настолько сильный напор противника, что наступление приостановилось и у главкома даже явилось сомнение о возможности удержать занятое ими положение, и если к этому прибавить, что правому флангу и всему тылу карпатской группы угрожал в это время удар германцев со стороны Кракова, то станет совершенно ясным, что г.-ад. Иванову следовало отвести войска Карпатской группы обратно в Галицийскую равнину, предоставить австрийцам дебушировать из гор ввиду русских армий, сохранивших свою боеспособность и настолько усилить 3. армию перегруппировкой сил Ю.-З. фронта, чтобы ей было по плечу сдержать натиск германцев со стороны Кракова и даже оказать им должное противодействие. Все действия в Галиции должны были бы сводиться к тому, чтобы втянуть австрийцев, сосредоточившихся в Карпатах, и германцев—в районе Кракова, в безрезультатные для них маневры, достигая этого, хотя бы, ценою потери территорий, занятых нами в Галиции по праву войны. Бессодержательный лозунг: „ни шагу назад“,—играл здесь свою пагубную роль.

Галицийской группе пришлось в это время очутиться под натиском с трех сторон: с фронта—в Карпатах, в левый фланг—в Заднестровье, и в правый фланг—со стороны Кракова, с очевидной возможностью распространения этого последнего удара по всему ее тылу. При такой обстановке и при условии невозможности сосредоточения крупного резерва для удара в тыл противнику, готовому окружить карпатскую группу,—самым нелепым решением было бы—продолжать наступление в Карпатах или оставаться неподвижным, втянувшись в горы; именно это решение и проводил в жизнь г.-ад. Иванов, видимо, совершенно не отдавая себе отчета в близости для Галицийской группы крупной катастрофы.

В Лодзинской операции наши 2. и 5. армии подверглись почти полному окружению со стороны германцев, и 1. армия, сильно атакованная ими, не в силе оказалась воспрепятствовать этому; доблестные 2. и 5. армии не поддались тогда панике и не отступили; но в этой операции главкосевзап г.-ад. Рузский успел сосредоточить сильный Ловичский отряд, который в свою очередь повел наступление в тыл германцам, уже заканчивавшим свое окружение; германцам пришлось отступить.

В условиях Лодзинской операции, на равнинной местности, остановка 2. и 5. армий и удержания ими своего положения—являются образцом мужества и выдержки; в условиях карпатской операции в горах, остановка колонн карпатской группы и тем более стремление продолжать их наступление—представляет собою не что иное, как одно из самых нелепых решений.

Со стороны ставки не последовало решительных распоряжений, которые должны были бы последовать в виду наличной обстановки и явного несоответствия с нею действий и предположений полководца Ю.-З. фронта, ставившего все новые и новые ставки на очевидный проигрыш карпатской операции. Но... героические решения, основанные на глубоком понимании общей обстановки—не были уделом ни верховного гл-ния, ни тем более—гл-ния Ю.-З. фронта.

Ставка запрашивала г.-ад. Иванова в телеграмме от 29 марта (11 апреля) 1915 года за № 9495 [104]), „о причинах вынужденной задержки в развитии наступления в Карпатах", выразив при этом, что желательно также знать, когда предполагается возможным „начать продолжение еще незаконченной операции" в Карпатах.

Телеграммой ставки 30 марта (12 апреля) 1915 № 9521—Ю.-З. фронту указано, что он должен рассчитывать только на III. Кавказский корпусъ и Заамурские полки.

Телеграммой г.-ад. Иванову 31 марта (13 апреля) 1915 года № 9523[105])—г. Янушкевич сообщил, что „Его Высочество высказал крайнее удовлетворение тем обстоятельством, что корпуса 3. и 8. армий продолжают дальнейшее продвижение вперед, приближающее их „к поставленной Вашим Высокопревосходительством основной цели совершающегося наступления".

Этими словами верховное гл-ние расписалось в своем непонимании смысла наступления в Карпатах в связи с общей обстановкой и предательски, по отношению к г.-ад. Иванову, отказалось от своих распоряжений, подтвердивших поход через Карпаты в Венгрию; оно закрепило эту операцию целиком за г.-ад.-Ивановым, поставившим, будто бы, основную цель карпатского похода по собственному частному почину, взвалив на него этим всю ответственность, вытекающую из такого проявления частного почина.

Положение дел в С.-З. фронте. Устройство позиций. Работа г. Алексеева в С.-З. фронте ознаменовалась, главным образом, распоряжениями об устройстве заблаговременных укрепленных полевых позиций на естественных рубежах и вне их. Все это началось с района 10. армии, под влиянием сведений, добытых разведкою, будто бы о прибытии в район Мариамполя—Кальварии не менее германского корпуса и 3. кавалерийской дивизии; о сборе в районе Кенигсберг—Инстербург—будто бы пяти германских корпусов... [106])

Ставка потребовала соображений главкосевзапа по поводу этих новых данных о противнике.

В ответ на этот вопрос г. Алексеев сообщил в ставку телеграммой 5 (18 апреля) 1915 года № 444, что командующему 10. ар-

мией „указано энергично вести инженерную подготовку района, вытекающую из идеи действий армии. Общие основания следующие: направление на Ковно прикрывается частями гарнизона, пользующегося Козлово-Рудской позицией и подготовляющего, если нужно, позицию на ближайших подступах к крепости. Главные силы армии опираются на Неман... В случае отхода Неману силы эти маневрируют на обоих берегах, опираясь Олитскую и Мереческую позиции. Подступы Вильне прикрываются фланговою позициею, которая вместе сим обеспечивает от обхода правое крыло всего фронта... Левое крыло... удерживает входы Августовские леса, крайности реку Бобр и позиции Липск — Сопоцкин. На случай прорыва Бобра, подготовить позицию Кнышин — Кузница“.

Затем, в этой телеграмме указана очередь, в которой должны производиться работы на указанных позициях.

Таким образом, С.-З. фронт развивал полевые укрепления в местах расположения войск и, по указаниям г. Алексеева, устраивал позиции в тылу войск, которые, по мысли гл-щего, „обеспечивали“ тот или иной район, то или иное направление.

Переброска войск с С.-З. фронта в Ю.-З. С прибытием г. Алексеева С.-З. фронт лишился, как выше было сказано, III. Кавказского корпуса. 6 (19) апреля 1915 года №5000 [107])—г. Драгомиров телеграфировал г. Янушкевичу: „Настойчивые атаки на правый фланг 8. армии, в связи с большими потерями, понесенными этой армией, побудили отдать распоряжение о сосредоточении одной бригады 3. армии район Цисна—Воля Михова. Это распоряжение может быть выполнено только за счет образования резерва в районе Дукла, о чем и были сделаны перед тем соответствующие распоряжения.

Таким образом, несмотря на все старания, крайне необходимое образование резерва в районе Дукла не удается осуществить, между тем как из различных источников продолжают поступать сведения об усилении противника на Карпатах. Вновь прошу не отказать сообщить, не будет ли признано возможным предоставить фронту еще одну дивизию, ибо без этого вполне возможно положение, что на III, Кавказский корпус придется возложить пассивные задачи по удержанию того или другого участка, на котором дела примут неблагоприятный оборот, вместо нанесения им удара противнику в ранее намеченном направлении“.—

Вследствие этой телеграммы, г. Янушкевич 6 (19) апреля 1915 года № 9695 сообщил г. Алексееву, что „главковерх повелел передать в состав войск Ю.-З. фронта из вверенных Вам армий одну дивизию, назначив таковую к безотлагательной посадке“.

Разрешалось, вместо дивизии, в крайнем случае отправить одну стрелковую бригаду, но при этом было сообщено, что „в дальнейшем вероятно потребуется усиление войск еще на одну стрелковую бригаду“.

Независимо от этой телеграммы, отвечая на телеграмму г. Янушкевича за № 9517, г. Алексеев телеграфировал в ставку 7

(20) апреля 1915 года № 487/336. [108]): „Назначение корпуса распоряжение Верховного Гл-щего понимаю как образование резерва для Ю.-З. фронта, ибо переброска том или другом направлении пределах С.-З. фронта корпуса, по мысли верховного главнокомандующего, будет приводиться исполнение мною же, сообразуясь положением дел частных армиях. Будет перебрасываться тот корпус, который ближе выгоднее и удобнее перевести. Естественно нумер корпуса будет каждом частном случае изменяться... Ослаблять фронт дальнейшим выделением полевых войск не желательно.

...На фронте 53 половиною дивизии, семь стрелковых бригад и вся эта масса сведена только 21. корпус. Выделение корпуса из фронта еще более будет уменьшать число высших войсковых соединений и затруднит управление войсками. Поэтому пока прошу усиливать Ю.-З. фронт резервными дивизиями, что не может отразиться невыгодно на боевой прочности этого фронта, а для С.-З. фронта облегчит и сохранение духовной силы и выполнение указания без потери времени, т. к. легче выделить из двух армий по дивизии, чем сразу на целый корпус ослабить ту или другую армию".

Так начал противиться г. Алексеев переброске войск с С.-З. фронта в Ю.-З. с того времени, как вступил в командование армиями С.-З. фронта. Состоя в Ю.-З. фронте наштa, он, наоборот, всеми способами доказывал необходимость такой переброски; он успел убедить в этом ставку, и теперь это приносило общему делу свои пагубные плоды...

Вероятно, в ставке порою начинали смутно понимать опасность положения С.-З. фронта и бесцельность усиления Ю.-З., потому что, например, в телеграмме г. Данилова 7 (20) апреля 1915 года № 9711 [109]) г. Драгомирову имеется такое указание: „Начальник штаба поручил мне уведомить Вас, что дальнейшее усиление Ю.-З. фронта за счет С.-З. решительно не представляется возможным до полного укомплектования армий С.-З. фронта и выяснения положения на этом фронте".

Г. Алексеев критикует наступление через Карпаты в Венгрию. Между тем г. Алексеев, ознакомившись ближе с обстановкой С.-З. фронта, при своей склонности поддаваться ближайшим впечатлениям, начал менять свое мнение о наступлении в Карпатах и постепенно склонялся к тем предположениям, которые так горячо и продолжительно отстаивал г.-ад. Рузский, изверившийся в возможности торжества его здоровых идей.

Свои соображения г. Алексеев изложил в письме г. Янушкевичу от 2 (15) апреля 1915 г. за № 616/199 б. [110]).

Вот, что писал в этом письме главкосевзап: „Операция на Карпатах приобретает, повидимому, длительный характер и будет состоять из ряда боев. По первоначальному замыслу имелось в виду сильным, решительным ударом на Мезо-Лаборчском и Лутовиском направлениях смять находящиеся здесь войска противника, стать прочно у Гуменное-Березна, т.-е. на фланге австро-герман-

ских сил, действующих на Ужгородском, Стрыйском и Делатынском направлениях, и теснить их к югу, к румынской границе.

В силу тех или иных причин мысль эта не осуществилась; на указанных направлениях противник собрал значительные силы; австрийские войска поддержаны здесь германцами.

Перенесение на Карпаты главных наших усилий отвечало-бы желаниям германцев: отправляя в Венгрию свои войска, они влияют на общественное мнение этой страны, а главное—отдаляют от собственной территории, и надолго, непосредственную опасность вторжения русской армии, что при данной обстановке составляет, быть может, главнейшую цель действий германцев.

Напрашивается вопрос, стремиться-ли нам к дальнейшему развитию Карпатской операции, усиливая для этого собранные на этом таетре действий войска за счет германского фронта и ведя затем наши действия в расходящихся направлениях, или же нужно предпочесть нанесение главного удара немцам в наиболее опасном для них направлении, притягивая для этого все силы, какие можно, и ограничиваясь на Карпатах лишь удержанием противника?“

Г. Алексеев решил, что главный удар должен быть нанесен на левом берегу Вислы. „Последняя задача, продолжает г. Алексеев, была достижима даже тогда, когда позади армий находилась осажденная крепость, которая ныне обратилась в наш сильный опорный пункт. Тем более посильна эта задача для наших войск в настоящее время.

С точки зрения общих интересов, по моему мнению было-бы соответственнее наносить главный удар немцам на левом берегу Вислы“.

Таким образом, только теперь г. Алексеев признал бесцельность наступления в Карпатах, в чем был убежден г.-ад. Рузский и его сотрудники еще в январе месяце, и только теперь г. Алексеев согласился с предложением г.-ад. Рузского — наносить главный удар германцам на левом берегу Вислы, сдерживая натиск противника в Галиции. Но увы! слишком много поработал г. Алексеев с г.-ад. Ивановым на внушение верховному гл-нию мысли о главенстве Карпатского похода над всеми описанными операциями, и слишком поздно пришел он к этим правильным решениям. Удар со стороны Кракова уже висел над Карпатской группой, а наступление в Карпатах бесспорно захлебнулось. Катастрофа всего Ю.-З. фронта была не за горами. Это сознавалось в апреле 1915 года многими в действующей армии. Только г.-ад. Иванов и ставка оставались все время верными своим страшным заблуждениям.

„При таком решении вопроса“, говорится далее в том же письме, „часть сил Ю.-З. фронта составила бы заслон на всем фронте Карпат, которые явились бы второстепенным направлением. Все что можно, Ю.-З. фронт должен был бы притянуть на левый берег Вислы; С.-З. фронт собирает возможно большие силы для наступления и атаки противника на наиболее жизненном для него направлении.

Как я высказал и ранее свое мнение, наш удар должен быть произведен вдоль Пилицы в направлении на Петроков; в этом уда

ре должна принять участие и вся 4. армия, по директивам главковерха, которые, конечно, укажут известную долю участия войскам Ю.-З. фронта. Вспомогательную атаку войска С.-З. фронта должны вести в устьях Бзуры, где охватывающее положение 1. армии в известной мере обеспечивает достижение успеха.

Если бы было принято такое общее решение, то было бы желательно не ослаблять войска С.-З. фронта дальнейшим выделением войск, имея в виду, что переброска с одного фронта на другой требует у нас продолжительного времени. При переходе на Карпатах к удержанию противника нужно обеспечить находящимся в этом районе войскам своевременный приток пополнений. Применяя маневрирование, армия выполняет свое назначение.

Если бы эта общая идея действий не была принята, и Карпатский фронт и на будущее время сохранил бы значение главного, то и тогда пополненные армии С.-З. фронта не должны были бы играть роль резерва для непосредственного усиления войск, действующих на Карпатах, и выполняли бы какую-либо задачу активного характера.

Возникает вопрос, в какую форму должна вылиться эта задача? Конечно, было бы непосильно развивать удар в широких размерах на левом берегу Вислы, не имея конечной цели произвести вторжение в Германию. Одновременно двух операций такого масштаба—на Карпатах и на левом берегу Вислы—мы не можем выполнить и теперь.

Следовательно, хотя с общей точки зрения и нежелательно развивать операцию на правом берегу Вислы, но придется задаться скромною частною целью, лишь бы не остаться в бездействии; придется поставить задачу—нанесение частного поражения противнику и угроза вторжения в те области, которые он так ревниво охраняет и так заботливо подготовил к упорной обороне.

Можно для такого удара избрать направления:

1) из района расположения 1. армии на фронт Остероде-Дейч-Эйлау-Яблоново; 2) из района расположения 12. армии на участок Растенбург-Ретфлис-Алленштейн; 3) войсками 10. армии на фронт Инстербург-Ангербург.

Первое и второе направления пролегают по району, почти лишенному железных дорог, а между тем жить нам придется исключительно подвозом, совершенно не рассчитывая на местные запасы и средства; с такою задачею мы не справимся.

Остается третье направление—коротким, но решительным ударом, наносимым достаточными силами, разбить немцев, отбросить их на Инстербург-Летцен, не имея, однако, в виду дальнейшего углубления в пределы Восточной Пруссии, приближения к Кенигсбергу и борьбы за Мазурские озера. Захват района, при содействии 12. армии, от устья Немана на Инстербург-Лык привлечет сюда силы немцев и может дать случай к нанесению частных ударов противнику.

10. армию нужно усилить переброской из состава других армий, по возможности, трех корпусов.

Должен повторить, что с точки зрения общих интересов эта частная операция нежелательна. Но если главные усилия наших армий, вообще, будут в ближайшем будущем сосредоточены в Карпатах, то армии С.-З. фронта должны выполнить хотя бы частную задачу; ряд соображений приводит к выводу, что эта задача выгоднее всего приурочивается к наступлению 10. армии, соответственно усиленной, на линию устье Немана-Инстербург-Лык. Переход в наступление С.-З. армий помешает германцам увеличивать свои силы в Венгрии, хотя лично я полагаю, что усиленное распускание слухов о значительном сосредоточении немецких войск в Венгрии служит достаточным доказательством неверности этих слухов.

Немцам невыгодно отправлять на этот театр большое количество сил и ослаблять себя на главных направлениях. Избытка сил у них нет и бросать войска в Венгрию, снимая их с Западного и Восточного фронтов, мало отвечало бы собственно германским интересам, которым, бесспорно, придается первенствующее значение. Настоящее расположение С.-З. армий не отвечает идее наступления; необходима для сего переброска войск, следовательно, известная подготовка в определенном направлении, по указанному заданию.

Очень прошу ознакомить меня с руководящими соображениями, принятыми для будущего периода войны“.

Итак, г. Алексеев после командования армиями С.-З. фронта в течение только одного месяца целиком обратился к предположениям г.-ад. Рузского: тот же главный удар на левом берегу с охватом 1. армиею со стороны Вислы и в виду невозможности его немедленного развития, по причине оттягивания наших значительных сил в Галицию,—частная операция в В. Пруссию, но в размере, влекущем за собою лишь восстановление 10. армией утраченного ею положения (в феврале 1915 года) у Мазурских озер; тогда как г.-ад. Рузский представлял себе эту частную операцию в виде совместного удара 10. и 12. армий по германцам, оперировавшим в В. Пруссии.

Теперь г. Алексеев совершенно наперекор тому, что он выражал месяц тому назад, при той же самой общей обстановке, определенно требует нанесения главного удара на левом берегу Вислы и обращения Карпатской операции—во второстепенную; он требует прекращения переброски сил С.-З. фронта в Ю.-З., но... требует неуверенно, потому что явно сознает себя запутавшимся в противоречиях.

В то же время г.-ад. Иванов, не предвидя печального исхода дальнейшего наступления в Карпатах, а может быть умышленно его не замечая, продолжал настаивать на необходимости усиления Карпатской группы, оказавшейся в половине апреля 1915 г. в крайне опасном положении, с нависшей над нею возможностью серьезной катастрофы.

Г. Алексеев чувствовал заблуждение ставки и неустойчивость ее решений и потому, невзирая на полученные им по прибытии в С.-З. фронт подробные указания в пространной директиве, просил „ознакомить с руководящими соображениями, принятыми для будущего периода войны“.

Верховный гл-щий подтверждает, что операция в Карпатах является ближайшей главной задачей. В ответ на письмо г. Алексеева от 2 (15) апреля 1915 года за №616/199б., г. Янушкевич отправил 14 (27) апреля 1915 г. №2058 письмо следующего содержания, приводимое в подлиннике:

„В ответ на письмо Вашего Высоко-ства от 11 апреля имею честь сообщить нижеследующее. Верховный Гл-щий считает, что Его директива, сообщенная мною Гл-щим фронтами и Вам известная по письму моему к г.-ад. Иванову №1717 [111]) 6 марта 1915 г. не подлежит пока изменению.

Его Высочество напоминает лишь, что переход к активным действиям без предварительного предупреждения не подлежит осуществлению.

В то же время Великий Князь совершенно не допускает мысли хотя бы короткого удара в пределах В. Пруссии.

В настоящее время начавшаяся операция на Карпатах, особенно в виду только что выяснившегося подписания союзного договора с нами и нашими союзниками Италией (сие последнее обстоятельство сообщается для исключительно Вашего личного сведения), сохраняет первенствующее значение и обязывает всемерно способствовать успешному завершению начатого дела. Для этого несомненно придется в ближайшем будущем передать одну пехотную дивизию, о чем и считаю необходимым Вас предупредить.

Верховный Гл-щий, вероятно, скоро посетит Вас и тогда Вы будете иметь возможность доложить Ваши новые соображения, считаясь с указанным взглядом Его Высочества на предполагаемые Вами операции 10. армии".

Итак, поход в Карпатах еще раз окончательно был признан операцией „первенствующего значения", потому что „политика", по мнению ставки, будто бы требовала именно такого взгляда на это безнадежное со стратегической точки зрения предприятие.

„Политика дает задачи стратегии", такова общая формула отношений политики к стратегии. Однако, для практического приложения этой формулы безусловно необходимо в каждом частном случае осуществление по крайней мере следующих условий:

а) Повелевающая политика должна быть выгодна той стороне, стратегии которой она ставит задачи.

Была ли выгодна для России политика вовлечения в общую борьбу Италии и затем Румынии? Быть может, эта политика и рисовала заманчивые перспективы, быть может, отвлечение австрийских сил в сторону Италии было выгодно для России,—но размер этой выгоды по сравнению с невыгодными последствиями и с теми требованиями, которые пред'являлись при этом к России,—подлежали тщательному взвешиванию......

б) Даже и выгодная политика должна ставить стратегии посильные задачи.

Было ли по силе России с успехом завершить начатый поход в Карпатах?

Такими ничтожными полумерами откликнулся г.-ад. Иванов на надвигавшуюся с запада могучую опасность в виде перешедшей в наступление армии г. Макензена. Но..... было уже поздно.

Наступление армии г. Макензена. 19 апр. (2 мая) 1915. г. (без №-ра) [117]) Драгомиров отправил в ставку наштa следующую телеграмму:

„Сегодня с утра ополченские бригады, занимавшие позицию на правом фланге 3. армии, отошли под натиском противника от Дунайца, пока приостановились на укрепленной позиции в верстах пяти позади и поддержаны Мстиславским полком из четвертой армии. С ночи начался жесточайший обстрел, а затем и атаки противником левого участка девятого и всего фронта десятого корпусов.

После пополудня противнику удалось занять некоторые пункты нашей позиции и местами прорваться. Этот прорыв постепенно увеличился в стыке между девятым и десятым корпусами, вследствие того, что сильно пострадавшие два полка 70 дивизии отошли со своей позиции на линию Тухов-Рыглище. На заполнение образовавшегося прорыва направлены Острожский и Костромской полки, которые, однако, по своему составу не в состоянии восстановить здесь бой, ввиду этого командующий 3 армией приказал отвести X корпус на линию Ржепеники-Биеч-Вартне, а для заполнения прорыва направляет еще два полка из резерва и две кавалерийские дивизии. III Кавказский корпус подошел сегодня в район Кросно-Бонич и насколько позволяют силы людей будет двинут дальше на Ясло-Змигрод. Корпус этот Гл-щий передал распоряжение К-щего 3 армией. Полагаю, что после подхода этого корпуса положение в центре Западного фронта в 3 армии упрочится; за то положение на правом фланге, где находится ополчение, поддержанное Мстиславским полком и одною кавалерийскою дивизиею, внушает опасение. Из состава войск Ю.-З. фронта ничего отправить нельзя и во всяком случае прибытие состоится несвоевременно вследствие пользования для перевозки галицийскими железными дорогами. Крайне желательно неотлагательно направить одну дивизию в район Мелец хотя бы с условием вернуть ее обратно, если надобности в ней не окажется. Удержание правого фланга тем более необходимо, что с этим связано наше положение в Привислинском крае“.

Эта телеграмма переполошила ставку.....

Последовало назначение к перевозке с С.-З. фронта в Галицию еще одной дивизии (13. Сибирской пех. дивизии с ее артиллерией)—с согласия г. Алексеева. Г.-ад. Иванов вновь начал предъявлять обычные требования усилить галицийскую группу за счет С.-З. фронта, заверяя, что он „готов со своей стороны в нужную минуту оказать такую же помощь С.-З. фронту“. (Телеграмма г.-ад. Иванова в ставку 20 апреля (3 мая) 1915 г. № 5650) [118]).

Той же телеграммой г.-ад. Иванов просил „не отменять уже разработанную операцию в Заднестровье“.

В С.-З. фронте в это время не все было благополучно: германцы начали свое наступление в направлении на Ригу.

Между тем г. Макензен продолжал развивать свой удар на 3. армию и достигал в этом все больше и больше успеха. В результате—Карпатская авантюра вскоре обратилась в катастрофу для всего Ю.-З. фронта и даже больше.

ГЛАВА V.

Заключительные выводы из I—IV глав.

Критико-историческое исследование, произведенное в предыдущих главах, позволяет прийти к следующим практическим выводам, относящимся к области ведения войны и стратегической работы высшего командования действующей армии.

Отношение политики к стратегии. Сфера международных отношений должна вполне охватываться высшим правительством государства, которое из этого источника черпает основания для установления союзников и выявления его врагов.

Исторический путь развития данного государства, при правильном понимании, помогает правительству, более точно установив союзников и врагов,—поставить правильные основные цели войны.

Никто другой, т. е. ни главковерх, ни тем более главком какого либо фронта не могут брать на себя задачу установления наших союзников и наших врагов; никто из них не в праве задаваться основными целями войны, как бы ни казалось это для них доступным.

Исследованные материалы устанавливают, что верховное гл-ние самостоятельно стремилось искать новых союзников во время самой войны и под влиянием этого искания само устанавливало основные цели войны. Отсюда проистекает авантюристический характер этих целей; на этом именно покоилась и неустойчивость этих целей во времени.

Война велась как бы за страх главковерха, тогда как она должна была вестись по воле верховного правительства государства, выражаемой периодически в директивах главковерху.

Главковерх лишь вкратце сообщал главе государства о происходившем на театрах войны, как бы не нуждаясь в директивном руководстве свыше.

Конечно, и во время войны курс внешней политики государства мог бы измениться; но эти изменения целиком должны относиться к области верховного правительства; главковерх, при правильном ведении дела, воспринимал бы эти изменения лишь в виду постановки ему новых целей войны, вытекающих из изменений курса международной политики.

Во время Великой войны, в рассматриваемый ее период,— главковерх стремился к созданию того или иного политического курса; мало того, право влиять на этот курс, а порою и создавать его неизмененно стремился присвоить себе и главкоюз г.-ад. Иванов, действовавший сначала во всем сообща со своим нашта г. Алексеевым.

Ясно, что при таком положении вещей не могло быть, и в действительности не было, ни твердого политического курса в международном масштабе, ни более или менее устойчивых основных целей войны; не было, вследствие этого, у главковерха и ясного представления о ближайших задачах великой войны.

Политикующий главковерх разрушал фундамент для своей стратегии. Постоянно пытавшийся политиковать главкоюз лишал себя возможности работать стретегически и не был поставлен главковерхом на свое место стратега, свободного в пределах исполнения ближайшей задачи войны.

Ближайшие задачи войны. Главковерх не всегда ясно представлял себе ближайшую задачу войны. Только иногда эта задача выливалась у него в определенную форму, скорее под влиянием политических мечтаний, чем на основании глубокого изучения общей стратегической обстановки.

В тех редких случаях, когда ближайшая задача как бы устанавливалась определенно, главковерх все таки не был в состоянии распоряжаться в ее духе путем постановки фронтам определенных частных задач, вытекающих из этой ближайшей задачи войны, на которой он остановился хотя бы временно. Вместо постановки задач фронтам, главковерх, обыкновенно, запрашивал предположения главкомов, выслушивал их доклады и в результате стремился к согласованию разноречивых стремлений С.-З. и Ю.-З. фронтов. В некоторых случаях главковерх просто становился на сторону предположений одного из главкомов; тогда вся ставка проявляла пособничество одному фронту, одобренному, и, наоборот, ставила во всем препятствия другому фронту, предположения коего не были приняты верховным. В этих случаях тот или иной фронт, не пользовавшийся сочувствием, больше воевал со ставкою, чем с неприятелем, затрачивая энергию на это пустопорожнее дело.

Но и в тех случаях, когда ближайшая задача войны приобретала определенность, —это состояние продолжалось не долго; под давлением различных влияний и впечатлений задача или сменялась другою, или просто отменялась; все это происходило через такие короткие промежутки времени, в течение которых исполнители (фронты) не успевали развить в должной степени „подготовку“ к „решению“ поставленной им частной задачи. Силы и средства фронтов напрягались впустую, потому что войскам приходилось действовать для достижения случайно возникнувших целей или по таким заданиям, для подготовки к решению которых у них не находилось ни достаточного промежутка времени, ни необходимых боевых средств.

Все это способствовало потере нами почина в действиях и потому уменьшало всегда наши шансы на успех.

Задания для действий фронтов. Фронты в большинстве случаев, не получая определенной оперативной задачи, которая вытекала бы из ближайшей задачи войны, сами задавались оперативными целями, о чем и сообщали в ставку, прибегая, как это особенно резко выразилось в Ю.-З. фронте относительно замысла Карпатского похода, даже к сокрытию начала подготовки задуманной операции, дабы впоследствии поставить Верховное Гл-ние перед совершившимся фактом и получить таким путем утверждение своих планов.

Операция, задуманная главкомом того или иного фронта, обыкновенно, страдала несоответствием общему положению дел на всем фронте и казалась целесообразной только с точки зрения местных фронтовых интересов. Бывали такие периоды, когда оперативные замыслы фронтов даже исключали друг друга.....

Главковерх не находил в себе решимости отменять такого рода сепаратные выступления, искал соглашательства между фронтами, которое, конечно, не могло привести к каким-либо решениям, соответствующим действительной стратегической обстановке, и давало лишь простор без'идейным столкновениям на полях сражений. Без'идейность, так сказать, полное отсутствие какого бы то ни было замысла операции приводило к тому, что боевые действия развертывались без всякого плана; операция не имела ни начала, ни конца; войска гибли не в бою, а в беспрограмной, и потому кровопролитной, бойне.

Зачастую бывало и так, что главкомы, не успев замыслить операцию и не получив задания от главковерха, просто бездействовали; тогда противник предупреждал их и подчинял действия наших армий своей инициативе. В таких случаях ставка металась и еще более выводила фронты из равновесия; ее вмешательство, обыкновенно, шло вразрез с рациональными выходами фронтов из создавшегося положения; инициатива, утраченная фронтами, в таких случаях оказывалась потерянной совершенно безвозвратно.

Нервные, и подчас даже панические, дергания ставки приводили к тому, что фронтам не удавалось полностью провести „подготовку“ хотя бы и к плохо задуманной ими операции; поэтому они всегда оказывались неподготовленными и к тем случайным боевым действиям, которые, волею судеб, развертывались для них почти неожиданно. Рассматриваемый период войны изобиловал весьма кровопролитными боевыми действиями, но не дал ни одной законченной операции с нашей стороны, что и послужило одною из причин полной законченности разгрома Ю.-З. фронта армией г. Макензена, действовавшего совместно с другими группами австрийцев и германцев в Карпатах и в Заднестровье.

Бывали случаи, когда главкомы фронтов, почувствовав надвигающуюся возможность катастрофы или просто боясь ответственности, запрашивали главковерха, заканчивая запрос просьбой—поставить им определенную задачу. В ответ на такие запросы ставка, с чисто канцелярскою изворотливостью, ссылаясь на ровно ничего не стоющие в оперативном смысле телеграммы, всегда ставила в известность

главкомов, что задача им поставлена, и что, таким образом, они ломятся, как бы, в открытую дверь. У главкомов не хватало гражданского мужества рассеять, тем или иным способом, такого рода мистификацию, и они ...... обыкновенно умолкали, запасшись на всякий случай черновиком сделанного ими в ставку запроса.

Боевые события в таких условиях развивались вне влияния воли полководца, как-то стихийно для нас и вполне планомерно для противника.

Даже взятый в целом Карпатский поход, закончившийся катастрофой только в апреле 1915 года, был лишен внутренней цельности и развивался как то эпизодически, сам по себе; от него отказывались; к нему вновь обращались неоднократно и главковерх, и главком Ю.-З.фронта.

К столь же без‘идейным в стратегическом смысле действиям призывал и г. Алексеев, когда через месяц после вступления в главнокомандование армиями С.-З. фронта,—он предлагал подготавливаться к таким операциям, которые вызывались лишь сознанием необходимости хоть как нибудь действовать, лишь бы не оставаться в бездействии.

Эти лишенные внутреннего содержания „операции“ армий С.-З. фронта, летом 1915 года, предпринятые по почину г. Алексеева, как известно, привели к разгрому С.-З. фронта вслед за состоявшимся разгромом Ю.-Западного.

„Карпатская“ стратегия была приложена и к С.-З. фронту; в результате,—разгром, вроде „Карпатского“,—постиг и эти армии.

Уроки 1915 года, на Юге и на Севере, не должны оставаться для нас без последствий: надлежит твердо усвоить раз навсегда, что не может быть войны без общей цели,—без ясного представления и определенной постановки ближайшей ее задачи; не может быть ни одной операции без внутренней связи с ближайшею задачей войны, без замысла—по цели и направлению, проводимого полководцем в течение всей „подготови“ операции и в течение всего периода ее „решения“.

Характер действий во фронтах. Не получая определенного оперативного задания, вытекающего из ближайшей задачи войны, оба фронта стремились задаваться задачами самостоятельно, предполагая, что именно их задания как раз и соответствуют истинной ближайшей задаче войны. Поставив себе задание, каждый фронт приступал к „подготовке“ задуманной им операции и для этого старался сосредоточить в своем распоряжении необходимые и достаточные силы и средства, выпрашивая их у главковерха. Так, повторяем, поступал каждый фронт, веря в правоту своего дела. Исследования по архивным материалам показали, что, зачастую, оба фронта преследовали противоположные, в значительной степени даже уничтожающие друг друга цели. Замыслы фронтов далеко не всегда утверждались ставкою, и тогда случалось так, что подготовительные действия того или другого фронта оказывались направлен-

ными впустую, их приходилось приостанавливать... Между тем, противник, а порою и верховное гл-ние—вынуждали фронт вступать в ту или иную операцию и вести ее без подготовки, или вернее, с подготовкой, развиваемой одновременно с развитием самой операции. Результат, как было выяснено, получался всегда один и тот же: противник предупреждал наши действия. Наши армии, вместо действий по собственному плану, оказывались вынужденными приспосабливаться к обхождениям противника, а порою, напрягать свои усилия только к тому, чтобы поправить дело. Ценою кровавых потерь, они едва-едва выходили из затруднительного положения, в которое их ставило бездействие ставки при наличности крайней близорукости с ее стороны.

Рассмотренный период войны, как нельзя более, убедительно доказал, что каждая операция требует безусловно „подготовки“, которая, в зависимости от своей полноты, приводит к тому или иному „решению“, и что операции без всесторонней подготовки доставляют легчайшим способом боевую славу противнику, а нам... кровавые потери и бесславное отступление... Таким именно легким успехом увенчались действия армии г. Макензена, положившего только одним прямолинейным наступлением конец Карпатской авантюре Ю.-З. фронта, в течение весьма непродолжительного промежутка времени.

Оторванностью замысла Карпатского похода от ближайшей задачи войны и неудовлетворительностью его подготовки—объясняются, с оперативной точки зрения, наши неудачи, постигшие нас весною 1915 года на Галицийском театре.

Операции фронтов срывались противником или ставкою, зачастую, в самый разгар их „подготовки“. Новая, вынужденная операция не получала, таким образом, ни своего начала, ни своей определенной цели, достижение которой знаменовало бы ее конец.

Операции начинались как то неожиданно для нас и столь же неожиданно прерывались, не дав никакого ощутительного стратегического результата.

Случалось и так, что целью действий объявлялось „наступление“, которое во всяком случае должно и может быть рассматриваемо только как средство, но никак, как цель. Такие беспрограмные и бесцельные наступления сделались правилом для Ю.-З. фронта в рассматриваемый период. Надо твердо установить раз навсегда, что „наступление“ может быть применяемо только с определенною оперативною целью, и потому оно является лишь средством достижения поставленной цели и фигурировать взамен цели ни в коем случае не может.

Если по отношению к фронту хаотическое состояние управления операциями приводило их к бесплановости, то в отношении к каждой армии, входящей в состав фронта, создавалось просто нетерпимое положение: армии получали новые распоряжения, едва только успев приступить к исполнению предыдущего.

Даже во время боя армии получали приказы о перегруппиров-

ках, идущих совершенно вразрез с требованиями действительной обстановки, слагавшейся в сфере их действий.

Карпатский поход изобилует примерами явно нецелесообразных распоряжений, отданных главкомом фронтом подчиненным ему армиям. Такие распоряжения подрывали веру войск в их вождей и являлись причиною кровавых потерь, не оправдываемых боевою необходимостью.

Если при очерченных условиях действий армий Ю.-З. фронта—какой-нибудь из них удавалось достигнуть частного успеха, то этот успех, обыкновенно, не мог быть развиваем в дальнейшем, т. к. при отсутствии замысла операции по цели и направлению для этого не оказывалось достаточных сил и средств в минуту необходимости.

Оперативные замыслы полководца Ю.-З. фронта не углублялись далее общей формулы: „такой то армии или таким то группам сдерживать противника на таком то фронте, а таким то частям действовать во фланг противнику в таком то направлении". В эту формулу выливалось все оперативное творчество в течение всего Карпатского похода.

Эта формула, не выражая ровно никакого оперативного замысла, является для крупных сил задачею, просто не выполнимою в горной стране, где пути проходят только в определенных направлениях, и где немногочисленные горные перевалы, в связи с общим характером местности, исключают какую бы то ни было возможность маневрировать массами в любом направлении.

Эта формула как бы исключает могучее влияние местного элемента в горах, где, как раз наоборот, именно этому элементу приходится придавать первенствующее значение и к нему приноравливать оперативные замыслы, а не наоборот.

Трудность боевых действий в горах в зимнее время является самодавлеющим фактором, подлежащим строгому предварительному учету во всех операциях вообще и в частности в операциях рассматриваемого периода; между тем оказалось, что в действиях армий Ю.-З. фронта в Карпатах, зимой 1915 года, эта трудность выплывала наружу только тогда, когда втянувшиеся в горы войска вплотную на них наталкивались и разбивались о них в тщетных усилиях побороть природное сопротивление, непреодолимое без применения к делу строгого предварительного расчета и военного искусства.

Поставив целью перейти Карпаты и вторгнуться своим центром в Венгерскую равнину, Ю.-З. фронт подвергал опасности, даже в случае успеха этого предприятия, все остальные силы действующей армии подвергнуться напору со стороны сильнейшего противника—германцев, не имея возможности получить поддержку от Ю.-З. фронта. Вместе с тем Ю.-З. фронт, уходя центром в Венгрию, открывал германцам возможность действовать в тыл его армиям и, таким образом, ставил в рискованное положение всю Карпатскую группу. Для обеспечения Карпатской операции на р.р. Дунаец и Бяла были развернуты слабые силы правого крыла 3. армии; это обеспечение, быть может достаточное в январе 1915 года,—было несоответственно

слабо уже в марте и тем более в апреле. Если в январе еще можно было с некоторым допуском считать главным направлением для действий всего фронта—направление через Карпаты в Венгрию, а расположение по р.р. Дунаец и Бяла его обеспечением, то уже в марте главным предметом действий для Ю.-З. фронта была германская армия „Макензена", сосредоточившаяся в районе Кракова, а со стороны Карпат требовалось только обеспечение. Этой гибкости в перемене главного направления и цели для действий не было проявлено в Ю.-З. фронте, который все время безусловно преследовал одну только цель—наступление через Карпаты в Венгрию.

Таким образом, твердость и постоянство в преследовании поставленной цели не могут быть доводимы в военном деле до такой степени, чтобы цель действий оставалась неизменной даже и в то время, когда явно народилась вместо нее другая, более важная и сама по себе, и с точки зрения общей обстановки. Вместе с тем обеспечение каждой операции от явной угрозы во фланги или тыл должно всегда соответствовать силе этой угрозы. В той же степени не свойственно военному делу и удержание во что бы то ни стало занятой территории (наприм., Галиции), если этой территории не принадлежит какое либо специально-стратегическое значение. Полководец должен одинаково смело решаться, как на движение вперед, так и на движение назад, если то или другое выгодно с точки зрения общей обстановки. Невыгодное впечатление, производимое на войска движением назад, вполне будет сглажено, если все воины в армии будут знать и понимать свой маневр. Ясная ориентировка всех, до рядового включительно, безусловно страхует от невыгодного внешнего впечатления, производимого движением назад, т. к. тогда всем становится понятен его внутренний истинный смысл.

Распределение сил и боевых средств между фронтами. Естественная необходимость ставить каждому фронту оперативное задание, вытекающее из ближайшей задачи войны, приводит к такому распределению сил и боевых средств между ними, которое строго соответствует оперативной потребности каждого из них. Это распределение должно было утверждаться главковерхом вне всякого влияния ходатайств и частных просьб главкомов фронтами. На самом деле, распределения, основанного на таких началах, не было. Главкомы выпрашивали себе силы и средства для исполнения оперативных замыслов, которыми они задавались преимущественно по собственному почину, или для восстановления положения, утраченного ими под напором со стороны противника. Вследствие этого, распределение сил и средств всегда не соответствовало важности операций того или другого фронта с общей точки зрения, и это несоответствие доходило до того, что в Ю.-З. фронте, против второстепенного противника, австрийцев, мы имели и качественно, и количественно более солидные силы и средства по сравнению с теми, которые были налицо в С.-З. фронте, имевшем против себя главного противника—германцев. Такое несоответствие в распределении сил и средств было для всех в действующей армии очевидностью,

и в то же время оно оставалось необъяснимым явлением, наводившим многих на тяжелые и грустные размышления... Выходило как будто так, что, воюя с германцами, мы все-таки не осмеливались наносить им слишком чувствительные огорчения. Казалось, что чья то незримая рука решила не допускать нас до победы над нашим главным врагом—германцами.

Подбор старших начальников в Ю.-З. фронте. Главкоюз, воодушевляемый в начале рассматриваемого периода своим начальником штаба, потерял масштаб своей работы и, по неисповедимым судьбам, решал задачу всей войны, включая сюда и ее внешне-политическую сторону, вместо того, чтобы сосредоточить свою деятельность в пределах Ю.-З. фронта, добиваясь от его армий действий во взаимной внутренней связи с армиями С.-З. фронта.

В результате такой деятельности выявилась Карпатская авантюра, к которой путь лежал через ряд других более мелких авантюр и легкомысленных боевых предприятий.

Совершенно очевидно, что не всякий из старших начальников в действующей армии был склонен действовать в духе авантюристических замыслов главкома Ю.-З. фронта и его начальника штаба, а потому совершенно ясно и понятно, что в Ю.-З. фронт потянули все родственные главкому по духу генералы; потянули туда и многие изжитые „герои“ манчжурских полей сражения. В Ю.-З. фронте собралось не мало генералов, преданных главкому, выдвигавших друг друга взаимными похвалами на людях, но вместе с тем завистливых и потому отказывавших друг другу в поддержке в минуты тяжелых боевых испытаний.

Доступ в эту «клику» посторонним был воспрещен, главным образом, по причине боязни получить брошенный камень в это устоявшееся болото нелепых взаимоотношений.

Удушающая атмосфера, мощным потоком расходившаяся от верхов управления фронтом, давила на командный состав среднего ранга; начальники дивизий и ниже, а порою и корпусные командиры были какими-то пешками в азартной игре заправил Ю.-З. фронта. Это несчастие сплотило солдатские массы с их командирами и начальниками среднего ранга; но зато между войсковыми массами и большинством старших генералов Ю.-З. фронта образовалась непроходимая пропасть. Войска Ю.-З. фронта шли за своими ближайшими начальниками, негодуя на высшее командование, которое толкало войсковые массы, не щадя их крови, в ненужные бои и в авантюристические боевые предприятия. Все в войсковых массах понимали в чем дело и сознавали, что высшие начальники, начиная с главкома—это одно, а строевые начальники—совсем другое.

Этими настроениями войсковых масс и объясняется огромный скачек всего Ю.-З. фронта назад, вызванный наступлением армии г. Макензена: войска изверились в своих полководцах и искали свое спасение в пространстве, которое они своим отходом положат между собою и противником. Отличные войска, входившие в со-

став Ю.-З. фронта, были деморализованы бесталанным управлением ими со стороны командармов при мощном участии в этом со стороны самого главкома и его начальника штаба.

Все эти полководцы Ю.-З. фронта, в общей совокупности, по странной игре их воображения, считали себя популярными вождями вверенных им масс; между тем, на самом деле, имена многих из них сопровождались громкою руганью, разносившеюся, как по фронту, так и в глубину, и распространявшеюся по необъятному пространству нашей многострадальной родины.

Отсюда ясно, — насколько следует быть осторожным при выборе высших начальников действующей армии, и насколько глубоко должна быть продумана подготовка их еще в мирное время.

Общий вывод. Принято считать, что катастрофа Ю.-З. фронта покоится в корне на недостатке боевых средств, патронов, снарядов и т. под. Эта точка зрения с момента Карпатской катастрофы усиленно распространялась, главным образом, самими же ее виновниками, ибо верно, что Россия была в это время бедна боевыми средствами. При поверхностном обзоре Карпатской операции недостаток боевых средств, действительно, представляется как будто причиной ее печального конца.

Но если искать главную, основную причину катастрофы Ю.-З. фронта, а с нею и начало конца нашей боевой славы,—то придется неминуемо признать, что и здесь, как и во всех боевых удачах и неудачах, на первом месте стоял человек с его нравственной энергией.

Мы утверждаем, что главными причинами Карпатского погрома являются:

а) полное несоответствие г.-ад. Иванова роли главкома фронтом;

б) несоответственные боевому делу духовные качества начальника штаба армий Ю.-З. фронта, г. Алексеева;

в) неудачный подбор командующих армиями этого фронта с точки зрения их нравственного ранжира и обладания военным искусством;

г) мало к чему пригодное верховное главнокомандование;

и, наконец, д) бедность в отношении боевых средств, не доходившая, однако, до невозможности оказывать мощное сопротивление напору противника, но обращавшаяся в большую беду после того, как войска попадали в тягостное тактическое положение, вследствие бесталанных распоряжений их вождей.

Главком и командармы полагали, что русский солдат, эта „серая скотинка“,—все выдержит и, беззаветно исполняя волю своих полководцев, попрежнему станет повторять севастопольскую поговорку: „где ваши ножки, там наши головушки“; но... они ошиблись; солдат понял—в чем дело; его терпение лопнуло, и он, беззаветно жертвовавший собою в Великой Галицийской битве и на полях Лодзинской операции,—теперь решил про себя „довольно“... и ушел из Галиции поближе к своим родным полям.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ГЛАВА I.

Предисловие:

Ближайшие задачи войны после Лодзинской операции (ноябрь—декабрь 1914 г.). (Схема № 2).

ГЛАВА II.

Новая задача войны—овладение Восточной Пруссией (январь 1915 г.). (Схемы № 1 и № 2).

ГЛАВА III.

Раздвоение ближайшей задачи войны. (Схема № 2).

ГЛАВА IV.

Решение верховного гл-щего: немедленно через Карпаты в Венгрию. (Схема № 2).

Ссылки на документы.

1) Д. Шт. В. Гл. 369а, № 3. ч. V. Л. 9.
2) Д. Шт. В. Гл. 369а, № 3. ч. V. Л. 33.
3) Д. Шт. В. Гл. 369а, № 3. ч. V. Л. 95.
4) Д. Шт. В. Гл. 369а, № 3. ч. V. Л. 173.
5) Д. Шт. В. Гл. 369а, № 3. ч. V. Л. 178.
6) Д. Шт. В. Гл. 369а, № 3. ч. V. Л. 191.
7) Д. Шт. В. Гл. 369а, № 3. ч. V. Л. 201.
8) Д. Шт. В. Гл. 369а, № 3. ч. V. Л. 217.
9) Д. Шт. В. Гл. 369а, № 3. ч. V. Л. 291.
10) Д. Шт. В. Гл. 369а, № 3. ч. V. Л. 323.
11) Д. Шт. Верх. Гл-щего 369а, № 3) ч. VI. Л. 35.
12) Д. Шт. В. Гл. 369б, № 3. ч. VI. Л. 87.
13) Д. Шт. В. Гл. 369б, № 3. ч. VI. Л. 96 и 97.
14) Д. Шт. В. Гл. 369б, № 3. ч. VI. Л. 110.
15) Д. Шт. В. Гл. 369б, № 3, ч. VI. Л. 120.
16) Д. Шт. В. Гл. 369б, № 3. ч. VI. Л. 125.
17) Д. Шт. В. Гл. 369б, № 3. ч. VI. Л. 229.
18) Д. Шт. В. Гл. 369б, № 3. ч. VI. Л. 243.
19) Д. Шт. В. Гл. 369б, № 3. ч. VI. Л. 297.
20) Д. Шт. В. Гл. 369в, № 3. ч. VII. Л. 123 и 124.
21) Д. Шт. В. Гл. 369б, № 3. ч. VI. Л. 297.
22) Д. Шт. В. Гл. 369в, № 3. ч. VII. Л. 139.
23) Д. Шт. В. Гл. 369в, № 3. ч. VII. Л. 139.
24) Д. Шт. В. Гл. 369в, № 3. ч. VII. Л. 141.
25) Д. Шт. В. Гл. 369в, № 3. ч. VII. Л. 182.
26) Д. Шт. В. Гл. 369в, № 3. ч. VII. Л. 141.
27) Д. Шт. В. Гл. 369в, № 3. ч. VII. Л. 180.
28) Д. Шт. В. Гл. 369в, № 3. ч. VII. Л. 181.
29) Д. Шт. В. Гл. 369в, № 3. ч. VII. Л. 193.
30) Д. Шт. В. Гл. 369в, № 3. ч. VII. Л. 187.
31) Д. Шт. В. Гл. 369в, № 3. ч. VII. Л. 197.
32) Д. Шт. В. Гл. 369в, № 3. ч. VII. Л. 197.
33) Д. Шт. В. Гл. 369в, № 3. ч. VII. Л. 243.
34) Д. Шт. В. Гл. 369в, № 3. ч. VII. Л. 211.
35) Д. Шт. В. Гл. 369в, № 3. ч. VII. Л. 213.
36) Д. Шт. В. Гл. 369в, № 3. ч. VII. Л. 224.
37) Д. Шт. В. Гл. 369г, № 3. ч. VIII. Л. 4, 9, 3 и 20.
38) Д. Шт. В. Гл. 369г, № 3. ч. VIII. Л. 40.
39) Д. Шт. В. Гл. 369г, № 3. ч. VIII. Л. 45 и 46.
40) Д. Шт. В. Гл. 369г, № 3. ч. VIII. Л. 72.

41) Д. Шт. В. Гл. 369г, № 3. ч. VIII. Л. 79 и 80.
42) Д. Шт. В. Гл. 369г, № 3. ч. VIII. Л. 80.
43) Д. Шт. В. Гл. 369г, № 3. ч. VIII. Л. 83.
44) Д. Шт. В. Гл. 369г, № 3. ч. VIII. Л. 92.
45) Д. Шт. В. Гл. 369г, № 3. ч. VIII. Л. 96.
46) Д. Шт. В. Гл. 369г, № 3. ч. VIII. Л. 108.
47) Д. Шт. В. Гл. 369г, № 3. ч. VIII. Л. 115.
48) Д. Шт. В. Гл. 369г, № 3. ч. VIII. Л. 118.
49) Д. Шт. В. Гл. 369г, № 3. ч. VIII. Л. 127.
50) Д. Шт. В. Гл. 369г, № 3. ч. VIII. Л. 155.
51) Д. Шт. В. Гл. 369г, № 3. ч. VIII. Л. 138.
52) Д. Шт. В. Гл. 369г, № 3. ч. VIII. Л. 138.
53) Д. Шт. В. Гл. 369г, № 3. ч. VIII. Л. 194 и 196.
54) Д. Шт. В. Гл. 369г, № 3. ч. VIII. Л. 196 и 197.
55) Д. Шт. В. Гл. 369г, № 3. ч. VIII. Л. 204.
56) Д. Шт. В. Гл. 369г, № 3. ч. VIII. Л. 214.
57) Д. Шт. В. Гл. 369г, № 3. ч. VIII. Л. 224.
58) Д. Шт. В. Гл. 369д, № 3. ч. IX. Л. 17.
59) Д. Шт. В. Гл. 369д, № 3. ч. IX. Л. 5, 8, 22 и 25.
60) Д. Шт. В. Гл. 369д, № 3. ч. IX. Л. 1.
61) Д. Шт. В. Гл. 369д, № 3. ч. IX. Л. 33.
62) Д. Шт. В. Гл. 369д, № 3. ч. IX. Л. 36.
63) Д. Шт. В. Гл. 369д, № 3. ч. IX. Л. 45.
64) Д. Шт. В. Гл. 369д, № 3. ч. IX. Л. 72.
65) Д. Шт. В. Гл. 369д, № 3. ч. IX. Л. 93.
66) Д. Шт. В. Гл. 369д, № 3. ч. IX. Л. 167.
67) Д. Шт. В. Гл. 369д, № 3. ч. IX. Л. 185.
68) Д. Шт. В. Гл. 369д, № 3. ч. IX. Л. 205.
69) Д. Шт. В. Гл. 369д, № 3. ч. IX. Л. 220.
70) Д. Шт. В. Гл. 369д; № 3. ч. IX. Л. 95 и 96.
71) Д. Шт. В. Гл. 369д, № 3. ч. IX. Л. 214—216.
72) Д. Шт. В. Гл. 369д, № 3. ч. IX. Л. 223.
73) Д. Шт. В. Гл. 369д, № 3. ч. IX. Л. 225.
74) Д. Шт. В. Гл. 369д, № 3. ч. IX. Л. 240.
75) Д. Шт. В. Гл. 369д, № 3. ч. IX. Л. 262.
76) Д. Шт. В. Гл. 369д. № 3. ч. IX. Л. 270.
77) Д. Шт. В. Гл. 369е, № 3. ч. X. Л. 4.
78) Д. Шт. В. Гл. 369е, № 3. ч. X. Л. 22.
79) Д. Шт. В. Гл. 369е, № 3. ч. X. Л. 25.
80) Д. Шт. В. Гл. 369е, № 3. ч. X. Л. 39.
81) Д. Шт. В. Гл. 369е, № 3. ч. X. Л. 40.
82) Д. Шт. В. Гл. 369е, № 3. ч. X. Л. 61.
83) Д. Шт. В. Гл. 369е, № 3. ч. X. Л. 68.
84) Д. Шт. В. Гл. 369е. № 3. ч. X. Л. 81а.
85) Д. Шт. В. Гл. 369е, № 3. ч. X. Л. 122.
86) Д. Шт. В. Гл. 369е, № 3. ч. X. Л. 152.
87) Д. Шт. В. Гл. 369е, № 3. ч. X. Л. 175, 176, 177, 179, 181.
88) Д. Шт. В. Гл. 369е, № 3. ч. X. Л. 213 и 214.
89) Д. Шт. В. Гл. 369е, № 3. ч. X. Л. 216.
90) Д. Шт. В. Гл. 369е, № 3. ч. X. Л. 244 и 245.
91) Д. Шт. В. Гл. 369е, № 3. ч. X. Л. 241.
92) Д. Шт. В. Гл. 369е, № 3. ч. X. Л. 247.
93) Д. Шт. В. Гл. 369е, № 3. ч. X. Л. 249.
94) Д. Шт. В. Гл. 369е, № 3. ч. X. Л. 245.
95) Д. Шт. В. Гл. 369е, № 3. ч. X. Л. 267.
96) Д. Шт. В. Гл. 369е, № 3. ч. X. Л. 245.
97) Д. Шт. В. Гл. 369е, № 3. ч. X. Л. 275.
98) Д. Шт. В. Гл. 369е, № 3. ч. X. Л. 259.
99) Д. Шт. В. Гл. 369е, № 3. ч. X. Л. 283.
100) Д. Шт. В. Гл. 369э, № 3. ч. X. Л. 294.
101) Д. Шт. В. Гл. 369е, № 3. ч. X. Л. 297.
102) Д. Шт. В. Гл. 369е, № 3. ч. X. Л. 299.
103) Д. Шт. В. Гл. 369е, № 3. ч. X. Л. 303.
104) Д. Шт. В. Гл. 369е, № 3. ч. X. Л. 297.
105) Д. Шт. В. Гл. 369е, № 3. ч. X. Л. 314 и 316.
106) Д. Шт. В. Гл. 369к, № 3. ч. XI. Л. 15.
107) Д. Шт. В. Гл. 369к, № 3. ч. X. Л. 24.
108) Д. Шт. В. Гл. 369к, № 3. ч. XI. Л. 32.
109) Д. Шт. В. Гл. 369к, № 3. ч. XI. Л. 37.
110) Д. Шт. В. Гл. 369к, № 3. ч. XI. Л. 42.
111) Д. Шт. В. Гл. 369к, № 3. ч. XI. Л. 62.
112) Д. Шт. В. Гл. 369к, № 3. ч. XI. Л. 50.
113) Д. Шт. В. Гл. 369к, № 3. ч. XI. Л. 60.
114) Д. Шт. В. Гл. 369к, № 3. ч. XI. Л. 66.
115) Д. Шт. В. Гл. 369к, № 3. ч. XI. Л. 75.
116) Д. Шт. В. Гл. 369к, № 3. ч. XI. Л. 84.
117) Д. Шт. В. Гл. 369к, № 3. ч. XI. Л. 111.
118) Д. Шт. В. Гл. 369к, № 3. ч. XI. Л. 138.

Схема №2.
Положение армий с
18 на 19 апреля 1915 г.
КЕНИГСБЕРГ
Инстербург
КОВНА
Козлова Руда
Мариамполь
Кальвария
СУВАЛКИ
Олита
Ораны
Меречь
Друскеники
Штарм.
ГРОДНА
Августов
Сопоцкин
Липск
Бобр
Кузница
р. Неман
Ангербург
Растенбург
Летцен
Лык
Ротфлис
Дейч-Эйлау
Остероде
Алленштейн
Яблонов
Ортельсбург
Иоганнисбург
Нейденбург
Торунь
Солдау
Мышинец
Млава
Кольно
Осовец
Прасныш
Цеханов
Остроленка
ЛОМЖА
Кнышин
Белосток
Рожан
Остров
р. Нарев
Познань
р. Варта
ПЛОЦК
Плонск
Пултуск
Вышков
Сохачев
Блоне
Кросневице
Илов
Новогеоргиевск
Домбе
Лович
Гловно
ВАРШАВА
Тлуш
С.З.
р. Буг
КАЛИШ
Лодзь
Скерневицы
Гродиск
Ново-Минск
Брезин
Гарволин
Калушин
СЕДЛЕЦ
Гройцы
Томашев
Вилица
ПЕТРОКОВ
Велюнь
БРЕСТ-ЛИТОВСК
р. Пина
Опочно
Жарнов
Конск
Штарм
РАДОМ
Ивангород
Ново-Радомск
Ченстохов
р. Варта
ОПОЛЬЕ
Радошице
КЕЛЬЦЫ
ЛЮБЛИН
Ю.З.
р. Нида
Хенцины
Холм
Буск
Красностав
КОВЕЛЬ
р. Висла
Сандомир
р. Вепрж
Замостье
Грубешов
Мелец
КРАКОВ
ТАРНОВ
Владимир-Волынский
Луцк
Томашов
Белжец
Белзы
Туково
Рыглице
ЯРОСЛАВ
Унов
РОВНО
Сандец
р. Донаец
Дубно
Здолбуново
Нов. Сандец
Горлице
Немиров
Рава-Русска
Нов. Белки
Ясло
Жолкиев
Бородино
Кросно
Яворов
Янов
р. Буг
Ст. Сандец
Змигрод
ПЕРЕМЫШЛЬ
Броды
Кременец
Дукла
Санок
ЛЬВОВ
Самбор
Бардаево
Свидник
Злочов
Турка
Журавно
Прящев
Стрый
ТАРНОПОЛЬ
Кошица
Варанно
Тухоля
Галич
Бучач
Над-Михаль
Велико Березное
Долина
р. Днестр
Угелы
Ужгород
Ниж. Верецке
Станиславов
Чап
Мукачев
Надворна
Залещики
КАМ. ПОДОЛЬСК
Делятын
Густов
(Хуст)
Коломыя
р. Прут
Хальми
ЧЕРНОВЦЫ
Сатмар-Немет.
Сигот
Новоселица

Как немцы представляли себе будущую карту Европы

Оригинал этой карты найден в сумке убитаго германск. офицера.